

39

300 лет П. И. Пашеву • Замысливший Россию в трёх вехах • Телескоп

№ 39

ГОСТИННЫЙ ДВОР

*Лауреаты литературной премии
«Чаша бытия» для молодых поэтов
альманаха «Гостиный Двор»
2011 года*

Варвара Сергеевна Заблицкая

Инна Константиновна Игнаткова

*Учредитель премии депутат Законода-
тельного собрания Оренбургской области
Владимир Николаевич Киданов вручил глав-
ному редактору альманаха «Гостиный Двор»
Наталье Юрьевне Кожевниковой грант на
создание сайта альманаха.*

*Редакционный общественный совет аль-
манаха благодарит его за оказанную помощь.*

**ГОСТИНЫЙ
ДВОР**

Литературно-художественный и общественно-политический альманах
Издаётся с 1995 года

*Издание осуществлено на средства
Правительства Оренбургской области*

Оренбург
2012

Учредители:

Министерство культуры, общественных и внешних связей Оренбургской области,
Оренбургская областная общественная писательская организация Союза писателей
России

Главный редактор Н.Ю. Кожевникова

Редакционный общественный совет:

председатель – В.А. Шориков, министр культуры, общественных и внешних связей
Оренбургской области

В.А. Бахревский (Подмосковье)

В.В. Ренёв

Н.А. Емельянова

П.Г. Рыков

Г.П. Ивлиев (Москва)

Л.П. Сквородко

Д.Е. Кан (Новокуйбышевск)

В.Б. Соколов

В.М. Капустина

Т.В. Судоргина

П.Н. Краснов

А.А. Тепляшин (Новотроицк)

В.А. Лазубов

А.Г. Фидлипов

Г.П. Матвиевская

А.А. Чибилёв

Почтовый адрес редакции:

460000, г. Оренбург, ул. Краснознаменная, 5

Телефоны: (3532) 77-52-71, 8-903-394-32-60

E-MAIL: Gdvor56@yandex.ru

Почтовый адрес издателя:

460009, г. Оренбург, проспект Братьев Коростелёвых, 4. «Редакция газеты

«Оренбуржье» – Оренбургский городской филиал ГУП «РИА «Оренбуржье»

Телефон/факс (3532) 74-43-36

На первой и последней страницах обложки – фото **В.Б. Соколова**

Художник – **П.Л. Церемпилов**

Компьютерный дизайн – **Л.В. Гмырина, А.А. Воловод**

Компьютерный набор – **Е.Н. Цыганчук, Г.Р. Чуйкова**

Корректоры – **Ф.Н. Кусикова, Л.И. Белыева**

В спорных случаях оставляются стиль, орфография и пунктуация авторов, которые несут ответственность также и за достоверность фактов. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Редакция не имеет возможности рецензировать и возвращать рукописи

Сдано в набор 07.05.2012 г.

Подписано в печать 29.05.2012 г.

Формат 60x84 1/16. Печать офсетная. Бумага офсетная. Объём 22,5 печ. л.

Тираж 1 500 экз.

Заказ № 1256

Цена свободная

Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ56-00153 от 21.04.2010 г. в Управлении Роскомнадзора по Оренбургской области Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Отпечатано в ООО «УралПечатьСервис»

462353, г. Новотроицк, ул. Горького, 14

ISBN

© Альманах «Гостиный Двор», 2012

О чтении

Каждый писатель тревожится о том, как его будут читать. Поймут ли? Увидят ли то, что он хотел показать? Почувствуют ли то, что любило его сердце? И кто будет его читатель? От этого зависит так много... И прежде всего – состоится ли у него желанная духовная встреча с теми далёкими, но близкими, для которых он втайне писал свою книгу?

Дело в том, что далеко не все читающие владеют искусством чтения: глаза бегают по буквам, «из букв вечно выходит какое-нибудь слово» (Гоголь)¹, и всякое слово что-нибудь да «значит»; слова и их значения связываются друг с другом, и читатель представляет себе что-то «подержанное», распылчатое, иногда непонятное, иногда приятно-милолётное, что быстро уносится в позабытое прошлое... И это называется «чтением». Механизм без духа. Безответственная забава.

«Невинное» развлечение. А на самом деле – культура верхоглядства и поток пошлости.

Такого «чтения» ни один писатель себе не желает. Таких «читателей» мы все опасаемся. Ибо настоящее чтение происходит совсем иначе и имеет совсем иной смысл...

Как возникло, как созрело написанное?

Кто-то жил, любил, страдал и наслаждался; наблюдал, думал, желал, надеялся и отчаивался. И захотелось ему поведать нам о чём-то таком, что для всех нас важно, что нам необходимо духовно увидеть, прочувствовать, продумать и усвоить. Значит – что-то *значительное о чём-то важном и драгоценном*. И вот он начинал отыскивать верные образы, ясно-глубокие мысли и точные слова. Это было нелегко, удавалось не всегда и не сразу. Ответственный писатель вынашивает свою книгу долго, годами, иногда – всю жизнь; не расстаётся с ней ни днём ни ночью; отдаёт ей свои лучшие силы, свои вдохновенные часы; «болеет» её темой и «исцеляется» писанием. Ищет сразу и правды, и красоты, и «точности» (по слову Пушкина)², и верного стиля, и верного ритма – и всё для

того, чтобы рассказать, не искажая, видение своего сердца... И наконец произведение готово. Последний просмотр строгим, зорким глазом; последние исправления — и книга отрывается и уходит к читателю, неизвестному, далёкому, может быть, легковесно-капризному, может быть, враждебно-придирчивому... Уходит — без него, без автора. Он выключает себя и оставляет читателя со своей книгой «наедине».

И вот мы, читатели, берёмся за эту книгу. Перед нами накопление чувств, постижений, идей, образов, волевых разрядов, указаний, призывов, доказательств, целое здание духа, которое даётся нам прикровенно, как бы при помощи шифра. Оно скрыто за этими чёрными мёртвыми крючочками, за этими общезвестными, пощёльными словами, за этими общедоступными образами, за этими отвлечёнными понятиями. Жизнь, яркость, силу, смысл, дух должен из-за них добыть сам читатель. Он должен воссоздать в себе созданное автором; и если он не умеет, не хочет и не делает этого, то за него не сделает этого никто: всуе будет его «чтение», и книга пройдёт мимо него. Обычно думают, что чтение доступно всякому грамотному... Но, к сожалению, это совсем не так. Почему?

Потому что настоящий читатель отдаёт книге своё свободное внимание, все свои душевные способности и своё умение вызывать в себе ту верную духовную установку, которая необходима для понимания этой книги. Настоящее чтение не сводится к бегству напечатанных слов через сознание; оно требует сосредоточенного внимания и твёрдого желания верно услышать голос автора. Одного рассудка и пустого воображения для чтения недостаточно. Надо *чувствовать сердцем и созерцать из сердца*. Надо пережить страсть страстным чувством; надо переживать драму и трагедию живой волей; в нежном лирическом стихотворении надо внять всем вздохам, встречать своей нежностью, взглянуть во все глубины и дали, а великая идея может потребовать не более и не менее как всего человека.

Это означает, что читатель призван верно воспроизвести в себе душевный и духовный акт писателя, зажить этим актом и доверчиво отдаться ему. Только при этом условии состоится желанная встреча между обоими, и читателю откроется то важное и значительное, чем болел и над чем трудился писатель. Истинное чтение есть своего рода *художественное ясновидение*, которое призвано и способно верно и полно воспроизвести духовные видения

другого человека, жить в них, наслаждаться ими и обогащаться ими. Искусство чтения побеждает одиночество, разлуку, даль и эпоху. Это есть сила духа — оживлять буквы, раскрывать перспективу образов и смысла за словами, заполнять внутреннее «пространство» души, созерцать нематериальное, отождествляться с незнаемыми или даже умершими людьми и вместе с автором художественно и мыслительно постигать сущность богозданного мира.

Читать — значит *искать и находить* как бы отыскивает скрытый писателем духовный клад, желая найти его во всей его полноте и присвоить его себе. Это есть *творческий* процесс, ибо воспроизводить — значит творить. Это есть борьба за духовную встречу; это есть *свободное единение* с тем, кто впервые приобрёл и закопал искомый клад. И тому, кто никогда этого не добивался и не переживал, всегда будет казаться, что от него требуют «невозможного».

Искусство чтения надо приобретать и вырабатывать в себе. Чтение должно быть углублено; оно должно стать творческим и созерцательным. И только тогда нам всем откроется его духовная ценность и его душеобразующая сила. Тогда мы поймём, что следует читать и чего читать не стоит, ибо есть чтение, углубляющее душу человека и строящее его характер, а есть чтение, разлагающее и обесценивающее.

По чтению можно узнавать и определять человека. Ибо каждый из нас есть то, что он читает; и каждый человек есть то, как он читает; и все мы становимся незаметно тем, что мы вычитываем из прочтенного, — как бы букетом собранных нами в чтении цветов...

Иван ИЛЬИН

«Полоще сердце. Книга тихих созерцаний» (1947 г.)

* Гоголь, Н.В. Мёртвые души//Собр. соч.: В 7 т. Т. 5. — М., 1967. — С. 23.
** Ср.: «Точность и краткость — первые достоинства прозы» (Пушкин А.С. О прозе//Полн. собр. соч. — Т. 7 — Л., 1978. — С. 12).

ГОСТИНЫЙ ДВОР

- ОРЕНБУРГСКАЯ ДИАСПОРА 8 Диана Кан. Августейший август. *Стихи*
342 Алексей Иванов-Огарыш. «Любить без приказа». *Из дневника церковностроителя*
- КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ 18 Татьяна Дегтярёва. «Не уходи с поля!» *О романе П. Н. Краснова «Заполье»*
337 Алла Прокофьева. «Наши пики приготовлены...» *К 215-летию П. М. Кудряшёва*
359 Лидия Медведева. Обжигающее дыхание времени... *Об оренбургском художнике Николае Прохорове*
- ПРОЗА И ПОЭЗИЯ 35 Александр Трубенюк. Видит око. *Стихи*
42 Сергей Бурдыгин. Сквер. *Повесть о пятой лавочке*
57 Варвара Заблицкая. Закон тяготения. *Стихи*
62 Инна Игнаткова. Однажды за мною вернётся весна. *Стихи*
66 Влада Абаймова. Выжженная полоса. *Стихи*
72 Павел Рыков. Три рассказа. *Из забытого в письменном столе*
86 СТИХИ ПО КРУГУ: Иван Коннов, Александр Филатов, Лилия Чернова, Елена Чернышёва
- ПРЕДСТАВЛЯЕМ КНИГУ 94 Вениамин Побежимов. «Голуби из рук...» *Послесловие Анатолия Теляшина*
100 Николай Волженцев. «Посидим на брёвнышке». *Послесловие Надежды Емельяновой*
- ВРЕМЯ ДЕЙСТВИЯ 105 Валерий Коновалов. «Без президентов демократии бывают, а без парламентов — нет». *К 1150-летию Российской государственности*
- НАША ГОСТИНЯ 116 Александр Кердан. Анамнез. *Стихи*
121 Геннадий Ёмкин. Мы из-под камня выйдем строем... *Стихи*
128 Любовь Ковшова. Петухивна. *Сказка*
137 Василий Килияков. «Фрески». *Наблюдения и размышления*

В ЗЕРКАЛЕ ИСТОРИИ

- 153 Владимир Ермаков. Из яснополянского дневника. *Заметки с ежегодного форума писателей России*
159 Валерий Михайлов. Великий джугт. *Главы из документальной повести*
- 189 Фаниль Ишбулатов. Жестокий эксперимент. *Из архива ФСБ*
196 Ольга Осецкая. «Голод принял ужасающие, катастрофические размеры...» *Больная тема*
214 Валентин Образцов. В оккупации. *Воспоминания свидетеля*
302 Евгений Клинков, Татьяна Савинова. 250 лет «Топографии Оренбургской» П. И. Рычкова. *К истории изданий труда в XVIII — XXI вв.*
318 Инна Зубова. Из рода Рычковых. *Памяти Н. И. Ободовской*
324 Э. ф. р. в. т. Рассказ башкирца Джантюрти о войне 1812 года
327 Вильям Савельзон. В Бородинской битве и в «Евгении Онегине». *К 200-летию Отечественной войны 1812 года*
- БОЛЬШАЯ ЖИЗНЬ 218 Надежда Емельянова. «То ангел-хранитель, то музы спасали от бед...» *Портрет современницы*

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КЛУБ «ОРЕНБУРГСКАЯ КРЕПОСТЬ»

- 231 Мидхат Харасов. Японский брадобрей. *Рассказ*
239 Екатерина Ермолаева. Бабы Грунвин крест. *Рассказ*
247 Олег Биманов. Восемнадцать шагов до Большой Медведицы. *Рассказ*
253 Александр Пангелин. Исповедь. *Рассказ*
258 Олег Берендеев. Судьба капитана. *Рассказ*
264 Иван Витязев. Кто герои, а кто бандиты. *О двух командировках на войну*
272 Андрей Приказчиков. Штурм. *Из записок пограничника*
279 Сергей Кольцов. Если завтра война. *О русских «охотниках», пластунах, «чистильщиках» и хорошо забытом старом искусстве*
297 СТИХИ ПО КРУГУ: Юрий Волчок, Мария Кольцова, Наталья Курыкова, Игорь Якименко

есть осознанная необходимость, как нам внушали. Свобода — это осознанная ответственность. Готовность держать ответ за всё, что с тобой происходит. В то время как несвобода суть соблазн безответственности, заверенной авторитетом необходимости. Покорность, пассивность и притерпелость искушают дух покоем. Взаем уязвленной гордыни падающая душа обретает сладострастие в унижении. Сей психический выверт внутри гордого человека обличил Фёдор Михайлович Достоевский, оспаривающий у Льва Николаевича Толстого славу величайшего романиста.

В эти дни в Ясной Поляне сильный и страстный филолог Людмила Сараскина презентовала свой opus magnum⁸ — биографию Достоевского, изданную в серии «ЖЗЛ». Несомненно, лучшую из всех, написанных доньше.

17 сентября. Источником свободы совести, то есть свободы per se⁹, на самом деле является не право частной собственности, а чувство собственного

достоинства. Значит, для улучшения дел в отечестве нужен не политический переворот, а этический поворот. Общество, погрязшее в безнравственности, чтобы увериться в себе, должно преодолеть внутренний момент инерции. Уповав на божью помощь, но надеясь лишь на собственный потенциал. Прежде всего, на великую русскую культуру. Новый век должен быть эпохой Просвещения. Просвещение подразумевает не только образование ума, но и воспитание чувств. В первую очередь чувства собственно достоинства как основы свободной личности.

18 сентября. Русская идея, увлечённая соблазном социальной революции, пропустила что-то очень важное в своем развитии. Может быть, в ходе рассуждения о свободе и рабстве от Чехова следует вернуться к Толстому. Лекарство от *синдрома Фирса* — простое средство, отрекомендованное Львом Николаевичем; можно назвать его *метод капитана Тушина*: делай что должно, и пусть будет что будет.

Валерий Фёдорович Михайлов родился в 1946 году в Караганде, внук крестьян-спецпереселенцев, невзлей судьбы ставших шахтёрами. Окончил геофизический факультет Казахского политехнического института. Работал редактором газеты «Казахстанская правда». Известный русский поэт, прозаик, критик. Член Союза писателей России, секретарь правления Союза писателей Казахстана. Автор двадцати книг поэзии и прозы, множества публикаций в российских изданиях, в антологиях стран ближнего и дальнего зарубежья. Главный редактор ведущего русскоязычного литературно-художественного журнала «Простор». Лауреат международной премии «Алаш», кавалер ордена «Парасат». Живёт в Алматы.

Валерий МИХАЙЛОВ

ВЕЛИКИЙ ДЖУТ*

Преступление цареубийцы
Голощёкина

В начале 30-х годов XX века в Казахстане произошла страшная трагедия, которую в народе назвали «великим джутом». Более миллиона казахов, около трети коренного населения страны, погибли от массового голода и болезней.

Среди жертв «великого джута» были десятки тысяч сосланных на казахскую землю «спецпереселенцев» — русских, украинцев и представителей других национальностей, составлявших цвет российского крестьянства. Невыялтый голод, по сути геноцид, был результатом насильственной коллективизации, проведённой цареубийцей Шагй Голощёкиным в кратчайшие сроки в жесточайших условиях.

Официальные историки СССР более полувека скрывали правду об этой народной трагедии. В доку-

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Б.М. Парамонов. «Конец стиля».

² (англ.) — Давайте согласимся иметь разногласия.

³ Первое послание к коринфянам: 11; 19.

⁴ Л.Н. Толстой. «Путь жизни», гл. III «Одна душа во всех».

⁵ (лат.) — человек разумный.

⁶ Блез Паскаль. «Мысли»; VI. 112 (344).

⁷ Л.Н. Толстой. «Путь жизни»; гл. XVII «Суеверие государства».

⁸ (лат.) — главный труд, дело жизни.

⁹ (лат.) — в чистом виде.

* Главы из документальной повести. Москва, «Наш современник», «Голос-Пресс», 2012 г.

ментальной повести В. Михайлова впервые рассказывается о том, что произошло в те далёкие годы в Казахстане.

Народное казахское поверье
говорит,
что внутри смерти летит
дьявол.
И поэтому, заведев чёрный
вихрь,
люди прогоняют его
заклинанием:
«Прочь от нас к дому
плешивого!»

— Первое моё воспоминание — луна. Осень, холодно, мы куда-то кочем. Меня, завернутого, покачивает в телеге. Резкая остановка — и я вижу в чёрном небе огромную луну. Она полная, круглая и ярко светит. Я лежу на спине и долго смотрю на неё не отрываясь.

Поворачиваюсь и ясно вижу на земле какие-то коряги с вытянутыми, скрюченными ветками-руками, их много по обеим сторонам дороги: это люди. Они застыли и молча лежат на земле. Я догадался: ни о чём спрашивать не надо. Взрослые не ответят, им не до меня. И какая-то страшная тайна окружает этих застывших людей... Когда вырос, спросил, и тогда мне всё рассказали. Это были трупы. Бабушка удивлялась: как ты мог запомнить, ведь было-то тебе всего два года. В самом деле, как? Но запомнил. Луна... кочем... трупы... Было это в тридцать первом году, и перебирались мы тогда из опустевшего аула в Тургай...
Поэт Гафу Каирбеков рассказы-

вает своим обычным глуховатым голосом, мягко, как бы удивлённо:

— Второе моё воспоминание связано с Тургаем. Этот городок, районный центр, стоит на возвышенном месте. Под ним речка, все улицы круто спускаются к ней. Мы, ребятишки, бежим босиком к реке. А на улицах люди, много взрослых людей. Они идти не могут, ползут на четвереньках. Еле-еле, из последних сил. Отдохнут в изнеможении и снова царапают землю ногтями. А некоторые уже недвижны, лежат на дороге как бревна. Мы через них переступаем. Пока спуститься к реке, через несколько трупов надо перешагнуть. Там, у воды, забывают скот. К этой бойне и ползут голодные. Кто доберётся — пьёт кровь животных...

Во-о-от. А теперь третье воспоминание. Жили мы во дворе райпотребсоюза, где работал нагаши — дядя, старший брат матери. Двор широкий, огороженный, с тяжёлыми воротами, всегда закрытыми. Тут и скот, совсем небольшое стадо, но его надо беречь. Иначе все пропадут, кто кормится в столовой. Там дают какую-то похлёбку, из чего она, не разобрать. Мой братишка — он был старше меня на десять лет, потом погиб на войне — таскает варёво большими ведрами. Поешь — в животе вроде не пусто... А со двора нас, малых, уже не выпускают. Строго настроено запретили выходить. Глядим в щели ворот, что там на улице. Любопытно! Напротив старый глиняный дувал, у него люди. Кто прислонился спиной, кто вповалку лежит. Ждут... Скот во дворе истощённый, едва не падает с ног. У коров рождаются мёртвые телята,

у овец — мёртвые ягнята. Их туши, как и павший скот, вытаскивают за ворота. И люди накидываются на это. Тут же поедают, разрывая руками...

Помню, выбежал я однажды погулять — не уследили... И тут же меня схватили чьи-то руки. Слабые, чую, но держат как-то цепко. Я — вырываться. А сколько мне было... ну, года четыре или чуть больше. Хорошо, бабушка на помощь подошла, крик подняла. После несколько раз на день наказывала: не ходи за ворота — съедят...

Он сидит, слегка потупив голову, тянется за сигаретами. Молчит, глядит в окно.

— Вот такие самые первые воспоминания детства... Выжили только потому, что отец — он грамотный был — и дядя работали в потребсоюзе... А потом я немного подрост. Тридцать четвёртый год помню довольно отчётливо. Мы по-прежнему жили в Тургае. Людям полегче стало; тем, кто уцелел, помогали продовольствием. Привозили откуда-то... Но вообще трудно ещё жилось. Появились у нас в Тургае ссыльные (казахи выговаривали это слово — ссельные). Убийцы Кирова. Человек тридцать, разных национальностей. Голодные, страшные, работы им никакой, бродят кучей по улицам. Детишки, конечно, сбегались на них смотреть. Однажды и я пошёл, забыв про наказ бабушки. Тут они за мной и погнались — двое или трое огромных мужиков. Напугали до смерти, не знаю, как и ноги унёс. У самых ворот догнали, но дядя и бабушка отбили. Спасли...

Перед войной, когда мне было

уже лет десять, как-то поехали мы на арбе за топливом. Кустарники, камыши, сухая трава — всё в топку шло. Едва выехали за город, деревянные колёса стали скрипеть, переваливаться через что-то. Почва вроде ровная, песок — а тяжело едет. И этот скрип — странный, нехороший, слух режет. Я соскочил с телеги, а в песке кругом кости. Кто их тут разберёт? Рвём траву, собираем сухие ветки — и всюду кости, кости. Или на поверхности валяются, или чуть-чуть песком занесло. Потом черепа стали попадаться, человеческие. Да это же люди, думаю, сколько же их здесь полегло? Дома рассказал. Старшие пояснили: это голодные в город шли и умирали по дороге. Хоронить их было некому, так и лежали кругом мертвечы...

А мы всё время за городом: то траву косишь, то дрова собираешь, то играешь где-нибудь на сопках — мальчишки ведь не успокоятся, пока всё вокруг жилья не разведуют. Так, веришь или нет, весь Тургай был в колдее человеческих костей. Должно быть, обессиленные люди сходились, сползались к районному центру, надеясь хоть там раздобыть съестное и уберечься от голодной смерти...

А мы так и не вернулись в свой аул. Некуда было возвращаться...

Мы курим. Лицо моего собеседника как и прежде бесстрашно, будто говорил он мне обесчестные вещи. Лишь взгляд отрёпён...

— ...Бывает, задумаешься о том времени, и вспоминается Габит Мусрепов. Мы познакомились году в 58-м, когда нынешнего классика казахской литературы почти не печатали. Обвиняли его тогда в различ-

ных идеологических прегрешениях и даже из партии исключали на довольно долгое время. А я был в ту пору молодым редактором в издательстве. Однажды Габеке подызывает меня к себе. «Ты откуда, джигит?» — «Из Тургай». — «Тем лучше... Пойдём-ка со мной, узнаешь кое-что про свой Тургай».

Быль он в хорошем настроении, шутил, несмотря на все предрягги. Сейчас думаю: потому и смеялся, что силен был духом, не хотел поддаваться своим критиканам. И, наверное, под настроение рассказал он мне тогда смешной случай.

«Летом 34-го было дело... — В глазах весёлые искры, улыбается, и вдруг помрачнел, сделался угрюмым. — Голодно кругом, народ истощён, продпомощи не хватает, хозяйство в упадке. Крайком направил меня в Актюбинск. Приезжаю, а в обкоме все страшно перепутаны. В чём дело? Оказывается, Киров к ним едет.

— Ну, и чего боитесь?

— А что мы ему покажем?! — вытаращили они глаза. — Увидит, что здесь творится, задаст нам!

— Помощи просите, люди же бедствуют...

— Э, какая там помощь! В глаза ему взглянуть боязно...

И уговорили они меня, — усмехнулся Габеке, — пойти и встретить Кирова. А сами попрыгались кто куда...

Ну, встретил я гостя, познакомился и вскоре поехали мы, по его настоянию, в твой Тургай. По дороге я рассказывал ему о казахской истории, обычаях. Подъезжаем к самой границе твоего Тургай... —

тут Мусрепов принялся весело хохотать, — ...подъезжаем, а там, впереди, виднеется какое-то чёрное пятно. Что такое? Жара, миражи дрожат над землёй... не разобрав. Вроде бы четырёхугольный камень и крупная птица на нём сидит. Странная, знаешь ли, птица! Побольше орла и дрофы! То исчезнет куда-то, то вновь на чёрный камень усядется. Подъехали поближе, а птица и вовсе куда-то пропала. Как испарилась в горячем воздухе.

Подкатили мы ещё ближе и наконец разглядели, в чём дело. Да это же машина в степи стоит! Земляки твои нас встречают, тургайское районное начальство. Спешили, спешили навстречу, да не доехали: вода у них в радиаторе выкипела. Джигиты в нашей машине догадались, смеются: «Изобретательный народ эти тургайцы! Чуть что, на капот по очереди забираются. А мы-то думали — птица!» Киров поначалу ничего не понимал.

— Эй, братцы, — спрашивает, — зачем же вы на машину всё время взбирались?

Тургайские руководители покраснели, опустили глаза. Он в недоумении замолчал... и вдруг как приметя хохотать. За живот схватился, чуть по земле не катается...

— Вот они, твои тургайцы!.. — закончил Мусрепов почему-то печальным тихим голосом. И надолго замолчал. Потом пристально посмотрел на меня, с угрюмой горечью в глазах, и говорит: — Как-нибудь тебе ещё одну историю расскажу. Тоже про твой Тургай...»

С той поры началось наше близкое знакомство, и продолжалось оно

почти три десятилетия. Не Габеке в точности когда, но позже Габеке исполнил обещанное. Сколько лет прошло, а, кажется, слово в слово помню его рассказ...

Голос Гафу Каирбекова стал ещё тише и задумчивей.

— ...В 32-м Казахстан был охвачен ужасным голодом. Мусрепов с четырьмя товарищами написал письмо в крайком. О перегибах в коллективизации. Ну, и обвинили их всех в национализме. «Мы думали, — сказал Габеке, — конец нам пришёл. Что для него наши жизни, для этого палача с окровавленным мечом в руке...»

Зима в том году была ранняя, Алма-Ату ешё в октябре занесло снегом. И вот вызывают Мусрепова в крайком.

«Что ж, поезжай в Тургай, если ты так переживаешь за свой народ, — с усмешкой обращается к нему Голощёкин. — Своими глазами убедиться, что никакого голода там нет».

Мусрепов поехал. Дали ему в попутчики, непонятно зачем, одного крайкомовского чиновника. Кое-как, с большими трудностями, добрались до Кустаная. Там стояла лютая зима. Пришли в исполком. Его председателем был человек, не по своей воле оказавшийся в Казахстане. «Э-э, — говорит, — да вы такие же сыльные, как я. Куда же вас понесло? Дорога безлюдная, бураны метут, а до Батпакарной полтыщи вёрст. Замерзните. Или съедят вас». Спокойно так это всё произносит и, видно, не шутит. «Да и к тому же, — добавляет, — ехать не на чем. Всё съел джугт. В исполкоме две лошади,

на которых меня возят. Ладно, так и быть, коли настаиваете, уступлю их вам. Но без вооружённого охранника не отпущу. Жизнью рискуете...»

Дальше они поехали на санях с сопровождением двух вооружённых людей (у кучера тоже была винтовка).

За аулом Аулие-Коль в степи начался буран. Тучи снежной пыли застилали солнце, переметают дорогу. Сбились они с пути, лошади встали. И вдруг Мусрепов замечает: в стороне чего-то торчит из сугробов, словно корявые сучья саксаула. Он соскочил с саней и подошёл. Под снегом лежали трупы людей. Вперешку, вповалку. Зашагал дальше и увидел трупы, собранные в кучу и уложенные штабелями. «Они были, как вышки на пикетах... — сказал Габен. — Благодаря им и отыскали дорогу, трупы высылки по обеим её сторонам. Ничего страшнее я не видел...»

Тут Мусрепов тяжело передохнул и продолжил: «Слава аллаху, нам не попались навстречу люди, иначе ни от лошадей, ни от нас самих ничего бы не осталось. Мы это поняли. И про себя ещё раз поблагодарили председателя исполкома за то, что едой обеспечил, дал для коней овса. Пропали бы... Я всегда помню добрым словом его дух, что давным-давно покоится в лучшем мире...»

Выбрались они из сугробов и поехали по этой дороге мёртвых. Впереди лежали совершенно пустые аулы. Проводник из местных называл номера этих селений — номерами только и отличались: нигде не осталось ни души. Подъехали к необычному для глаз казаху городку из юрт. С началом коллективизации множество таких возникло по степи.

Юрты составлены зачем-то в ряды, и на каждой номер повешен, словно бы это городской дом на городской улице. Кибитки просторные, новые, из белой кошмы — кучер пояснил, что совсем недавно их у местных баев отобрали. Ещё два-три месяца назад, добавил он, здесь было многолюдно. Теперь же стояла мёртвая тишина. Ни звука, только позёмка шумит. Мёртвый город из белых юрт на белом снегу.

Заходят в одну юрту, в другую: все вещи на месте, а людей нет. Жизнь как будто бы в одно мгновение остановилась, и народ куда-то исчез.

Мусрепова особенно поразила одна богатая шестикрылая кибитка. Она была убрана яркими шелковыми одеялами и атласными подушками, ворсистыми коврами с тонким узором. Вещи, собранные посредине, лежали выюком, будто хозяйка секунду назад вышла из дома и вот-вот снова войдут. Но это лишь на первый взгляд. Кошмы и ковры на полу все промерзли, и снег сыплется через открытый тундик — отверстие в куполе.

Присмотрелись они — а этот огромный выюк одежды напоминает шалашик. Небольшая дырочка посредине... словно бы это тёмное окошко в некий странный мир. И вдруг все четверо мужчин, двое из которых вооружены, разом чье-то испугались. Вздрыгнули, поёжились и стали отступать к двери. Не выдержали, вышли на улицу. Габит Мусрепов покинул жилище последним. Помедлил на пороге, будто почувствовал: там, внутри небольшого шалаша из наваленной одежды, кто-то есть.

Больше нигде не заходили, словно бы чего-то боялись. Ушли на край безмолвного городка, заваленного снегами, постояли, опустив головы. Пора было возвращаться. Когда зашагали обратно, у Мусрепова закралось сомнение: неужели здесь действительно никого нет? А где же наконец тела умерших? Он высказал всё это инструктору из крайкомы, который сопровождал его неотлучно. Тот хмуро ответил, что в Тургае много таких городков из юрт и с началом осени люди из них забредли кто куда. В Кустанай ушли, в Челкар, на Урал, в сторону Алатау и на Сырдарью. И почти все погибли по дороге. Это их трупы лежат, сложенные в штабеля. Оба кустанайских охранника закивали в подтверждение головами. «Откуда ты знаешь?» — спросил Габит у крайкомовца. Тот лишь грустно улыбнулся в ответ.

Тяжело вытаскивая ноги из сугробов, они шагали к саням. Внезапно Мусрепов, не в силах противиться неведомому предчувствию, свернул к той богатой юрте из белой кошмы, куда они заходили. Его спутники последовали за ним.

«Ойбай, да здесь чьи-то следы!» — воскликнул кто-то.

Они сгрудились возле странных отпечатков на снегу. Следы были совсем свежие.

«Кто это? Корсак? Лиса?»

«Нет, не похоже! Вроде бы... но ведь не может такого быть!..»

Мужчины пошли по следу, который вёл прямо к юрте. Распахнули дверь.

Неожиданно внутри пустого жилища раздался тонкий пронзи-

тельный звук, от которого все похолодели. То ли собачий визг, то ли яростный войлок кошки — и всё это сопровождалось урчанием.

Из крошечного отверстия шалашика высочило какое-то маленькое живое существо и бросилось на людей. Оно было всё в крови. Длинные волосы смёрзлись в кровавые сосульки и торчали в стороны, ноги худые, чёрные, словно лапки вороны. Глаза безумные, лицо в сплёкшейся крови и обмазано капающей свежей кровью. Зубы оскалены, изо рта — красная пена.

Все четверо отпрянули и бросились бежать, не помня себя от страха. Когда оглянулись, этого существа уже не было.

«Что это было?» — прохрипел Габит, глядя на спутников. Они молчали, дрожь крупной дрожью. Никто так и не вымолвил ни слова. Лишь потом, в Кустанае, один из попутчиков сказал ему:

«Вы, наверное, думаете, что это был джинн? Нет, не джинн. Я разглядел, ясно разглядел. Это был человек. Ребёнок. Казахская девочка лет семи-восьми...»

«Нет! Нет!» — закричал Мусрепов, в котором вспыхнул невыразимый, великий и одновременно бессильный гнев. — То был голод! То были глаза голода! Само проклятие голода...»

Гафу Каирбеков закончил раскраску. Кто-то постучал в дверь, запертую, чтобы не помешали разговору.

— ...Там, внизу, наверное, были её родители, отец с матерью, — сказал он.

И пошёл отпирать дверь.

В конце октября 1932 года, прибившись только в то же самое время,

когда Габит Мусрепов с попутчиками пробрался сквозь буран в заснеженную тургайской степи, проезжал обезлюдившие аулы и с ужасом смотрел на безумную одиночавшую девочку, единственную обитательницу пустого «города» из белых юрт, в Алма-Ате с помпой праздновалось двенадцатилетие Казахстана.

Накануне годовщины, как предполагается, провели торжественное собрание городского Совета с участием партийных, советских и общественных организаций. Зачитали телеграммы президиума в адрес товарища Сталина и товарища Голощекина. На следующий день, 22 октября, «Казахстанская правда» напечатала текст посланий, чтобы все, кому не довелось поприсутствовать в зале, были приобщены к большому празднику.

«Дорогой тов. Сталин! — началась первая телеграмма. — Исполнилось двенадцатилетие Казахстана. Приближается к пятнадцатой годовщине Великого Октября...» После этого сообщения шёл рапорт о том, что решение ЦК ВКП(б) от 17 сентября 1932 года, в котором говорилось о животноводстве Казахстана, «наносит сокрушительный удар по классовым врагам, по оппортунистам, шовинистам и националистам...» В конце следовали приветствия, здравницы, кон к этому времени уже набрали должную высоту:

«Партактив... шлёт тебе боевой большевистский привет!» (Вроде бы мирное время, но привет — боевой, ибо классовые бои день ото дня усиливаются. — В.М.)

«Да здравствует ленинский ЦК! Да здравствует вождь нашей пар-

тии и мирового пролетариата т. Сталин!»

Если вождя партии и мирового пролетариата называли не иначе, как «т. Сталин» или «товарищ Сталин», то к деятелю, возглавляющему республиканскую партийную организацию, обращались несколько по-свойски — по имени-отчеству. Такое обращение, несомненно, выделяло товарища Сталина: на недосягаемой вершине, с которой он руководил, обычного человеческого имени-отчества как бы уже и не существовало. Зато послание к местному вождю, спускаясь с горных высот официальности, было куда как более пространным и тёплым, дабы он ни в коей мере не чувствовал обделённости.

*«Дорогой Филит Исавевич!
Торжественное заседание алма-тинского горсовета... в день двенадцатой годовщины Казахстана шлёт пламенный привет тебе, испытанному ленинцу, под чьим руководством Казахстан пришёл к своей двенадцатой годовщине с величайшими победами.*

В борьбе на два фронта с оппортунизмом, в борьбе на два фронта в национальном вопросе, на основе ленинской национальной политики, преодолевая трудности, ты ведёшь казахстанскую партийную организацию от победы к победе.

Под твоим руководством выросли новые большевистские кадры казахов и востанцев...

Под твоим руководством Казахстан встал в передовые ряды великого Союза... превратившись из архисталого в аграрно-индустриальный край.

Да здравствует победоносное строительство социализма!

Да здравствует испытанный ленинец тов. Голощёкин!

Президиум торжественного заседания».

Тот, к кому столь проникновенно обращался президиум, в этом же президиуме и сидел.

Это был грузноватый человек (пятидесяти шести лет, в наглубоко застёгнутом френче, с волнистыми тёмными волосами, начинающими седеть, аккуратно подстриженными усами и бородкой). Взгляд его карих, навывкате глаз был величествен и строг. Он умел подавлять своих подчинённых солидным, исполненным значительности видом, непререкаемым авторитетом старого большевика, резкостью суждений в многочасовых докладах и выступлениях, грубыми насмешливыми репликами, когда всё решает высокомерный напор, наконец, беспощадной яростью и жестокостью, которую он обрушивал на своих противников. И местные соратники, в большинстве, подстраивались под эту довлеющую силу: пылко прославляли заслуги, на высоких тонах выкрикивали здравницы, устраивали овации...

Через две недели праздновалась 15-летняя годовщина Октября. Второй секретарь крайкома И. Курамысов так писал о своём непосредственном начальнике в юбилейном номере газеты:

«Нельзя не отметить в истории развития Советского Казахстана роли одного из лучших большевиков, одного из видных соратников Ленина, отдавшего

борьбе за социализм в Казахстане семь с лишним лет своей жизни, работы, роли испытанного руководителя казахстанской парторганизации Филита Голощёкина, которого справедливо уважают, которого справедливо любят, которого справедливо доверяют все трудящиеся массы Казахстана. Нет в Казахстане более проверенного, надёжного теоретика и практика, чем Филит Исавевич Голощёкин. В работе, в словах, докладах, статьях тов. Голощёкина мы находим образцы большевистского сочетания революционной теории с революционной практикой... Вот пример большевистской борьбы за организацию, за построение социализма».¹

Через два с половиной месяца этого несравненного, если верить Курамысову, теоретика и практика отстранили от занимаемой должности и отозвали в Москву. Всё, что нужно было совершить для большевиков в Казахстане, он уже совершил...

Однако в искренности и правдивости людей подчинённых, что ни говори, приходится сомневаться. Тем более что сам Голощёкин, прощаясь со своими друзьями и товарищами по партийной организации, заявил им в лицо, что в Казахстане нет ни одного честного коммуниста. Верный привычке систематизировать наблюдения и умозаключения, он подразделил казахстанских большевиков на три категории: первые не поддаются воспитанию, вторые — хамелеоны, постоянно меняющие окраску, и, наконец, третьи — те, что сваливают всю вину за различ-

ного рода просчёты и недостатки на него, Голощёкина.

С начала 1932 года, если не раньше, в крайком, КазЦИК, Совнарком пошли письма, докладные, телеграммы о голоде.

Телеграмма из Ушгубе (февраль 1932 года):

«Голодовой охвачены все аулы возле Балхаша. В остальных шести административных аулах было 4 417 хозяйств, осталось 2 260, из которых голодают 63 процента. Остальное население остро нуждается. Голодовка началась в первых числах декабря 1931 года. Всего умерло, по неточным данным, не менее 600 человек. Голодающие питаются падалью коней, отбросами бойни...»

Телеграмма из Иргиза (1932 год):

«Алма-Ата Крайком Голощёкину Счет выполнения плана хлебозаготовок заготовлено триста центнеров путём удержания хлеба подлежащего отовариванию тчк Учтивая продовольственные затруднения района зпт голод частично выявленных 2203 хозяйствах зпт просим дать указания возврата заготовленного хлеба счёт отоваривания скотосдатчиков райком Поктаров».

Писали и дальше, в Москву.

В Президиум ЦИК СССР. ЗЯВЛЕНИЕ (1 февраля 1932 года): *«Считая себя более не вправе оставаться безмолвными и безучастными зрителями голода, постигшего население быши. Павлодарского округа, мы вынуждены*

обратиться в центральные органы правительства СССР. Отказываясь от анализа и оценки причин, породивших голод, мы сознательно ограничиваемся лишь изображением наблюдаемой нами картины.

В течение примерно полутора месяцев в Павлодар стекаются из районов голодные, опухшие и обетые в лохмотья люди, преимущественно казахи. Город наводнён ими. Развелось невероятное нищество. В каждом доме их переполняют за день десятки человек. Ходят голодные всех возрастов: молодые, старые, дети. Свалочные места усеяны голодными людьми, выбирающимися и поедаящими отбросы.

Лечебные учреждения наводняются умирающими от голода. Голод вызвал эпидемии (создана даже чрезвычайная тройка по борьбе с тифом). Под городом и в самом городе постоянно находят трупы замёрзших, бесприютных, голодных людей. Известны случаи смерти от голода в городской амбулатории на глазах больных, пришедших на приём. Мы знаем дома, где голодные, вошедшие попросить хлеба, падали при смерти. Нередко можно встретить семейство казахов, бредущее неизвестно куда и тянущее за собою салазки со скарбом, поверх которого лежит труп ребёнка, похищенного в пути.

В учреждения подбрасываются голодные, полузамёрзшие дети. Детские дома переполнены и не принимают их. По городу ежедневно встречаются десятками покинутые, замерзающие, исто-

щённые, опухшие от голода дети всех возрастов. Обычный ответ их: «отец умер, мать умерла, дома нет, хлеба нет»... Отдельные граждане подбирают таких детей и направляют, естественно, в милицию, но последняя не принимает их, попросту выгоняя обратно на улицу.

Наконец, для этих детей был предоставлен бесхозный дом... куда они и были свезены. Некоторые из нас посетили этот дом. Не распространяясь подробно об умирающих и о трупах, найденных во дворе перед домом, в сенях и в самом доме, скажем в общих чертах, что дети, помещённые в этом «приюте»... получают лишь раз в день небольшое количество каши или супа с крошечным кусочком хлеба, валяются на полу и на печке в грязи и вони, в абсолютной темноте, ходят под себя, плачут, а некоторые уже не в силах плакать, только стонут или хрипят. Обстановка настолько тяжёлая, что женщина, поставленная горсоветом для ухода за детьми, сбежала на другой же день.

Когда один из нас заявил 20 января в горсовет обо всём виденном в этом доме, то председатель горсовета не нашёл ничего лучшего, как вызвать милицию, арестовать его и отправить в ГПУ...

Бедствие развивается. Из районов голод гонит в Павлодар всё новых и новых голодающих. Обесшаренные люди тянутся по всем дорогам и гибнут в пути. По рассказам голодающих, собирающих по домам «кусочки», одни аулы и посёлки совершенно уже опусте-

ли, в других вместо сотен дворов остались единицы или, в лучшем случае, десятки.

Часть населения ушла в Сибирь, а оставшиеся истончены голодом и вымирают. В Павлодарском районе осталось меньше половины того населения, которое насчитывалось ещё летом 1931 г. Так, например, опустели посёлок Попуск и Чёрное... Не существует более аул № 1. В Жалыбаевском ауле Бескарагайского района, насчитывавшем более 300 дворов, осталась лишь администрация аулсовета...

Мы не хотим указывать, какие конкретные меры помощи должны быть приняты. Наша цель — приподнять улол завесы, скрывающей ужасы...

Политические ссыльные: В. Иогансен, О. Селихова, П. Семинин-Ткаченко, Ю. Подбельский, А. Флеготовы.²

Председателю ВЦИКа М.И. Калинин (10 февраля 1932 года):

«Всё население, проживающее в Казахстане, умирает от голода, в некоторых местах гибель народа — целыми аулами, например: аулсоветов № № 9, 10, 11 и Павлодарского и Иртышского районов, а также все районы Казахстана.

В последнее время везде стала гибель, смерть населения, посев не родился, весь скот сдан государству, со стороны государства колхозникам хлебом не снабжают, питаются населению нечем. В единоличном пользовании каждого хозяина и в колхозах ни одной скотины, ни лошади не имеется. Базара на рынке и вольной тор-

говли нет, которые на местах прекратили, хлеба совсем не имеется. Служащие, работающие в местных организациях, местный актив председателей и членов сельаулов, секретари партячеек и кандидатских групп, а также работники районных организаций занимаются грабёжом чужого имущества. Если только увидят у какого-либо гр-на или колхозника кусок хлеба, фунт муки и кусок мяса, то отберут и сами используют, как будто бы сдано государству, на самом деле таковые они сами проглотят. Кроме того, отберут деньги, хорошие одежды и разное другое имущество, проведут обыски, испугают население. Как полагается, в связи с этим занимаются взятками: у кого хотят, у того берут. Если какое-либо лицо не захотело дать взятки, хотя бедняки или ниже середняка, то лишают его голоса, конфискуют, и он уже является кулаком. С этой гибели, смерти, конфискацией, взятками и грабёжом имущества, население идёт, куда хочет, просит милостыню по нищете и даже в другой край или округ. Были такие случаи: отец, мать оставляют от голода своих малолетних ребятишек, сами идут. Это объясняет, что в дальнейшем в Казахстане население существовать не может, жить очень ужасно, трудно. Кроме того, местные власти проводят на этом голодном населении кампания разных заготовок, а население из-за исполнения заготовок не может себе найти пицги ни одного куска хлеба...

Аулсовет № 4 Максимо-Горьковского района,

Дүйсебинов Нураллий».²

Товарищу Калинин М. И. — «Товарищеское письмо от гр-ки станции Сарканд Пенсинского района б. Семиреченской области (Головей) Дворниковой Мелани Харитоновны (февраль 1932 года):

«Уважаемый товарищ! Обращаюсь к Вам с покорнейшей просьбой объяснить мне, как женщине, следующие вопросы: почему у нас такая постановка в колхозном строительстве? Хлебная заготовка прошла очень трудно, по моему, даже невыносимо, как, например, в мусульм. казачьем колхозе «Тарас». Весь хлеб, т. е. посеви, все обобществлены и ещё накладываю на каждого по 10 — 15 и до 20 пудов. Где же он может взять, работая всё лето в колхозе? И вот в настоящее время вся эта голодная масса движется по дорогам пешком с малыми детишками, ища себе пропитание, падая по дороге, как мухи. И от этого могут быть всякие грабежи, убийства, и уже в настоящее время эти случаи есть. На ст. Аягуз зарезали женщину за 1 1/2 булки хлеба. Нищих, просящих милостыню, каждый день десятками, но давать-то нечего, так как в колхозах, тоже и у рабочего, никаких излишков хлеба нет, а о жирах и говорить нечего. В колхозах паёк выдается по трудовому, которым еле питаются работающий, а члены семьи совершенно не удовлетворяются. От этого двигаются сотнями, тысячами за границу, не считаясь с тем, что их встречают, рубят, бьют, и кого

же? — большую часть нашего брата по классу: батрака, бедняка. По моему личному мнению, это неправильно...

О себе я могу сказать, что я крестьянка, из семьи бедняка, революционный вал прошёл на моих плечах, членом партии с 1924 г., от роду мне 38 лет, и с молодых лет, вплоть до 1929 г., работала по найму: то разносчицей, то уборщицей. В 1929 г., работая уборщицей при Саркандском Нар. клубе, я нанялась посеять 1 дес. посева (тот оклад, который я получала, 23 руб., не мог меня обеспечить), и за этот посев, который дал фактически 53 п., преподнесли Комоз 92 п. сдать, признавши урожай в общей сложности 110 п. с десятины. Был составлен акт по стихии, который не действовал, и меня, совместно с другими женщинами, гоняли по улицам из участка в участок, надевши на грудь чёрную доску с надписью «Враг народа, злостный недотчик хлеба». Как член партии и сдавшая 43 п., я себя врагом народа не считаю. Кроме меня были издевательства над другими женщинами, ещё же привязывали хвосты, надевали погони, с 2-х недельными ребятишками сажали в холодные амбары, продержали по 3 суток, от чего получалось немало заболеваний. Я, как член партии, стала доказывать, что это неверно, на меня создали ложные материалы, в особенности пред. с/с Сидоров. Хоть и член партии, но сын кулака, не брат по классу и не товарищ по идее, но, как член бюро, поставил вопрос об исключении меня из рядов партии... В конце 1931 г. мне

предложили сдать партбилет, на что прошу обратить Ваше внимание и восстановить меня в правах члена ВКП (б)...

К сему подписуюсь».²

Из информации Петропавловского обкома Ф. И. Голощёкину (апрель 1932 года):

«В 12 районах Северо-Казахстанской области к 17 апреля 1932 года учтены 246 случаев смерти от голода и 133 факта опухания. В колхозе имени Калинина умерли: Насаченко и вдова Верумская, от которой остались двое детей. В колхозе «Слёт добровольцев» все питаются падалью, откапывают трупы лошадей и употребляют мясо в пищу. В Тонкерейском районе в селе Курпятаювка в феврале и марте имели место 23 смерти и 29 случаев опухания. В селе Семипольное (колхоз «Пламя») 63 человека опухли, трое — умерли...»

Из справки по итогам проверки села Полтавка Трудового района Северо-Казахстанской области (весна 1932 года):

«Хлеба не оказалось ни у одного из обследованных. Была лишь только падаля как в варёном виде, так и в сыром. На вид мясо кровянистое и с зеленью, имело следы разложения от весенней теплоты. Во всех осматривенных хозяйствах вид детей болезненный. У многих отекали лица. У гражданки Василисы Лыги мы спросили:

«Почему ты на печке?» Та ответила, что не может сойти от слабости, а также указала на мальчика 13 лет, не способного даже принести падали».

Из акта обследования пункта оседания «Казгородок» Северо-Казахстанской области (весна 1932 года):

«Большинство людей истощало. Питаются отбросами, как-то: голыми костями, из которых варится суп. Кроме того, в пищу употребляют высохшие, а подчас и выделанные кожи. В районе есть семья, питающаяся собачьим мясом. Около дома обнаружена масса собачьих черепов. Несколько лат плавали в котле... В поселке Шоки, где было 144 двора, их осталось около 60. Люди ушли искать продукты. Большая часть оставшихся в момент обследования питалась падалью, разложившимся мясом, костяным супом, болтушкой из отрубей и свернутой кожи. 15 семейств совершенно истощены и отёчны. Никаких фондов для поддержания их жизни колхозы не имеют. Бизар Кизарин, рабочий-строитель, получает паёк на одну душу. Его жена и трое детей питаются болтушкой и водой. В семье Кожана Конжебатова — шесть душ. В момент обследования мальчик десяти лет рылся в навозе, доставал что-то и сосал. Семья Сандыкынова Куова, три души, питается собачатиной...»

Колхозники Валуев и Кальников из села Журавлёвка той же области писали Голощёкину в 1932 году:

«В нашем районе идёт большая растра народного положения. Тысяча народов бежит наутёк. Мрут дети, не способные к труду...»

Из докладной записки врача Крамера (Северо-Казахстанская область, 1932 год):

«Осмотрел 500 детей. Соотношение рождаемости и смертности таково: одна женщина родила четырнадцать детей, в живых осталась один ребёнок. Другая родила десятерых, в живых — двое. Дети, как правило, погибают до 2-3 лет. В течение зимы в ряде аулов вымерла вся молодежь...».

Сводка КазШП ОГПУ от 4 августа 1932 года:

«По имеющимся данным, в Атбасарском районе продзатруднения принимают крайне острые формы. На почве голода наблюдаются массовые случаи опухания и смерти. С 1 апреля по 25 июля зарегистрировано 111 случаев смерти, из них в июле 43».

В записке Совнаркома республики указывалось, что голодают не только откожевщики, но и «около 100 тысяч хозяйств казахов кочевых районов, находящихся ещё на местах. Среди казахского населения наблюдаются массовые заболевания и смертность».

Из докладной инструктора отдела КазЦИКа Замайлова (5 сентября 1932 года):

«...Приковевшее в окрестности Балхашстроа из ближних районов казахское население, не занятое на производстве, чрезвычайно нуждается в продовольственной помощи. На почве продовольственных затруднений тысячи человек страдают эпидемическими заболеваниями (тиф, чинга, дизентерия), медицинской, а также продовольственной помощи им не оказывается. Между тем вопрос об оказании продовольственной помощи нуждающемуся приковевав-

шему населению требует немедленного разрешения.

В Бертыесе я был очевидцем того факта, что трупы умерших от голода и эпидемических болезней валяются на площади и не убираются в течение 3-5 дней».

«Молния Алма-Ата КазЦИКу. Бишкарагайского района Бауковском аулсовете начинают люди здыхать с голоду сообщаем для сведения аулсовет».²

В тексте так и написано — здыхать... Сообщали для сведения, помощи не просили. Не надеялись...

В начале тридцатых годов появилась новая народная поговорка:

Серп и молот —
смерть и голод.

Свидетельства казахстанцев...

Ветеран Великой Отечественной войны, кавалер ордена Александра Невского Сасан Нургалевич Нургалымов рассказывает:

— Родом я из предгорного аула Карагаи Аксуского района Талды-Куранской области. Отец мой был одногодком и товарищем Ильса Джансузурова, с будущим поэтом они сидели за одной парты в начальном училище. В 1926 году отец умер, мать осталась с четырьмя детьми. А через два года, в 1928-м, наш дом конфисковали, скот увели, за исключением дойной коровы и лошади. Еле-еле вижу перед собой родительский дом — было мне тогда всего семь лет... Вскоре мы переехали в Аксу к родичам матери.

А 1932 год помню уже отчётливо. Голодный, холодный год, жрать нечего. В зиму народ стал вымирать. Гэпузики ездили на санях по улицам, собирали мёртвых. Обливали карболкой, керосином и сжигали. Останки сбрасывали с яров в реку.

Приковевали к нам в район чубартаусцы, спасались от голода. Много их было, все вымерли. Осталась одна женщина. Бродит по опустевшим улицам, реёт на себе волосы и кричит непонятно кому: «Будь ты проклят! Будь ты проклят!..»

Однажды в студеный февральский вечер мы сидели дома. Мать варила похлёбку из проса, а мы дожидались еды, прижавшись к печи. Вдруг дверь распахнулась, и в комнату влетел тряпичный ком. Развернули тряпицы — там был ребёнок, двух-трёхмесячный мальчик. Мать выбежала на улицу, но за порогом было уже пусто. Малыша назвали Кудайберген — Богом данный. Мы боялись, что не сможем его выкормить, самим-то есть нечего. Вскоре его забрал 45-летний аульский кузнец, у которого с женой не было детей. Так они и вырастили подброшенного малыша; теперь он зоотехник в совхозе, отец семерых детей.

В начале 1933 года меня отвезли в Сарканд, в школу-интернат. Держали нас там на одной капюсте, жмыхе и киятке. Все ходили с раздутыми огромными животами, чем только не переболели. Учителям приходилось не лучше. Помню преподавателя по казахскому — Абдрахмана Искакова, —

опухший с голоду, он едва находил силы, чтобы вести урок. Особенно тяжко пришлось в марте — апреле. Выходил утром на улицу, а по аркам — закочевшие трупы...

Потом занятия совсем прекратились. Целыми днями мы валялись на койках в общежитии, размышляя, где бы добыть еды. Старшеклассники развели, что в подвале столовой хранится картошка. В небольшую отдушину никто из них не мог пролезть, заставили меня, самого младшего и тощего. Я испугался, но их заводила отнесил мне пощёчину и пригрозил избить, если не полезу. Кое-как я протиснулся в дыру и по верёвке спустился в подвал. С улицы сбросили бадейку. Намокши и полугнилой картошкой было совсем мало. Я передал наверх несколько наполненных бадеек, порыскал в тёмном помещении и нашёл наполовину опустошённый бочонок с селедкой. Не успел засучить пару рыбин в карман, как замок на двери загремел. В проёме показался кладовщик, одиозный старик с «летучей мышью» в руках. Ну, от него-то убегу, подумал я. А по ступенькам спускался пожилая повариха. Я присел за какие-то ящики — они прошли рядом, ничего не заметив. Через мгновение я выскользнул на волю и перевёл дух. Целых три дня мы варили картошку у себя в комнате и вместе с кусочками селедки поровну делили во всех...

Летом меня послали пасти коров в Андреевский район, а в июле за мной приехал дядя Аблай, младший брат отца. Всех учащихся к тому времени забрали из школы,

привезли по родственникам, чтобы не погибли от истощения. Мать беспоклялась, чтобы со мной ничего не случилось, и поэтому послала дядю. От него услышал, что семилетняя сестрёнка Сиюнбике в зиму заболела туберкулёзом и умерла...

За пастушескую работу мне выдали пять метров ткани. Мы с Аблаем продали отрез и купили пару лепёшек. А потом пошли пешком в Аксу. Идём, отщипываем по маленьку хлеб. Жарко, солнце палит, дорога далёкая — сорок пять километров. И кругом измождённые оборванные люди. Перебирают еле-еле ногами, кто в Аксу идёт, кто в Сарканд. Каким только ножом чьются, что у нас в котмках хлеб! Завидят издали и устремляются следом, гонятся из последних сил, падают без чувств на землю.

Сколько лет прошло, а всё стоит в глазах эта шольская дорога с бредущими по ней полуживыми людьми...

Старый учитель-пенсионер, фронтовик, бравший Берлин, земляк Нургалиева Хаджи-Ахмет Кулахметов родился в селении Сага-Биён Акуского района в 1916 году, когда в Семиречье свирепствовала засуха и начинались два тяжких голодных года. Рано лишившись отца и матери, до восьми лет воспитывался в семье брата, потом жил в детском доме, а по окончании четвёртого класса самостоятельно решил переехать в другой район и поступил в Коксуйскую ШКМ — школу крестьянской молодёжи.

Двенадцатилетним подростком запомнил первую кампанию по конфи-

скации. У старика Бекиша, бывшего волостного правителя, отобрали всю скотину, согнали в одно место и в течение недели делили между немущими. Всем заправлял уполномоченный из райкома Козыбаев, разжевавший на лучшем байском коне. У небольшой юрты он поставил стол и по списку наделая каждого бедняка пятью баранами, кобылой и телкой. Кое-кто после этого и собственное хозяйство завёл, но большинство быстро проело дарованное.

Жители приграничного района прекрасно знали ущелья и тропы, ведущие в Китай. До 1917 года чабаны с лета угоняли отары на китайские горные пастбища, джигиты навывались в Кульджу, выменявая лошадей и баранов на чай, мануфактуру и другие товары. В голодные и смутные годы начала революции зажиточные казахи перекочевали на китайскую территорию, угнав свои стада, но в 1921 году многие вернулись. В конце двадцатых годов прошёл слух о колхозах-коммунах, где всё общее, даже дети и жены, и казахи вновь побежали в Китай через Капальское ущелье, по которому в своё время уходил за кордон атаман Анненков.

— Коллективизация проходила у нас тяжело, — рассказывает Кулахметов. — До этого народ жил довольно обеспеченно, с колхозами началось разорение. В 1930 году род борте взбунтовался против обобществления скота. Его джигиты, вооружившись, напали на районный центр, перебили активистов, а партийному секретарю отрезали голову и выкололи глаза. Все бумаги в райкоме, ГПУ и милиции были сожже-

ны. Отряд повстанцев шёл в сторону Капала, но его встретили посланные на подавление мятежа войска, и человек триста, побросав семьи, ушли в Китай.

До 1925 года на чужую сторону уходили свободно, никто не останавливал, в конце двадцатых годов пограничники устроили заставы. Бывали стычки, перестрелки, но всё же казахи уходили потайными тропами. С осени 1931 года, гонимые разрухой и голодом, казахи рода ма-тай устремились за кордон, за ними последовали другие. Известный удалый батыр Нурмухамед Жокеев, из рода колыгей, собрал вооружённый отряд и помог более тысячи семейств перебраться в Китай. Нурмухамеду было тогда около сорока лет; в начале семидесятых он вернулся на родину и пожил ещё перед смертью четыре года у себя дома, в посёлке Джансугуров.

Власти решили помешать переходам, на помощь пограничникам прислали взвод солдат НКВД с пулемётом. В их распоряжении был самолёт. Однако беженцев не убывало. Вскоре за Капалом произошла стычка и крупная перестрелка, в которой, по слухам, погибло около тысячи человек, пытавшихся перейти границу. Их зажали в ущелье и перекосили из пулемёта. Мне было тогда пятнадцать лет, я жил в Капале и был очевидцем этих событий. Пулемётная трескотня и винтовочная пальба продолжались с полмесяца. Когда наконец выстрелы прекратились, удавшиеся беглецы собрали трупы погибших родственников и на волокухах из тала стаскивали по пять-шесть

мертвецов к местному кладбищу, чтобы предать земле. Несмотря на заграждение, часть жителей ушла в чужие края...

В 1931 году меня перевели в свеклосахарный техникум неподалёку от Гавриловки (ныне Талды-Курган). Там и застал голод, охвативший наш край. Дневной паёк у студентов был такой: две сахарных свёклы, двести граммов отрубей и кочан гнилой капусты. Ребята опухали и умирали. С ноября 1931 года по март 1932-го у нас погибло около сорока парней из 270 учащихся. Хорошо, река выручала. Целями джыми удили в Коксу пещераей и тут же на берегу варили рыбёшек в котле...

Директором техникума работал бывший революционер по фамилии Васильев. Очень переживал, что молодые партии мрут, как мухи. В столовой варились обычно лишь полугнилая картошка в мундире, каждому отпускали по черпачку. Остатки выбрасывали на помойку, и на неё откуда ни возьмись наживались опухшие бродяги. Понутри мы находили там пять-шесть заколоченных тел. У нас даже тележка была, чтобы вывозить мертвецов, в неё запрягли двух ослов. Директор сам выбирал на эту работу тех, у кого ещё были силёнки. Возили вниз по реке Коксу и там сбрасывали в воду или спускали под лёд. Однажды и мне довелось этим заниматься... За зиму, наверное, около сотни мертвецов сбросили в реку. Я до сих пор помню то место, там теперь на противоположном берегу село Крупное стоит...

Ранней весной 1932 года люди обшаривали поля, выкапывали из-под

снега гнилые колосья и по крупинке собирали зерно. Жарили на костре, ели и умирали. После рассказывали, что в Аксу и Капале таким образом отравились сотни человек.

Тех, кто пережил страшную зиму 1932 — 1933 годов, весной заставили сеять свёклу. Тракторы не было, копали лопатой. Попробуй-ка поковыряй землю с утра до темна, когда отпускают тебе на день пилалку неочищенного проса. Люди прямо на поле падали, умирали...

Каждая свёколка была на счету, поедать их строго запрещалось. Но не всякий же удержится: кто сварит в котле, кто сырую съест. Ну а если попадешься — тебя немедленно к прокурору. Скольких тогда засудили!..

Лишь с лета 1933 года чуть полегало. Откуда-то приказ пришёл: выдавать на день рабочему на каждого члена семьи по двести граммов зерна. Тут уж немного расправили плечи. А в конце 1933 года технику передали в ведение московского сахаротреста, и мы стали получать по чайку хлеба и дважды горячее — чай и похлёбку.

Но самой памятной осталась всё-таки зима 1932 года. Жуткая была пора! Директор Васильев дал телеграмму в Гавриловку: помогите хоть чем-нибудь, иначе все студенты перемерут. Ну, район и расщедрился: выделил нам немного сахара, повидла и растительного масла. Но это добро надо было ещё привезти — и снова запрягали ишаков, три-четыре студента садилась на телегу и с директорской берданкой отправлялись в дорогу. Это повторялось раз в неделю. Как-то настал и мой

чёрёд. Мы поехали втроём: Ваня Сазонов, Павлик Ворошилов и я.

Нескончаемо долгим оказался этот путь длиной в семнадцать километров. По обочинам валялись отёкшие, разлагающиеся трупы. До Гавриловки мы насчитали 57 мертвецов. А по снежному насту брели, шатаясь, голодающие. Пытались упадать на нашу телегу: видели, что-то возьём. Тогда мы палили вверх. Одна женщина закричала: «Эй, агайын! Родные! Возьмите хотя бы ребёнка! Может быть, останется жив?..» Мы приняли из её рук полугодовалого младенца. Потом передали его нашей уборщице Першиной, доброй пожилой женщине. Она и вырастила его. Не знаю, как сложилась судьба мальчика, ведь через два года мы закончили техникум и разехались...

С тех пор пришлось многое повидать и испытать: войну от Сталинграда до Берлина прошёл, дважды ранен был, один раз тяжело — девять месяцев провалялся по госпиталям, — но всё вспоминается юность, техникум, голодный 32-й год. И стоит в ухах тот отчаянный женский крик: «Эй, агайын!..»

Академика Жабагу Сулейменовича Такибаева называют первым казахским физиком. Ему принадлежит около 500 собственных и совместных работ фундаментального и прикладного значения в широком диапазоне физических наук. Он создатель и директор первого в республике физического НИИ — Физико-технического института, а также институтов ядерной физики и физики высоких энергий, извест-

ный у нас в стране и за рубежом учёный.

Вот его рассказ:

— Я родился в ауле моего прадеда Такибая на земле бывшего Абралинского района Семипалатинской области. Впоследствии эти места присмотрел Берия под испытательный полигон атомного оружия, и, помню, Курчатова, выбравший площадку, говорил мне: а знаешь, ведь мы же побывали проездом в твоём родном ауле.

Наша семья была глубоко религиозной: дед совершил паломничество в святые места, стал хаджи, отец, добрый, тихий и отзывчивый человек, стал муллою. По нынешним меркам его называли бы малограмотным, но в двадцатых годах отец слыл знающим и учил детей в скромной аульной школе, кажется, даже назывался директором. Религиозные обряды были уже запрещены, однако благочестивый мусульманин не мог не исполнять заветного Пророком, и, уединившись в пустой школьной комнате наподобие чулана, отец в положенные часы совершал намаз.

Разве же укрощая от людских глаз? Кто-то подглядывал, донёс куда следует. И надо же, не поленились — раздобыли где-то фотографический аппарат и тайком засняли отца молящимся. Вот, дескать, какой в школе директор, не желает избавляться от пережитков, и чему такой мракобес научит советских детей! Правда, тогда всё закончилось устной проработкой в районном ПГУ, и отца отпустили. Но в 30-м или 31-м году по нашей степи прокатился противокол-

хозный мятеж: повстанцы взяли районные центры Кайнар и Чингистау, заменив там красное знамя на зелёное, а потом были подавлены отрядом войск, присланным из Семипалатинска, — я сам слышал вышотоочную перестрелку, доносившуюся издале, и почему-то врезалась в память услышанная от взрослых фамилия начальника карательного отряда — Шубин.

Через некоторое время отца арестовали, хотя в этих событиях он не участвовал. Просто подметали под зрёнком всех, в прошлом состоятельных, людей, а он был едвавак муллою, то есть, по тогдашнему лексикону, религиозным фанатиком... Мы с мамой навецали отца в семипалатинской тюрьме № 2, в последний раз видели его незадолго до смерти. Присидев несколько лет, он умер в 1933 году за три месяца до суда. А в Абралинском районе к тому времени от прежнего населения осталось не более 15-20 процентов: кто ушёл в Китай, кто в другие края, большинство же погибло от голода.

Мы переехали жить в Семипалатинск. Помню такой случай. Ехали мимо дома сани с каким-то грузом, укрытым рогожей. Мы, мальчишки, бежим следом, прокатиться же хочется. Я догнал, прыгнул и завалился на что-то жёсткое. Когда приоткрыл край мешковины — увидел под собой окоченевшие тела малолетних детей...

Страшная пора. Не дай бог никому пережить подобное. В зиму 1933 года похоронщики-извозные собирали по утрам трупы замёрз-

ших, жертв истощения и болезней. Так, наверное, подобрали и моего дедушку: по рассказам, он, изобретённый недоеданием, упал замертво прямо на улице. Немного погодя скончалась бабушка. Потом умерла мать: не вынесла всех утрат и потерь. И приютил меня, круглого сироту, детский дом. Вернее, два их было: № 2 и № 5. Спасибо...

А теперь представьте себе весеннюю Москву 1941 года, сверкающий Георгиевский зал Кремля, сотню парней и девушек со всей страны — сталинских стипендиатов, рассаженных каждый за отдельным столиком и напряжённо ожидающих час, другой... — и вдруг! — Совершенно неожиданно, не из парадного входа, а отсюда-то сбоку, из маленькой незаметной двери, появляются строгие подтянутые военные люди, выстраиваются живым коридором, пристально взглядываясь в нас, и проходят по этому коридору, один за другим, знакомые по многочисленным портретам вожди: Калинин, Ворошилов, Казанович, Молотов... а за ним, после долгой паузы, медленно ступает человек в защитного цвета френче и сапогах. Сталин! И разом, одним выдохом всех сидящих в зале: — Ур-р-р-а-а-а!!!

Пожалуй, несколько минут ржичали «ура» и рукоплескали.

Мой столик был совсем близко от того места, где остановился Сталин. Я забыл обо всём на свете — до сих пор, кроме этих мновений, ничего не помню, — только смотрел и смотрел на него. ...Кстати, он не походил на свои изображения: отяжелевший, грузный, сутулый,

с вялым равнодушным взором. И говорил так же вяло и безразлично. Две-три фразы насчёт учёбы сказал и закончил каким-то лозунгом вроде «вперёд, к коммунизму»... Но я же тогда не помнил себя от радости! Счастливейе меня не было никого на свете!.. Что это было? Ослепление?..

Потом, в Ташкенте, где я учился в Среднеазиатском университете, я был нарасхват; то встреча на Ташсельмаше, то на какой-нибудь фабрике, то в школах, и везде жадные расспросы, цветы, аплодисменты: ещё бы, видел живого Сталина! Так и перевозили меня из одного зала в другой, пока я в узаре воспоминаний не брякнул, что Сталин, заканчивая предложение, часто-часто моргал, как бы промаргивался.

На следующее утро за мной пришла машина и отвезла в НКВД. Представительный мужчина долго и тяжело внишал, что об этой подробности говорить незачем. О незначительном упомянуть не следует. И даже более того — рассказывать об этом нельзя. Никому и никогда. После этого меня отпустили домой. Ни на какие встречи больше не приглашали. Никто и никогда.

А в году пятидесятом, когда, защитив диссертацию, я приехал в Алма-Ату устраиваться на работу в академиче наук, председателствующему на общем собрании, где говорилось о моей кандидатуре, поступила записка: «Каким образом в наши ряды пролез сын врага народа?» Всё это для меня могло очень плохо кончиться, но, по счастью,

с арестом промедлили. Я улетел в Москву. Обратился прямо к начальнику первого отдела ФИАНА, где обучался в аспирантуре. Генерал госбезопасности внимательно выслушал и велел зайти завтра. На следующий день сказал: возвращайся, вопрос утрясён. Спасло меня то, что в автобиографии я не скрыл, что являюсь сыном аульного муллы, умершего в тюрьме. Впрочем, я никогда не скрывал этого. Даже в детском доме, в годном 34-м году. За что и не был товарищами по классу — по учебной классу — принят в пионеры. Как и другими товарищами, позже, в комсомол...

Писатель Калмухан Исабаев:

— Ясно помню тот холодный осенний день 1932 года. Кажется, давным-давно всей семьёй лежим в нетопленной комнате: больной, с опухшими ногами отец, ослабевшая мать, прижимающая к груди годовалую мою сестрёнку Саукен, и мы, трое братьев: девятилетний Заркен, четырёхлетний Бабкен и я, которому не исполнилось и шести. В доме полутьма. Три дня назад мать сварила похлёбку из последней горсти отрубей. Нашла нам по маленькой пилалушке и строго наказала лежать не двигаться, чтобы сберечь силы. На следующий день Саукен и Бабкен не выдержали, захныкали. Мама вышла на улицу, плотно прикрыва стаяни и возвратилась со слезами на глазах.

«Жеребята мои! Затемнила я окна. Пусть никто не увидит, как мы умрём...»

Сумрак усыпляет. Следить за тонкими солнечными иглами, пробивающимися в щели ставен, как подкрадываются они к тусклому боку самовара, и постепенно в глазах всё начинает кружиться. Врачаются былинки в луче света, пузатый самовар, пустой проём двери. Тогда я ещё не понимал, что от голода теряю сознание. Очнешься и снова ошущаешь, как тоскливо сосёт в животе. Рядом захлебываются от плача младшие брат и сестра, зовут мать. Она спешит к ним и вдруг падает навзничь посреди комнаты. К ней подползает отец, тревожно зовёт: «Махтум! Махтум!» Мама молчит. И мы уже четвером поднимаем плач...

Неожиданно комнату заливают яркое солнце: кто-то распахнул оконные ставни. Сильный стук в дверь. Старший братишка поднимается. С порога рокочет низкий сильный голос:

— Здравствуйте, соседи! Все ли живы-здоровы?

Знакомый голос. Это дядя Иван. Колхозный кладовщик Иван Семёнович Мартынов. Не знаю, откуда и когда прибыли в наш аул на жительство Мартыновы, но, видно, давно.

— Принимайте гостинице. Малость вам муцицы принёс, — говорит он и протягивает небольшой плотный мешочек.

И вот чудо: мать пришла в себя. Кажется, и глаз не успела открыть, а уже тянется к мешочку. В следующие минуты она хлопотала у печи: торопило совала хворост, раздувала огонь. С жадностью и наслаждением мы

глотали горячую мучную похлёбку, боюсь только одного, что вот-вот миска опустеет.

Позже узнали, что в тот день Иван Семёнович Мартынов пришёл по всем домам и в каждый принёс немного муки. Оказывается, в складе хранился мешок, который ему строго-настрого запретили трогать. Но люди были на грани голодной смерти, и кладовщик нарушил приказ. Всем разделил поровну, отсыпав чуть больше в те дома, где была куча детей.

С того дня отец стал поправляться. А когда выздоровел, пошёл на работу, и в доме появилось немного еды.

Однажды мама возвратилась с улицы заплаканная. «Кто-то в ауле умер с голоду», — подумал я. Вслед за нею вошёл отец.

— Ну хватит, перестань, — хмурясь, уговаривал он маму.

— Да как же — перестань? Если бы не Мартынов, сколько бы людей поумирало! А он пожалел — раздал казённую муку. Выходит, один виноват? Или вы не мужчины, что не можете заступиться?!

— Попробуй заступись. До райцентра без трёх ночёвок не доберёшься. Да и не отпустят они его. Будто бы сама не знаешь...

— Но за что человеку десять лет тюрьмы?! За то, что помог голодным?

— Выходит, за это...

Настала зима. Жена Ивана Семёновича, тётя Марфа, решила провести мужа, томящегося в павлодарской тюрьме. Однажды все пятеро мартыновских детёшек, в драных шубёнках, перепоясанные

верёвками и ремнями, ввалились к нам в дом. Старшим из них, моим приятелем Петьке и Ваньке, было по семь и шесть лет. Марфа по очереди перецеловала своих детей и поспешила к попутной телеге. Так они и прожили у нас всю зиму. А весной у дома остановилась подвода: Марфа привезла с собой отца, крепкого рыжебородого старика. Мама обняла детёшек на прощание, и они уехали куда-то на телеге.

В 1951 году я приехал в отпуск в родные края. Позади была война, которую я закончил младшим лейтенантом, служба в действующей армии после победы. Наша семья жила тогда в колхозе имени Лени-на Баянаульского района. Отдохнув несколько дней, я сел на коня, прихватил двустволку и поспекал в степь.

Далеко-далеко от дома набрёл на незнакомое большое озеро. Гляжу, на берегу вьётся дымок костра, рядом сидит кто-то с удочкой. Подъехал. Это был себдорный рыбак, спросил, что это за озеро.

Старик прищурил на меня зоркие голубые глаза.

— А сам откуда будешь?

— Из Баянаула.

— Вот как? Стало быть, земляки. Далече заехал: здесь уже карагандинские земли. Осакаровский район. А озеро называется Шидиндой. Кого из баянаульских знаешь, а?

— Многих.

— Исабаева Али помнишь?

— Это же мой отец!

Старик чуть было не выронил

удочку. Потом глубоко затаился дымом из своей трубки, отложив в сторону удилце и поднялся.

— Никак Заркен? — взволнованно спросил он.

— Нет, Заркен мой старший брат. А я — Калкен. Он радостно засмеялся и вдруг живо стащил меня с коня сильными руками. И стал разглядывать, хлопая широкими ладонями по плечам.

— Не признаешь, а? Мартынов я, Иван Семёнович. Небось, слышал от родителей такое имя? Марфа! — крикнул в сторону дома. — Принимай гостя!

На пороге появилась сгорбленная старуха, из-под ладони прищипываясь ко мне. Всплеснула руками и, поспешив навстречу, поцеловала в лоб.

— Как две капли воды на Махтум похож. Проходи, проходи, сыннок!

Из дверей вышел рослый русоволосый парень, в котором я не сразу узнал своего друга детства Ваньку.

Вскоре мы сидели за столом, накрытом по-праздничному. Помыли позибиего на войне Петра, выпили за Мартыновых и моих родителей, за нашу встречу...

Рассказывает писатель Жаппар Омирбеков:

— Мой отец, Омирбек Ералинов, ещё до революции был забойщиком на карагандинских угольных конях, принадлежавших тогда англичанам. Среднего роста, крепкий, от прадеда Байзака, аульного батыра, унаследовал силу. Бывало, хвалился, что получал

вдвое больше других шахтёров — по целковому в день, отработавшая по две смены. По тем временам немалые деньги: на рубль можно было купить двух козлов или барана. В 1919 году шахты закрылись, отец возвратился в аул в 130 верстах от Каркаралинска.

Хозяство у нас было небольшое: корова, две лошади, овечки. В 1931 году корову увели в колхоз и выдали на зиму пуд тиенци. Активисты стали поговаривать: у Омирбека целых две лошади, не пора ли раскулачить? Весной отец, забрав старшего сына Шарифа, уехал в Каразанду. Вырыл землянку и снова взял в руки шахтёрское кайло. А под новый год дал нам знать, чтобы перебирались вслед за ним.

Выехали мы тайно, на двух санях: мать, брат Мухтар, я, дядя с племянником, сестра. Много ли захватить с собой в дальний путь? Кроме одежды и одеял разве что круглый столик да самовар прихватили. На следующий день попали в буран, с трудом выбрались на дорогу. За горой Наршён-кен — Спящий верблюд — нагнали в занесённой снегом степи пеших путников. Измученные люди с тощими котомками на плечах устало шагали в сторону Спасска. Завидев нас, обступили, выпрашивают хоть чего-нибудь светстого. Мать раздавала курт, кусочки сушёного мяса... Все три дня до самой Караганды мы обгоняли таких же бедолаг, которых выгнали из дома голод.

Среди скопища шахтёрских землянок возвышались два крепких

кирпичных дома, построенных ещё англичанами, и деревянные бараки — конторы. Врытые в землю жилища переполнял народ: каждый горняк давал кров надхлынувшей аульной родне. Нас, например, в четырнадцатиметровой комнатухе жило десятеро, в одно время даже восемнадцать человек. По посёлку шатались сотни голодающих, их нищие не брали на работу.

Отцу как шахтёру полагался на карточке такой паёк: килограмм хлеба в день, на месяце три килограмма муки или крупы, шесть килограммов мяса, 1 800 граммов жира и на иждивенцев по 400 граммов хлеба. Но через два месяца после нашего приезда отец заболел, его перевели на поверхность, а там нормы куда меньше. На то и жили, да ещё, как все вокруг, помогал родичам. У казахов пословица есть: если в ауле хоть один голодный, значит, весь аул недодает. Однажды ночью к нам пришел дядя с семьей. Семь человек. Все помороженные, опухшие. Мать охнула, узнав, сколько дней они не ели. Говорит: сначала чаем вас напою, а потом уж суп дам, вам же сейчас помногу есть нельзя. Дядя отвечает: всё равно умрём, дай лучше суп. Как чувствовал: четверо из них вскоре скончались...

Среди тех, кто уцелел, был мой двоюродный брат Капан Сатыбадин, ставший впоследствии известным прозаиком. На него страшно было смотреть: лицо опухло, говорить не может. Мать отпаивала его сладким чаем, омывала лицо отваром из отрубей и

смывала конопляным маслом. Через две недели опухоль спала, Капан ожил, заговорил. Для своих лет он был весьма развет и образован. Но кто знал, что этот джигит ещё и дальновиден! Покидая колхозную контору, Капан прихватил с собой несколько пустых бланков с печатью, на которых писались справки. Такие бумажки были вроде паспортов для бесправных людей, загнанных в колхозы. Недолго думая, молодой парень выписал «документы» нескольким землякам, и те устроились на работу, получили кусок хлеба. С того дня потянулись к нам в землянку люди, знакомые и незнакомые. Капан вырезал из сырой картофелины «печать» и на чистых листах бумаги, так же предусмотрительно захаваченных в колхозе, всем выписывал справки. «Не боишься?» — спросили его однажды. — «Будь что будет. Зато человек сто теперь выживут».

В августе 1932 года умер отец. Жить стало тяжелее. Выручила семью брат Шариф, ставший молодобойцем, и дядя Хусаин Алтайбаев, обучавший молодых горняков. Осенью я пошёл в школу, в первый класс... Помню страшную зиму 1932 — 1933 годов. По утрам квартальные собирали мертвецов. Часто их находили на крышах наших землянок — бездомные сидели, тесно прижавшись к остывшей за ночь печной трубе. Так их и замело снегом... Заразные болезни косили людей. В ту пору умерла от оспы и недоедания моя четырёхлетняя сестра Батура. В каждой семье были потери. По мёртвым даже не плакали — до того привыкли...

В посёлке очень трудно было с водой. Толпы окружали единственный кран, по которому еле-еле текла вода из далёкого Самаркандского водохранилища (Базил нынешнего Темиртау). Займёшь, бывало, очередь в четыре утра, и к девяти принесёшь пару ведер — это большое счастье. Иногда же промёрзший до костей с пустыми ведрами плетёшься... Снег на улицах грязный от копоти, чтобы набрать в мешки и натопить на печи, надо идти в степь за посёлок. Однажды отравились с дядей-кузнецом за снегом на саянах, а милиционер проезжавший нарочно сбил мешки на землю. Кузнец не выдержал, возопил к небу: «О Аллах, дай мне скорую смерть, и этому негодяю — тоже!»

Был в посёлке и небольшой рынок — «шолак-базар»: кружка воды стоила двадцать копеек. Для сравнения — за килограмм хлеба в магазине платили семнадцать копеек. На этом базарном пятачке бродили в поисках добычи полубезумные от голода люди, их называли ударниками. Выхватят у торговца или у зазевавшегося покупателя буханку, а то и просто кусок хлеба — и бегать. На ходу заталкивают хлеб в рот...

В январе, феврале и марте 1933 года к обездоленным пришла наконец пропомощь. Голодающих собирали в полдень и раздавали по триста граммов белого хлеба. Но разве этим прокормишься? На железнодорожных путях они пытались grabить вагоны с продовольствием, но сытые, здо-

ровые охранники без усилий разгоняли народ выстрелами. Впрочем, однажды я был свидетелем, как толпа голодных, отнесив охрану, окружила какую-то цистерну. Кто-то пробил её днище, и из дырки потекло подсолнечное масло. Люди давили друг друга, подставляя под струю кружки, котелки, шапки...

Летом мать с братом Мухтаром уехала в аул, надеясь, что там будет полегче, а я пошёл в детский дом. Сам того захотел, чтобы не быть обузой. Детдом был в посёлке Большая Михайловка. Тяжело жилось: тиф и дизентерия косили детей. То и дело хоронили истоощённых малышей и подростков. Могилы рыли по очереди, никому ведь не хочется возиться с мертвецами. Дирекция прибавляла за одного похороненного к нашему паёку по пятидесяти граммов хлеба...

Казахстанские историки Б. Тулепбаев и В. Осипов пишут о той поре:

«Особенно тяжёлым было положение детей. Сироты умирали от голода десятками тысяч...

Голодали не только в аулах, но и в деревнях, кишлаках, посёлках и городах Казахстана. В Актюбинске, к примеру, от истощения и дизентерии весной и летом 1932 г. погибли: в мае — 175 человек, в июне — 208, июле — 320, августе — 450. И это в городе, который едва ли насчитывал в ту пору 15 — 20 тыс. жителей.

Страдали от голода и рабо-

чие казахстанских новостроек, что выражалось в чрезвычайной «текучести» кадров. Например, на шахтах Караганды из 37 772 работавших в 1932 г. «сменилось» 33 865 человек. Особенно туго приходилось «спецпереселенцам». В 1933 г. их насчитывалось здесь 7 545.²

По данным Ж. Абылхожина и М. Татимова, в Казахстан к 1931 году было выслано около 45 тысяч семей. Но, возможно, и это неполные цифры: «спецпосёлков» насчитывалось десятки, если не сотни.

В Приишимье только за три месяца 1931 года в таких посёлках — пристанционных лагерях погибло около трёх тысяч человек. К концу года «естественная убыль» перевалила за тридцать тысяч...

Карагандинские шахтёры-ветераны, бывшие спецпереселенцы, десятки лет проработавшие под землёй, заслужившие и почёт и ордена, но не заслужившие, чтобы с них официально сняли ярлык «кулака», вспоминают...

Григорию Кузьмичу Герасимову за 80 лет. Он родом из городка Инсар Пензенской области. Раскулачивали в 1931 году. А что у них было в хозяйстве на восемь душ? Коровы, две лошади, около гектара земли. Выслали в Осакаровку, выгрузили в голый степи. Зимой 1932 года жена и полугораздоговалый сын умерли от голода. «А мне и похоронить не пришлось...».

Василий Дмитриевич Зацепин родом из Оренбургской области. В его семье тоже было восемь душ. Хозяйство — пара лошадей, пара быков и две коровы. Весной 1930 года

всю семью выгнали из родного дома. «Отобрали зимнюю одежду, даже гармошку отобрали». Выслали поначалу в степь, за сотню вёрст от села, а весной следующего года отправили в Караганду. «Ну а что пришлось пережить здесь в земляных ямах да в земляных же дерновых бараках, в тесноте же страшной, в голоде и холоде, — судите сами: отца, четырёх братьев и сестрёнку лишили. Из восьми остались мать да я...»

Жена Зацепина — Анастасия Платоновна — из Саратовской области. В 1932 году потеряла на карагандинской земле мать, на следующий год умерла от голода сестра. «Мама наша надорвалась при подъёме сырой глины на крышу. Побежала я в комендатуру, чтобы как-то помогли похоронить маму. Прибегаю: дверь закрыта, а в двери малюсенькое окошечко. Я в него заглянула, а там раздетых до пояса мужиков плетями бьют, а кричать не велят. Ну, я бегом от комендатуры. Бегу на кладбище. А там дяденька-железнодорожник могилой копает для умершей своей жены. Я к нему: «Дяденька, положите и мою маму в могилу...» — «Что же не положите... Только ты, дочка, помоги мне». И принялась я прямо руками землю из могилы выбрасывать...»

Яков Михайлович Лутовиннов — уроженец села Быково Воронежской области, десятилетним мальчишкой попал весной 1931 года в Осакаровку. Пешком шли к месту на берегу Ишима строёк 9-й спецпереселенческой посёлку. Зимой на

строительстве железной дороги погиб 16-летний брат Алексей. Похоронили его, подобно многим, прямо под железнодорожной насыпью. В посёлке начался тиф. Ежустренне квартальные обходили бараки, выкрикивали: «Живые! А мёртвые среди вас есть?»

«Целыми семьями умирали. А трупы зимой штабелями складывали и снегом до весны присыпали, потому как не было сил у людей долбить мёрзлую землю... А выи на нас кишмя кишели. Если бы не врач Кох, ни одного человека тогда не выжило бы...».²

Зейтин Акишев в книге «Зауал» («Испытание») описывает случай, происшедший с ним в мае 1934 года в месте, которое ныне называется Аккудук (Майский район Павлодарской области).

«Везли мы семенное зерно, 120 пудов. Заехали в посёлок. Пусто: ни людей, ни собак. На окраине заглянули в один дом — никого. Заходим в комнату. Её перегоразживает занавеска, — так обычно в казахских домах отделяли молодую семью. Взялся я за матерю, а она вся рассыпалась в прах. На кровати лежали два скелета. По волосам — у одного были длинные черные волосы, у другого гораздо короче — мы догадались, что это были молодые мужчина и женщина. Видать, молодожены. Наверное, когда подошла голодная смерть, решили погибнуть вместе. Так в обнимку и умерли.

До сих пор в моей памяти эта картина...».³

«Тебе, лучшему соратнику тов. Сталина, шлём большевистский привет», — обращался в июле 1933 года делегаты Шестого пленума Казкрайкома к тов. Кагановичу.

Бывший координатор коллективизации едва недотянул до ста лет... Столько потрудился, столько людей досрочно отправил на тот свет, а сам ничего, выдюжил, не надорвался. Долгожитель.

Не так давно пришлось мне выслушать любопытный рассказ про него. Будто бы чудачил на старости лет Лазарь Моисеевич. Выйдет на улицу, сядет на скамеечку с кульком и раздаёт прохожим детям конфетки. Сидит, пока всё не раздаст. Благоженно улыбается.

«Постарел, постарел Лазарь Моисеевич!..» — грустно вымолвил рассказчик.

«За успехи в развитии сельского хозяйства Л. М. Каганович награждён орденом Ленина», — сообщает Большая Советская Энциклопедия.

За коллективизацию — награждён. Что ж, Ильич бы одобрил...

И ещё один рассказ недавно услышал.

В 1937 году судили руководителя Каркаралинского округа. Среди обвиняемых был Мансур Гагауллин (в числе других он в 1932 году написал в крайком известное «письмо пяти» — о перегибах в коллективизации, вызвавших массовый голод).

Гагауллину представили последнее слово. Он показал рукой на своих товарищей, сидящих на скамье подсудимых:

— Это не враги народа. Враг я. Меня и судите. Одного. Но я

тоже не враг народа, я враг врагов народа. А стал я этим врагом в 1932 году, когда приехал по командировке в Кент*.

...Выхожу из машины — никого и ничего вокруг, только длинная база для скота стоит. Открываю дверь, а там трупы. Всё огромное помещение — в штабелях трупов. У некоторых людей глаза ещё открыты, но видно: с минуты на минуту умрут.

Я вышел обратно. А на улице крики. Безумные растрёпанные женщины с ножами набросились на шофёра, пытаются его резать. Я выстрелил в воздух, они разбежались.

Пригляделся, а неподалёку казан стоит на огне. Варится что-то. Приоткрыл крышку — а там, в будкающей воде, то ножка мелькнёт, то ручка, то детская пятак...

Вот тогда я и стал врагом врагов народа...

За три года коллективизации Голощёкин сделал с Казахстаном примерно то же, что Пол Пот с Кампучией.

Если бы не четырёхлетия предвзятая работа, у него бы это не вышло. Но во время «великого перелома» он уже владел положением. «Большевизация» партийных рядов позволила устранить всех политических противников и заменить более или менее самостоятельно мыслящих «националов» послушными и подбострастными исполнителями.

Духовный цвет нации — писатели-просветители — погибал в лагерях; выдающийся национальный поэт Шакарим был расстрелян. Над верующими надругались (в июне 1930 года Голощёкин с издательским лицемерием говорил: «Как иначе называть, как не провокацией, большой шквал административного закрытия церквей и мечетей?» Но, конечно, ни одного храма народу не вернул). Кампания по «советизации аула» стала, по существу, искусственным разжиганием «классовой борьбы» — иначе говоря, стравливанием людей.

Всё было подготовлено для того, чтобы сокрушить казахский народ...

И словно невероятной силы смерч промчался по степи. Казахи, которые даже приветствуют друг друга при встрече словами «Здоров ли скот?», почти полностью лишились скота, а вместе с ним и своей жизненной основы.

В 1929 году в хозяйствах было 40 миллионов голов — в 1933 году осталось 4 миллиона (а вполне возможно, что и того меньше).

Причём в главных животноводческих районах, где прежде было сосредоточено почти всё стадо, осталось, по официальным данным, всего 300 — 400 тысяч голов скота. Но будто бы неизвестно, насколько «правдива» эта статистика и в какую сторону она изменяет показатели...

Из крупного скота в стране поставщика мяса, шерсти, кож Казахстан превратился в край, который сам себя не мог прокормить.

Голощёкин зажимал всякую маломальскую критику и беспощадно карал немногочисленных слушников. Впрочем, таких почти и не было.

Наша новейшая история порой кажется каким-то чудовищным сном, фантазмагорией. Нигде ещё на земле так не обесценивалась человеческая жизнь, никогда ещё не лились такие потоки крови.

(Сон разума действительно рождает чудовищ, ведь разум, согласно Писанию, — познание Святого.)

Как могло произойти, что ещё до 1941 года, за каких-нибудь два с небольшим десятка лет после «Великого Октября», население бывшей «тюрьмы народов», получившей большевистскую свободу, было выстреляно, выморено — на трель?

Впрочем, ведь для кого-то эта завалящая империя (стремительно расцветающая и крепнущая держава!) была лишь горючим материалом, годящимся разве что на растопку — растопку мировой революции.

Страна — горючий материал, народ — человеческий материал. Материалисты...

Как могло?..

Можно искать причины в разном. В расовых и религиозных войнах, в переделке — перестройке мирового порядка тайными и явными силами. Но не в том ли первопричина, что Бог попустил свершиться этому? Потому что народ забыл о Боге, предал Помазанника Божия...

И налетела эта нечисть. Запела: «Мы всё сожжем, мы всё разрушим, мы всё с лица земли сотрем, мы солнце старое потухим, мы солнце новое зажжём». И сделала это гимном страны. Принялась создавать «советского человека» из человеческой массы «проклятого прошлого». А как создавать? Понятно

как. Уничтожить всех лучших, что составляли духовную и физическую основу и крепь этого проклятого нечистью тысячелетнего прошлого. И во мраке бойни и лепки из «сырого человеческого материала» зажгла для «нового» человека «новое» солнце. Вместо Света Божия — лампочку Ильича.

Как там по его учению? Социализм есть учёт?..

Это Бог всех до единого помнит, а тут... По различным подсчётам, население Советского Союза за 35 послектябрьских лет (до смерти Сталина) уменьшилось на 70 — 90 миллионов человек. Столько, а может, и больше, убито в войнах, расстреляно в «мирные» годы, истреблено голодом, болезнями, замучено в лагерях. Точного учёта, разумеется, нет. Количество жертв измеряется с приблизительностью плюс-минус десять, если не больше, миллионов...

От 10 до 20 миллионов людей погибли в голоду в коллективизации. Наибольшее число жертв приходится на главные зерновые и животноводческие районы — Россию, Дон, Северный Кавказ, Поволжье, Украину, Казахстан. Голодом морили кормильцев страны.

Для восполнения человеческих потерь, понесённых за всё время коллективизации, стране потребовалось 5 лет. Если вспомнить, что для восстановления численности населения после Великой Отечественной войны понадобилось 9 лет (а число жертв войны составило, по последним данным, от 25 до 46 миллионов), то становится понятным, какие беды принесла принудительная коллективизация.

* Кентский район расположен близ Каркаралинска

Никто не знает в точности, сколько людей погибло в Казахстане от голода 1931 – 1933 годов, да и невозможно это установить. С. Конквест считает, что жертв было около двух миллионов. Ж. Абылхожин и М. Татимов пишут, что «прямые потери» составили 1 миллион 700 тысяч человек.¹ Б. Тулепбаев и В. Осипов заключают, что голод унёс 1 миллион 50 тысяч – 1 миллион 100 тысяч жизней казахов и 200-250 тысяч казахстанцев других национальностей.

Достаточно лишь взглянуть на материалы переписи населения в различные годы (помня, что в 20-30-е годы укрывали людей от налогообложения, а официальная статистика выполняла подручные партии большевиков работы). И что же? Лишь в 70-х годах коренное население республики восстановило свою былую численность...

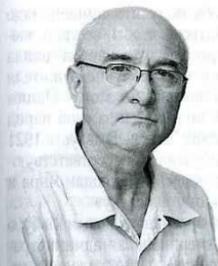
Но дело не только в том, сколько погибло людей. Столько погибло в человеке...

ЛИТЕРАТУРА

¹ «Казахстанская правда», 1932, 7 ноября

² Архив ЦК КПСС Казахстана. Ф. 141, оп. 1, д. 5233, лл. 79 – 92

³ Зауал («Испытание») – Алма-Ата, 1991, с. 93

Фаниль Анварович Ишбулатов родился в 1953 г. в селе Кулутуш Новосергиевского района. Окончил оренбургский факультет Всесоюзного юридического заочного института. Служил в Советской армии. Работал мастером производственного обучения, консультантом Комитета администрации области по межнациональным отношениям. С 1994 г. работает в органах прокуратуры Оренбургской области. Младший советник юстиции. Постоянный автор альманаха «Гостинный Двор».

Фаниль ИШБУЛАТОВ

ЖЕСТОКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

О голоде, наверное, лучше всего расскажет тот, кто его пережил.

В юности все мы увлеклись рассказами Джека Лондона. Так вот, в одном из них – «Любовь к жизни» – описывается судьба двух золотоискателей, потерявшихся в дебрях Клондайка. Имея в мешках золото, они страдали от отсутствия еды. Один из них умер в пути, другой – чудом выжил, его подобрала моряки... Когда его нашли, он был похож на огромного червя: он не слышал, не видел и не понимал человеческой речи. Его отмыли и откормили. Несмотря на обилие пищи, он каждый день после завтрака прокрадывался на бак и, словно нищий, протягивал руку: просил еды. Ему давали морской сухарь, он жадно его хватал и прятал за пазуху. Проверили его матрац – он был набит сухарями. Золотоискатель был в здравом уме, он только принимал меры на случай голодовки – вот и всё.

Голод, как страшное социальное явление, время от времени стучится в двери любой страны. Если в стране стабильность и порядок, голоду нет места. Если же страна раздирае-

ма внутренними распрями или ещё хуже, внешними, то приход голода неминуем.

Россияне не раз испытывали на себе опустошительные последствия голода, но то, что произошло с народом России летом 1921 и зимой 1922 года, ничем нельзя оправдать.

Вот что писали западные газеты о голоде в России в то время.

«На Волге смерть грозит 50 миллионам людей, если туда не будут поставлены съестные продукты» («Трибун дэ Лозанн», Лозанна, 20.10.21 г.).

«Нансене не удалось убедить европейцев посылать помощь русским без контроля с их стороны при распределении. Так как Советы контроль этот отвергают, то их жертвы продолжают умирать с голоду» («Лэ дэувар», Деммон, Швейцария, 22.10.21 г.).

«Д-р Эдик, представитель Советов при организации Нансена, утверждает, что случаи каннибализма были весьма нередки» («Эклер», Париж, 23.01.22 г.).

Надо было спасти жизни миллионов людей, накормить их и снабдить семенами для посева, предотвратить эпидемии, которые разрастались из-за непогребённых трупов. Надо было помочь самым несчастным жертвам голода — детям. Они гибли первыми.

Одна за другой голодающими становились Астраханская, Пензенская, Рязанская, Симбирская, Саратовская, Самарская, Ставропольская, Нижегородская, Марийская, Тамбовская, Парицанская, Уфимская губернии, Башкирская, Татарская, Чувашская и другие республики...

Но чтобы получить помощь, надо было добиться, чтобы весть о вымирании российского народа дошла до каждого благополучного жителя мира и он поверил бы этому. Одним из первых просителей за свой народ стал патриарх Тихон. В августе 1921 года он обратился с соответствующим воззванием: «К народам мира и православному человеку».

И мир откликнулся на мольбу о помощи. Американская административная помощь (АРА) выделила голодающим в течение года 25 тысяч вагонов продовольствия. Городской совет города Цюриха ассигновал 1 миллион лир. Люксембург — 100 тысяч франков. Поплыли в Россию гружённые продуктами пароходы английского, нидерландского, бельгийского, шведского, чехословацкого, норвежского комитетов Красного Креста. Югославия приняла у себя 40 тысяч голодающих.

В Казани, Самаре, Саратове немецкие и шведские делегаты устроили кухни и кормили 200 тысяч человек ежедневно. Бельгийское правительство выделило 750 тысяч франков для помощи русским детям. Австралия направила пароходы с мясом.

Но за рубежом было обеспокоены: а доходит ли их помощь до голодающих?

Удручающее впечатление произвела на всех, кто искренне желал помочь голодающим, ликвидация беспартийного Всероссийского комитета помощи голодающим и создание вместо него партийного ПОМОГОЛа. Прежний комитет с первых дней своего существования занял независимое по отношению к советской

власти положение, самостоятельно вёл переговоры с иностранными державами, выпускал свою газету, имевшую колоссальный успех, требовал от ВЦИКа действенной, конкретной помощи. За что сразу же после роспуска и попал в казны сотен его членов.

Не менее удручающим событием стала кровавая бойня, устроенная армией Блюхера над русскими крестьянами, искавшими спасения от голода на китайской территории.

Но самым всеохватывающим событием, потрясшим весь мир и, в первую очередь, вымирающую Россию, стала кампания по изъятию церковных ценностей.

20 декабря 1921 года (1 января 1922 г.) вышел декрет об изъятии музейного имущества. И тут же в газетах появились воззвания, где некие «представители голодающих» просили власть принять меры, чтобы излишнее церковное имущество пошло «на прокормление голодных».

13 (26) февраля, в дополнение к декрету об изъятии музейного имущества, ВЦИК постановил: *«Предложить местным Советам немедленно изъять из церковных имущества, переданных в пользование группам верующих всех религий по описям и договорам, все драгоценные предметы из золота, серебра и камней, изъятия коих не может существенно затронуть интересы самого культа, и передать в органы наркомата финансов со специальным назначением в фонд ЦК ПОМГОЛ».*

Не везде изъятие ценностей проходило гладко. Например, в небольшом городе Шуе при изъ-

яти церковных ценностей была пролита кровь безвинных людей. Большевики использовали против верующих два броневомобиля с пулемётами. В результате варварской акции было убито четверо и десятки ранены.

Попали ли голодающим изъятые с такой жестокостью церковные ценности?

Малая часть, наверное, попала. Но учёт изъятых ценностям практически не вёлся. Не был чётко отлажен механизм продажи золотых изделий за продовольствие.

Всё золото и серебро церкви свозили в Москву и оно оседало в Государственном хранилище и Наркомате финансов.

Самые голодные губернии просили Москву разрешить оставить у себя хоть немножко золота, чтобы как можно скорее купить на него хлеб и спасти умирающих. Ответ Центра был один: всё в Москву, всё в Госхран.

В это время, в разгар голода, молодая Советская власть была озобочена войною в Карелии, укреплением Красной армии, пропагандой мирового коммунизма, борьбой с остатками контры и покупок двorcов для своих полпредов.

В эти же дни, отказывая в кредите, премьер Англии Чемберлен заявил: *«Советы только что купили в Лондоне для службы их главного штаба дом, стоящий 250 тыс. фунтов стерлингов. Дворец этот предоставлен Краснцу, окружённому целой армией стенографисток и дактилографисток. ... Не прощай ли, чтобы Советы продали этот дворец, чтобы купить провиант, а*

мы бы сохранили деньги для наших двух миллионов безработных?»

Это трудно объяснить, но, несмотря на жесточайший голод, молодая Советская Россия продавала в то время хлеб за границу.

Заведующая отделом ЦК ПОМГОЛа (Центральный комитет помощи голодающим) О. Каменева при этом не стеснялась давать интервью: «Существование и возрождение хозяйства России без вывоза за границу нашей единственной валюты — хлеба — абсолютно немислимо».

Ей вторил её начальник — заместитель председателя ЦК ПОМГОЛа А. Винокуров: «Вывоз хлеба за границу является в настоящее время экономической необходимостью. При переходе на рельсы новой экономической политики в руках крестьян благополучных регионов об-

разовались излишки, которые не могут быть выгодно реализованы на внутреннем рынке, благодаря низким хлебным ценам».

А что происходило в это время на нашей земле?

Помогло узнать о трагедии изучения архивных уголовных дел, хранящиеся в УФСБ по Оренбургской области.

Вот что рассказал Дмитрий Константинович Яковлевич, 1900 года рождения, уроженец и житель с. Покровка Новосергиевского района, привлекаясь к ответственности за дезертирство из органов ОГПУ: «В октябре 1921 года я поступил в должность зав. Покровской библиотекой. Ввиду незнания дела библиотеки я перешёл на работу в Покровское политбюро в качестве следователя экономдел. Прорабо-

тав малое время, в ноябре месяце заболел возвратным тифом, которым болел до декабря месяца. Потом заболел воспалением лёгких. По излечению лёгких мне был по свидетельству врача Чумакова Покровской больницы предоставлен отдых. Я находился в состоянии полного упадка душевных и физических сил. Не было хлеба. Вся семья и я питались лебедой, которой было всего в запасе фунтов 12 плюс 2 пуда разной сухой толчёной травы на 6 человек. На это мы могли прожить 12 — 25 дней. Отец опух, сестрёнка 12 лет опухла, мать опухла — видна была пасть голодной смерти. Находясь в упадке сил душевных и физических, расслабленный, я не мог вынести мук голода отца, матери, сестры и брата, своим большим воображением решил избавить семью от мук голода — убить всех и убить себя. Произвёл выстрел в отца, отец стал просить, чтобы не убивал, поднялся крик и плач всех. Я тоже заплакал и ушёл из дому на другую квартиру, чтобы не видеть этих мук, и подчинился неизбежному.

Через 6 — 7 дней после ухода я пришёл всё же навестить семью и принёс им экономию от своего пайка. Меня встретили распухшие люди, которые даже утратили способность речи, кроме маленького брата Андрея, ему было 6 лет и его кормили в столовой АРА.

Под впечатлением картины голода я решил ехать в Оренбург и просить Чека дать возможность сохранить жизнь семьи. Когда я явился на станцию Оренбурге, здесь вижу толпу бледных, опухших лю-

дей с обезумевшими глазами. Все эти люди помещались в зале 3-го класса. Вдруг появилась милиция и всех этих людей выгоняет из помещения. Когда всех выгнали, то на полу оказалось около 10 трупов, которые не выдержали жизни без пищи и умерли или были задавлены более крепкими. Из зала вынесли трупы и стали проводить дезинфекцию.

«Вдруг пришёл поезд, люди со звериными выражениями, давая славых, бросились к поезду и полезли на крышу вагонов и на буфера. Я тоже был увлечён толпой. Толпа стремилась ехать в Ташкент. Милиция толпу гонит от поезда, грозя оружием, не давая возможности выехать туда, где есть хлеб... Я тоже увлекся посадкой, так энергично материл блюстителей порядка, что и забыл свою семью и этим же поездом двинулся в Ташкент».*

Ему повезло — он выжил. К его счастью выжила и его семья. Он вернулся домой в 1927 году и всех своих застал живыми.

Материалы архивного уголовного дела на братьев Габзалиловых — Садька и Курбана — свидетельствуют о неслыханных трагедиях в русских, башкирских и немецких селениях.

18 — 19 августа 1921 года в немецкой колонии Подольск проходил 5-й съезд Советов Ток-Чуранского кантона Башкирской АССР (был такой кантон, располагавшийся в пределах нынешних районов:

* Орфография и пунктуация автора сохранены

Голод в Оренбурге

Александровского, Переволоцкого, Новосергиевского, Красновардейского, преимущественно населённых башкирами. Кантон просуществовал с 1917 по 1928 гг.).

На съезде выступал председатель Ново-Юлдашевского сельсовета Юмуран-Табынской волости К. Султангулов. Его доклад был пронизан тревогой о наступающем го-лоде: «Весной гражданами нашего общества было засеяно пшеницы 55 десятин, ржи — 65 десятин, проса — 45 десятин, льна — 190 десятин, но о получении хотя какого-нибудь урожая вследствие засухи, появившихся вредных насекомых на хлебах, не приходится говорить. Определённо можно сказать: ни у кого — ничего. Голод со всеми ужа-сами.

...Если будем обсуждать о буду-щем положении общества (зимой и весной), то представляется такая картина. В нашем обществе число душ 864 человека, по количеству домохозяев 162 двора, из них если на них не будет нападение или требование со стороны, то 20 домохозяев будут иметь по одной ко-рове и по одной лошади и 10 дворов будут иметь по одной корове, а остальные домохозяева в настоя-щее время ничего не имеют и нет надежды.

...Если коснёмся вопроса, как живут граждане данного общества в настоящее время, то ответ весь-ма плачевный. Питаются гражда-не корнями, собирают жёлуди. У кого есть скот, то забывают по-следний на мясо, несмотря на то, что корова или лошадь ещё нужна в будущем.

...Что касается граждан, не имеющих ни коровы, ни лошади и хлеба, то им предстоит гибель, а у нас таких 75 процентов. Таким образом, из вышеуказанных фак-тов и цифр видно, что зимой на-стоящего года в нашем обществе из 864 души погибнут от голодной и холодной смерти, позорной смерти 612 человек».

На этом съезде выступал пред-ставитель Люксембургской волости Ток-Чуранского кантона Виттерберг. Он сказал, что в 1921 году «засеяно было вместе с озимыми около 5 тысяч десятин. Против прошлогоднего на 50 про-центов меньше, но при хорошем урожае хватило бы для всей волос-ти. Беспрестанные ветры, саран-ча, с которой мы боролись целые три недели, и которой мы нало-вили одними сачками свыше 500 пудов, и жара, сделала своё дело. Из засеянных этих тысяч десятин совершенно погибло свыше 2 400 десятин, т.е. без малого половина посева, остальное дало в среднем 4 пуда с десятины».

Голод костявой рукой охваты-вал все населённые пункты Орен-бургской губернии. А ведь люди предчувствовали беду. Восставшие крестьяне восточного Оренбуржья в своих воззваниях прямо указы-вали, что в 1921 году ожидается голод.

Сегодня с точностью до одно-го человека известно, что только в одном селе Каишкулрово Алексан-дровского района умерли с голоду 107 человек взрослых, 28 детей до шестнадцати лет, а 17 чело-век умерли в результате пыток

и побоев в местном «политбюро» (в основном за хищения и кражи). Всего умерло 158 человек. В это число не входят те, кто прибыл в это село к своим родственникам в поисках еды и нашёл здесь свой последний приют. В селе был при-ют для детей бедных и погибших в годы гражданской войны. Они умерли первыми и о их количестве не знает никто.

Несмотря на страшный голод, новая советская чиновничья бюрократия того же кантона повела себя самым бессовестным образом. Но как их действия описывают немцы в своей жалобе: «Военком Князев, нач. моб. отд. Кузнецов, военрук Карчевский и другие име-ли при себе своих жён, но никто из них для себя не готовил лично кушанья, это всё должны были делать хозяйки, у которых они стояли на квартире, хотя у этих хозяев было до 8 детей. Весь день эти аристократки разгуливали по улицам, после чего приходили, садили за столы и требовали, чтобы им подносили самые лучшие кушанья. Чтобы самим на себя го-товить — это было для этих го-спод слишком унижительно, пусть же работают эти крестьянки, для чего же они существуют».

Если что-либо им было не по вкусу, то они брали это кушанье и выливали за окно. Под угрозой ареста, расстрела, выселения хо-зяина из его дома, его заставляли готовить другие кушанья. И это в такое время, когда люди сотнями и тысячами умирали с голода».

По просьбе Башкирского об-кома РКП(б) руководство Ток-Чуранского кантонного комитета РКП(б) составляет доклад о по-ложении дел в кантоне за период с 1 февраля по 1 июля 1921 года. В докладе есть такие строки: «На всём пространстве царит необы-чайная дезорганизованность и раз-ложение масс на почве голодовки. Тысячи людей проходят и проезжа-ют в поисках хлеба. Тысячи пудов анархическим путём следуют на разные места в Сибирь. Участилось невероятных размеров воровство и дело доходит иногда до открытых грабежей с убийством. В пищу употребляется всё, что только возможно: жёлуди, суслики, лягуш-ки и т.д.

...Полный хаос и разгильдяй-ство царят кругом. Сквозит ра-бота не поднятия экономической жизни страны, а наоборот, её разрушения. Во всех учреждениях нет абсолютно никакой дисципли-ны, каждый работает так, чтобы проработать день, месяц и полу-чить паёк. Отсутствует всякая работа, все чувствуют себя рас-слабленными и усталыми, нет той силы, которая могла бы дать тол-чок и свинуть с мёртвой точки всю эту расхлябанную бесполез-ную машину».

Оглядываясь на прошлое, мы всегда должны помнить его жесто-кие уроки. Знать тех, кто обещал построить светлое будущее, создать общество равноправия и благоде-нствия. Помнить о жестоком экспери-менте над народом...

Ольга ОСЕЦКАЯ

«ГОЛОД ПРИНЯЛ УЖАСАЮЩИЕ, КАТАСТРОФИЧЕСКИЕ РАЗМЕРЫ...»

Ольга Николаевна Осецкая родилась в Самаре. Окончила исторический факультет Петрозаводского государственного университета. В Бузулуке с 1980 года. Преподавала историю в школе, медучилище, с 1987 года работала в Бузулукском краеведческом музее научным сотрудником. Ныне – главный хранитель фондов музея. Награждена Почётной грамотой Министерства культуры и массовых коммуникаций РФ и Российского профсоюза работников культуры за большой вклад в развитие культуры (2011).

В ряду памятных юбилейных дат, которые отмечаются в этом году в нашем Отечестве, 1921 – 1922 годы занимают особое место. Со скорбью мы вспоминаем разыгравшуюся в нашей стране 90 лет назад трагедию, жертвой которой стали миллионы жителей нашей страны. Небывалый голод охватил в то время 35 российских губерний с населением в 90 млн человек. Особенно пострадало от голода Поволжье, в том числе и Самарская губерния, в состав которой входил тогда Бузулукский уезд.

Голоду предшествовали события не менее трагические: Первая мировая и Гражданская войны, которые полностью разрушили экономику России. А введение советской властью хлебной монополии и продразвёрстки привело к тому, что крестьяне, не заинтересованные в увеличении сельскохозяйственного производства, начали сокращать посевные площади. Производство сельскохозяйственной продукции в стране было доведено до уровня текущего собственного потребления.

тем самым была нарушена вековая традиция крестьянства: оставлять запасы хлеба на 2 – 3 года на прокорм и на посев. В условиях нашего климата, когда нередкими были засушливые, малоурожайные годы, это было одной из причин, приведших к катастрофе.

Бузулукский уездный продовольственный комитет, созданный в декабре 1917 года, активно проводил продовольственную политику советской власти. Многочисленные продотряды выкачивали у населения продовольствие для снабжения Красной армии, укреплений и предприятий, а также для населения крупных городов.

В продовольственную кампанию 1919 – 1920 гг. продотрядами было заготовлено:

- хлеба и зернофуража 3 409 723 пуд.,
- картофеля – 657 744 пуд.,
- крупного рогатого скота 32 956 гол.,
- баранов – 103 077 гол.,
- свиней – 3741 гол.

Лето 1920 года в Бузулукском уезде было засушливым, малоурожайным, но, несмотря на это, реквизиции продолжались. В связи с неврожаем объём заготовок уменьшился, тем не менее продовольственные комитеты в 1920 – 1921 гг. заготовили:

- хлеба и зернофуража – 1 470 009 пудов;
- картофеля – 285 709 пудов;
- крупного рогатого скота – 33 279 голов;
- баранов – 95 674 живого веса;
- свиней – 7 228 пудов;
- яиц – 4 446 071 штука;
- масла топленого – 3 903 пуда;

- масла семян подсолнечника – 37 930 пудов;
- картофеля – 285 709 пудов;
- птицы битой – 11 004 фунта;
- шерсти – 2 563 пуда;
- пеньки – 3 405 пудов.⁽¹⁾

При этом часто у крестьян изымали не излишки продовольствия, а необходимые запасы и даже семенной хлеб, причём насильственным путём. Уездные власти признавали, что агенты райпродкомов в отношении крестьян проявляли «нетактичные действия» и даже «неразумную диктатуру». Такая политика была одной из причин вспыхнувшего 14 июля 1920 года в Бузулукском уезде мятежа под руководством командира 9-й кавалерийской дивизии Сапожкова. Газета «Коммунистическая жизнь»⁽²⁾ писала, что «причин восстания очень много, а главная... усталость населения от вооружённой борьбы с контрреволюцией (недостаток соли и других необходимых веществ), плохие виды на урожай и отчасти нетактичные, а иногда противозаконные приёмы при выкачке продовольствия. Большинство крестьян в уезде собственники и с отменной частной собственности мирятся неохотно».

Выражая интересы крестьянства, в своей «Декларации прав человека и гражданина» Сапожков предлагал отменить продразвёрстку, разрешить торговлю, упразднить продовольственные и чрезвычайные комиссии, переизбрать Советы. Восстание было жестоко подавлено, в сентябре 1920 года в Бузулуке было расстреляно 4 тысячи повстанцев.

Осенью 1920 года в Бузулукском уезде обозначились первые призна-

Голодающие крестьяне
с. Тепловка Бузулукского уезда

ми, травами, кореньями, сусликами.

Отдел управления уездного исполкома принимает ряд мер по ликвидации наступающего голода, одна из них – приобретение семян в других губерниях. Семян на всех не хватало, поэтому в первую очередь снабжались ими «красноармейцы и слушатели партийной школы и политпросвета».⁽⁴³⁾ И хотя была засеяна меньшая площадь, чем в прошлые годы, люди надеялись на новый урожай. Однако их надежды не оправдались. Весна 1921 года выдалась жаркой, засушливой. Начиная с апреля, солнце нещадно палило с самого утра

ки голода. Местные власти были вынуждены констатировать: «...к концу года выяснилось, что некоторые сельские общества вследствие недорода хлебов и корма для скота терпят крайнюю нужду...»⁽⁴²⁾

Многие жители Бузулукского уезда в поисках продовольствия устремились в большие города, покидая пределы губернии, ехали в основном в Среднюю Азию, чаще всего в Ташкент, в надежде приобрести там хлеб. Весной 1921 года, несмотря на замену продразвёрстки продналогом, положение жителей Бузулукского уезда ухудшилось. Уже в апреле запасы хлеба закончились, и многие крестьянские семьи были вынуждены питаться жедуля-

до позднего вечера. Хлеба, так и не дождавшись дождей, горели на корню. Уже к началу лета погибла большая часть посевов. В некоторых волостях высохли травы и даже листья на деревьях. Чтобы как-то спастись от голода, население употребляло в пищу конский шавель, корень конопляника, дубовую кору, сердцевину подсолнуха, глину с окисью железа и другие суррогаты. В хлеб добавляли разные ингредиенты: травы, желудёвую муку, тыкву, свёклу, картошку; кашу варили из отрубей с добавлением листьев; из пшена с добавлением кожуры тыквы, картофеля пекли лепёшки. В пищу употребляли не только сусликов, но и кошек и собак, варили старые кожи,

овчины. Уездные власти признавали: «...К концу года голод принял ужасающие, катастрофические размеры, до людоедства включительно. Из 618 976 душ населения уезда 553 014 человек находилось к 1 октября в условиях самой неимоверной голодовки».⁽⁴⁴⁾

Голод парализовал работу всех учреждений: закрывались клубы, библиотеки, школы, детские сады. Люди, движимые инстинктом самосохранения, бросали всё и уезжали, чтобы выжить, в более благоприятные районы. Даже сотрудники волостных исполкомов и сельсоветов, месяцами не получавшие жалованье, вынуждены были бросать работу и спасать себя и своих близких. Железнодорожные станции, вокзалы, поезда были переполнены бежавшими от ужасов голода и болезней людьми. Ю. Геккер, гражданин

США, работавший в Международном обществе друзей помощи России и побывавший зимой 1921 года в Самарской губернии, вспоминал: «Выехали из Москвы 22 декабря и после двухдневного путешествия остановились в Самаре. Самара – в центре голодной области. В Москве я много слышал об этом голоде. Но то, что я увидел в Самаре и по всей дороге до Оренбурга, не поддаётся описанию. Железнодорожная станция была переполнена людьми, бежавшими из ближайших деревень. Плохо одетые, голодные, больные, они заполнили каждый вагончик как внутри, так и снаружи станций».⁽⁴⁵⁾

Резко увеличилась преступность: участились кражи, грабежи, убийства.

Местные власти ещё осенью 1920 года сообщали в центр о надвигающемся голоде, однако первое время Советское правительство умалчивало о происходящих на большой территории страны трагических событиях. Только 26 июня 1921 года газета «Правда» опубликовала статью о голоде, признав его более жестоким, чем голод 1891 года. Для спасения населе-

Крестьяне Бузулукского уезда, вырванные и съевшие труп умершей девочки

В зеркале истории

Стонущий от боли и мук изголодавшийся ребёнок. Село Липовка, Бузулукский уезд

ния были мобилизованы все предприятия, профсоюзные, кооперативные и молодежные организации. 18 июня 1921 года была создана Центральная комиссия помощи голодающим (ЦК Помгол), которая обладала чрезвычайными полномочиями в области снабжения и распределения продовольствия.

Комиссии помощи голодающим создавались и на местах: при губернских, уездных и волостных исполкомах. Бузулукская уездная комиссия помощи голодающим занималась закупкой продовольствия в других регионах страны и распределяла его среди населения. В городе и уезде были организованы питательные пункты, столовые, эвакупункты, приёмники, на которых выдавались обеды и пайки, состоящие из полфунта хлеба, полфунта картофеля, 6 золотников соли и одного золотника* чая.

Газета «Коммуна» активно призывала к борьбе с голодом. В статье «Голодная агитация» сообщалось:

Крестьяне, съевшие труп умершей квартирантки

*«В Самарской губернии голодают больше 2-х миллионов человек. Голодают, пухнут, умирают, доходят до трупно- и людоедства. Соотносительно размерам голода должна быть и наша борьба с ним. Нужна огромная энергия. И нельзя спрашивать, где взять её — она должна найтись. Борьба с голодом должна охватить всех и вся».*³

Первоочередной задачей было спасение детей: многие были помещены в детские дома, часть детей была эвакуирована в другие города.

Количество детских домов в городе и уезде стремительно увеличилось.

вылов. Журнал «Итоги Октября» приводит такие статистические данные: в 1920 году в городе и уезде насчитывалось 14 детских домов, где находилось 957 детей. Уже на 1 января 1921 года в 42 детских домах было 2 500 детей, а на 1 марта 1921 года в 53 детских домах — 3 000 детей. К 1 июля 1921 года в 78 детских домах насчитывалось 3 500 детей.⁽¹⁵⁾

Осенью 1921 года все детские дома были переполнены, ежедневно в них поступало от 100 до 200 человек. Не хватало элементарного: кровати, мебели, посуды, одежды, постельного белья.

Главной задачей персонала было не обучение и воспитание детей, а обеспечение детских домов топливом и необходимым оборудованием, а воспитанников питанием, одеждой, обувью, лекарствами. Находясь в переполненных помещениях, получая недостаточное питание, несмотря на героические усилия сотрудников, дети часто болели и умирали. Детская смертность в уезде составляла в 1920 году 53 %, в 1921 году — 56 %.

Воспоминания об одном из таких детских домов оставила квакер Анна Хейнс: «Мы приехали в детский дом, открытый в июле, когда миграция крестьян стала принимать широкие масштабы. Учреждение было рассчитано на 60 детей возрастом от 3 до 14 лет. В сентябре

количество детей ставило уже 450 человек. На 450 детей имелась ровно 31 тарелка и 31 чашка, ещё в городе купить было невозможно. Их ежедневный рацион состоял из трёх — четырёх унций* хлеба, выпеченного из сухой травы и горстки ржаной муки, и супа из конины. Комнаты были почти пустые, кровати имелись только у небольшого количества детей. Стульев не было вообще, равно как и наметка на какие-либо игрушки. В небольшой комнате располагалось восемьдесят семь детей, они сидели на полу и выбирали друг у друга вышей — это занимало их целый день. Некоторые выбегали на улицу и подбирали гнилые помидоры и арбузы, выброшенные приехавшими в город крестьянами. Директор сказал, что сначала он пресекал такие попытки, но потом решил, что таким образом детям удастся хотя бы немного разнообразить своё питание... и перестал запрещать...

Учреждение, рассчитанное на детей возрастом от нескольких недель до трёх лет, пребывало ещё в более плачевном состоянии, поскольку столь маленькие дети не могли питаться чёрным хлебом и супом из конины. Когда мы спросили, где находится детский дом, люди на

Анна Хейнс, американка, квакер. Работала в приюте в Могутово в 1917 — 18-х годах, в Бузулуке — в 20-х годах

Учреждение, рассчитанное на детей возрастом от нескольких недель до трёх лет, пребывало ещё в более плачевном состоянии, поскольку столь маленькие дети не могли питаться чёрным хлебом и супом из конины. Когда мы спросили, где находится детский дом, люди на

* Один золотник — 1/96 фунта 4,26575417 г.

* унция = 28,365 г.

улице ответили: «Подождите, сейчас услышите». Не знаю, многие ли из вас смогут выносить мяуканье очень голодного котёнка. Мы же услышали непрерывный плач голодных детей, находящихся от нас более чем за два квартала...»⁽⁸¹⁾

Здание штаба квакеров в Бузулуке, ул. Самарская

Вместе с голодом в Бузулукский уезд пришли инфекционные заболевания. Особенно в 1919 – 1920 гг. был распространён сыпной тиф – количество больных насчитывало 25 562 человека. С конца 1920 по 1922 год держалась эпидемия возвратного тифа, летом 1921 года к этому инфекционному присоединилась холера, смертность от которой составляла 55 – 56%. Очень много людей умирало от истощения. В 1921 году умерло 21 077 жителей города и уезда; в 1922 – 19 310 человек.

В связи с голодом и эпидемиями исполком вынужден был открывать

новые больницы: если на 01.01.1919 года в уезде работало 15 участков больниц на 490 коек и 21 фельдшерско-акушерский пункт, то на 01.01.1921 года в уезде было 47 больниц на 960 коек, а в городе – 5 фельдшерско-акушерских пунктов и 3 больницы на 210 коек.⁽⁸⁶⁾

В больницах и фельдшерско-акушерских пунктах не хватало топлива и продовольствия, белья, медикаментов и медицинского персонала. Государство не могло содержать такую сеть лечебных учреждений и постепенно, несмотря на продолжающийся голод и эпидемии, количество больниц сократилось. Уездные власти изыскивают другие источники для содержания больниц. Весьма существенную поддержку сетям медицинских учреждений в городе и уезде оказали Англо-американское общество

Американский доктор из квакерской миссии ведёт приём в г. Бузулуке

друзей (квакеры), Харбинский общественный комитет помощи голодающим, Коммунистический университет имени Свердлова, Российский Красный Крест и др.

Местные власти в январе 1921 года телеграфировали в Москву о помощи:

«Ужасное положение в нашем уезде. Голод неистовствует, голодающие едят кошек, собак и падаль. Начали есть трупы умерших. Сараи, куда складывают умерших для захоронения, грабят по ночам, и трупы растаскивают и едят. Могилы умерших от голода раскапывают. С декабря 25 по 27-е было похоронено 681 человек, из них 509 детей. Паника охватила голодающее население, в отчаянии они уже не разбираются, как спасти себя от смерти. Поймите этот ужас. Сделайте всё возможное, чтобы распространить эту телеграмму. Бейте тревогу. Помогите! Иначе весь уезд превратится в опустошение.»

Председатель чрезвычайной комиссии по охране детей – Друкотский».⁽⁸²⁾

Несмотря на все предпринятые усилия, в течение зимы 1921-22 гг. голод нарастал и принимал всё более катастрофические размеры. Из 600 тысяч населения уезда 450 тысяч голодало. Журнал «Итоги Октября» писал: «В связи с охватившим наш уезд небывалым голодом, бедствием, настроением крестьянских масс самое подавленное. Несмотря на оказанную помощь государством, заграничными организациями, в том числе обществом друзей (квакеры), голод победить не так было

легко, слишком велико бедствие. Смерть косила людей массами... трупы сваливались в общие братские могилы, не хватало рук своевременно зарывать их. Любодейство увеличивалось. В течение одного только января случаев любодейства зарегистрировано 28».⁽⁸⁷⁾

К 1 января 1922 года в Бузулукском уезде насчитывалось 50 тысяч человек, умерших от голода, а к 15 марта – 80 тысяч.

В эти тяжёлые годы на помощь голодающим жителям России пришли различные международные организации. Международная помощь пришла и в Бузулукский уезд. Осенью 1921 года от имени Международного комитета помощи России (МКПР), созданного под эгидой Красного Креста, в России побывал Ф. Нансен, знаменитый норвежский учёный, полярный исследователь.

Прибывший 5 декабря 1921 года в Бузулук из Самары с инспекцией детских учреждений Нансен был поражен масштабами голода, охватившего Самарскую губернию.

Впоследствии одна из фотографий, сделанных в Бузулуке в то время, стала всемирно известной. Она была использована на благотворительной открытке Нансеновского фонда с надписью: «Голод в России... Край кладбища в разорённой стране...».

Известно, что МКПР под руководством Нансена с сентября 1921 года по сентябрь 1922 года доставил в Россию 90,7 тысячи тонн продовольствия.

Помогала голодающим Бузулукского уезда и Администрация Американской Помощи (АРА). Первонач-

частью АРА предполагала оказывать помощь детям, кормящим матерям и беременным женщинам. Однако прибывшие в Поволжье её представители сообщали о таких масштабах голода, что АРА приняла решение кормить и взрослое население. Специалисты этой организации также инспектировали больницы, распределяли оборудование и медикаменты, проводили вакцинацию населения, санитарно-гигиенические мероприятия, открывали бесплатные аптеки. АРА за год поставила в Россию 790 тысяч тонн продовольствия, не считая других гуманитарных грузов.

Более подробно нам известно о помощи, которую оказывало жителям Бузулукского уезда Англо-американское общество друзей (квакеры). Английские квакеры ещё в 1916 году, во время Первой мировой войны, прибыли в Самарскую губернию для оказания помощи беженцам. Они работали в центрах для беженцев, в больницах. В селе Могутове Бузулукского уезда ими был открыт детский приют. В октябре 1918 года квакеры вынуждены были покинуть Россию в связи с начавшейся гражданской войной.

Когда в июне 1921 года огромная территория России была признана Советским правительством как территория, охваченная голодом, квакеры снова стали одной из первых неправительственных организаций, которой было разрешено оказывать помощь голодающим. В Бузулук квакеры прибыли осенью 1921 года. О голоде и квакерах вспоминал ветеран труда, житель города Бузулука В. Мельников: «...Кто не испытал муки голода, тому даже предста-

вить себе трудно эти чувства. Я сам прошёл через это испытание, а потому с доподлинной правдивостью могу сказать, что голодным человеком, всем его существом полностью овладевает мысль о еде. Она преследует его и днём, и ночью, нигде не давая покоя.

Из сельской местности люди шли в город в надежде на спасение от страшной смерти. Зима 1921 года собрала в Бузулуке страшный урожай: люди гибли ежедневно десятками.

Вскоре для организации помощи голодающим в Бузулук прибыла Англо-американская миссия — общество друзей квакеров (ОДК), которую возглавил англичанин мистер Боллс. Для резиденции ОДК Бузулукский исполком предоставил двухэтажный особняк, ранее принадлежавший купцу-миллионеру Киселёву (ныне здание детской поликлиники). Одновременно был открыт филиал ОДК в городе Сорочинске.

В большом хозяйстве ОДК имелись грузовые, легковые автомобили и тракторы. Продуктовая база, организованная на товарной станции Бузулук, разместилась в четырёх огромных складах. Руководство всеми операциями осуществлял Джон Броклсби. Вместе со своим помощником, мистером Вилдоном, он вёл дела в конторе — небольшом одноэтажном помещении при входе на товарный двор. Первое время контроль за работой продуктовой базы осуществлял представитель из Москвы член ЦК партии т. Разинский.

На двух складах № 9 и 10 по-

стоянно находились две бригады русских сотрудников ОДК, в функции которых входил приём и выдача продуктов и контроль за разгрузкой вагонов. В бригаде склада № 9 работали: бывший полковник царской армии, художник, скрипач, бывший священник из собора, бухгалтер и, волею счастливого случая — девятнадцатилетний парень. Счастье заключалось в том, что месячный паёк продуктов рабочих склада составлял около четырёх пудов различных продуктов. Для сравнения приведу пример, когда голодающая семья вынуждена была за два пуда муки продать четырёхкомнатный дом в центре города. Но и работать за такой паёк приходилось с 6 часов утра до 18 — 22 часов вечера.

С получением продуктов питания люди города и сёл воскресали, восстанавливали силы. Ценный груз на базу стал поступать большими партиями. Бывали дни, ко-

гда приходило до 70 вагонов. Груз, в основном, состоял из муки высшего сорта, риса и фасоли. Кроме этого, на базу поступали сахар, масло сливочное и ореховое, сушённое молоко, шоколад, мясные и рыбные консервы, одежда и медикаменты.

Обессиленные голодом, многие люди заболели малярией. В доме купца Степанова был открыт медицинский пункт, работу которого возглавила врач — англичанка мисс Кристи. Жизнь постепенно входила в свое русло». Вот так, благодаря квакерской помощи, жители города Бузулука спасались от голода. Эта удивительная история имела

Бузулукская уездная милиция отобрала человеческое мясо, которое людоеды не успели доесть

Бузулукское кладбище. Одна из братских могил, в которой зарыто свыше 300 трупов

Разгрузка бочек с рыбным жиром, поступившим для голодающих детей Бузулука. Руководит разгрузкой С. Шапиро

продолжение. Рассказал об этом сам В. Мельников: «В 1923 году мистер Вилдон женился на машинистке конторы Зине Ивановой. Исполняя волю родителей невесты, их обвенчали по христианскому обычаю в соборе. Я был приглашён Зиной, и как шафер во время церемонии держал над её головой венец.

Спустя десять лет судьба вновь свела меня с этими людьми. Я учился в институте. Как-то, проходя мимо гостиницы «Националь», встретил Зину. Оказалось, что Вилдон работает в Коминтерне. При встрече с самим Вилдоном у нас состоялся разговор. Мистер Вилдон, узнав причину моего пребывания в Москве, очень удивился:

откуда у меня появились средства на учёбу в институте. Я пояснил, что обучение в нашей стране бесплатное, кроме того, за всё время учёбы государство ежемесячно выплачивает сумму в размере ежемесячного заработка. Вилдон ещё более удивился и сказал, что, если он расскажет об этом в Англии, ему никто не поверит»⁴.

В отчёте Бузулукской уездной комиссии по борьбе с голодом, посланной в Самарскую губернскую комиссию, приводятся такие цифры: американские и британские квакеры в мае 1922 года кормили 83 % голодающих, а в июне 1922-го — 84 %. Кроме продуктов поступали одежда и обувь для детей и взрослых, постельные бельё, мыло, лекарства.

Квакеры оказывали населению Бузулукского уезда всестороннюю помощь: закупили

1000 лошадей и раздали крестьянам, организовали прядильное, ткацкое и шовное производство, мастерские по производству валенок, подошбные хозяйства. Бузулучанин Г.А. Аканов, которому в то время было восемь лет, рассказывал (стиль речи и язык автора сохранены): «До 1921 года наша семья, в составе семи человек, т. е. отец (инвалид), мать, три сына и две дочери, жили в частной квартире на ул. Петропавловской. Из семьи работали сестра Екатерина, билетно-багажным кассиром на железнодорожной станции Бузулук, и брат Михаил, телеграфистом на той же станции. Жизнь стало очень трудно, а тут ещё из-за сильной жары все посевы и посадки погорели, платить за квартиру было нечем, наступил голод, и мы всей семьёй вынуждены были переехать в дом сестры, которая проживала с мужем, он работал паровозным машинистом, и малолетней дочерью.

Их дом был на ул. Гражданской, в то время назывался «на Палимовской стороне», т. е. западнее от железнодорожного вокзала, это была окраина, так как за этой улицей были выпасы для городских стад, часть засевали зерновыми культурами.

В связи с тем, что, как говорят архивные данные города Бузулука, «надежды на урожай к середине лета 1921 года пропали. Страна не в состоянии спасти всех», М. Горький обратился с призывом о помощи ко всем людям мира. На данный призыв многие организации откликнулись положительно, в

т. ч. из иностранцев в первую очередь протянули руку помощи квакеры английские и американские. Первые квакеры приехали в Россию в 1916 году с целью оказания помощи беженцам первой мировой войны. Часть из них (единицы) проживали и работали в Бузулукском уезде, в частности, в г. Бузулуке, на их адрес приходили посылки для оказания помощи голодающему населению, в основном продукты и одежда, также они располагали сельхозтехникой. К ним поступали денежные пожертвования, на которые они закупали лошадей и технику для обработки земли, т. к. они организовали в 1922 — 1923 гг. подсобное хозяйство, которое находилось в районе левого берега р. Бузулук от железнодорожного моста до железнодорожной водоканки, где сейчас расположен стадион «Локомотив» и 7-7-а микрорайоны.

Помню, наша мать и другие бузулучане работали на этих огородах, где засевали морковь, свёклу, брюкву, капусту и другие овощи, после посева занимались поливом, прополкой, рыхлением почвы и другими работами, а осенью производили уборку урожая. Всех, кто работал на данном месте, кормили обедами. Работали сдельно, когда выкапывали морковь, свёклу, брюкву, выносили в корзинах на весы, приёмщик вёл запись.

Поскольку наша мать работала на данном участке, мы с братом, ему было 11 лет, мне — 8, помогали маме дергать морковь, свёклу, брюкву, и она хорошо зарабатывала, а по окончании рабочего дня

Дети, спасённые от голодной судьбы

мне и брату за участие в работе, как поощрение, давали или по хорошей свёкле, или по брюкве, или по паре моркови, чему мы были рады и несли домой.

Помню, что квакеры особо нуждающимся выдавали иногда пайки, состоящие из набора продуктов, но их получали очень редко, так как в семье двое, сестра и брат (старшие), работали на железной дороге и им на службе по карточке выдавали хлеб, крупы и другие продукты, правда, в очень малом количестве. В 1922 году, в июле – августе, наш отец, брат и зять поехали в Ташкент, как его тогда называли «Ташкент – город хлебный». Там жили сёстры нашей матери. Ездил на поезде в один конец две недели и обратно две недели, привезли они немного муки, шеницы, что дало возможность выжить, пережить этот страшный голод. Поездка эта имела печальный финал, при возвращении отец заболел тифом, который свирепствовал в стране, особенно в Поволжье, и мы не один раз были очевидцами, когда подходили к перрону товарные или пассажирские поезда, из вагонов которых в буквальном смысле выбрасывали умерших в дороге от голода и тифа.

У вокзала почти постоянно стояли подводы, и в зимнее время эти трупы укладывали в сани, связывали верёвкой, чтобы не терять их дорогой, и увозили на кладбище, где хоронили в общей могиле.

Нередко можно было услышать, что в городе начали замечаться людоедством, и прошёл слух, что где-то на улице Дачной, а мы жили

на улице Гражданской, пропала девочка-дошкольница. Милиция делала обход по домам, опрашивала всех жильцов, что им известно о пропаже девочки, но результатов это не дало. Милиционеры просили, если где-то будет запах вареного мяса, а запах этот специфический, чтобы тут же сообщили в милицию. И как потом выяснилось, преступников действительно нашли и обнаружили в подполе одного из домов части тела пропавшей девочки.

В 1922 году моя сестрёнка, 1915 года рождения, сильно болела малярией, мы с братом её водили в больницу, которая была под опекой квакеров. Ей там давали таблетку, а после её приёма дольку шоколада, давали и мне, поскольку я её сопровождал. Брат оставался на улице, ему было уже 11 лет, он очень стеснялся, и я делился своей долей с ним. На 1 Линии от железнодорожного вокзала, от угла 9 Линии дом 3 или 4-а квакеры содержали столовую, а вернее, кухню, где выдавали горячую пищу. Несколько раз мы тоже ходили туда с бидончиками или котелками и нам давали щи, картофель, капусту».⁵

После окончания голода квакеры направили свои усилия на восстановление Бузулукского уезда. Они разработали медицинскую программу, программы по восстановлению сельского хозяйства, по обучению грамоте жителей Бузулукского уезда. Мы, бузулукчане, знаем теперь подробно о благотворительной деятельности квакеров в нашем уезде благодаря уникальной книге американских авторов, сотрудников отде-

Сироты из детдома в с.Тощком, одеты в свитера, связанные в мастерских, организованных квакерами

лений КСАД Дэвида Макфаддена и Клера Горфинкела «Советская Россия 20-х годов глазами друзей». Презентация книги состоялась в сентябре 2010 года в Бузулукском краеведческом музее. В своей работе авторы опирались на многочисленные документы, хранящиеся в архивах КСАД в США и общества друзей в Великобритании, личные архивы квакеров. На русском языке книга была издана в Самаре в 2010 году под редакцией Сергея Никитина, исследователя голода в Поволжье. Сергей Никитин был инициатором проекта по посещению в 1990 – 2000-х годах городов и сёл Бузулукского уезда, где квакеры оказывали помощь. Квакеры передали в фонды нашего музея копии фотографий и фильм об их деятельности в Бузулукском уезде.

Читая книгу, узнаёшь историю и имена многих квакеров: Теодор Ригг, Эдвин Вэйл, Артур Уотс, Эстер Уайт, Анна Хейнс... Что побуждало их, в том числе и женщин, ехать в далёкую разорённую страну, истерзанную войнами, голодом и болезнями? Они знали, что их ждут немалые трудности, но всё же, движимые верой в то, что люди,

несмотря на различия во взглядах, должны помогать друг другу в беде, приехали в Россию с гуманитарной миссией и самоотверженно работали в России в течение пяти лет.

Отдельного рассказа заслуживает Нэнси Бабб, американка, которая дольше всех квакеров находилась в Бузулукском уезде. Прибыв в Бузулук осенью 1921 года, она в течение 4-х месяцев трудилась на складе, где руководила работами по получению, хранению и распределению благотворительных грузов. С декабря 1921 года Нэнси Бабб работала в Тощком. Впоследствии Бабб писала в своём дневнике, что она «...приехала в село, где голод уносил людей десятками, и нужно было нанять могильщиков, чтобы их хоронить. Где были сведены все кошки и собаки, а также некоторые люди. Где в пищу шла даже солома с крыш. Где люди боялись выходить на улицу по вечерам, дабы не быть раздетыми

или убитыми. Потому что бандитизм процветал. Что она увидела впоследствии? Она увидела своими глазами, как это страшное время сменяется эпохой закона и порядка. Она увидела, как восстанавливаются школы, больницы, мосты, сельское хозяйство, что создаются новые рабочие места...»⁽²⁾

Энергичная, волевая, независимая Нэнси Бабб отличалась практичным и разумным подходом ко всем делам. Последние пять лет пребывания в Бузулукском уезде она работала независимо от других американских и английских квакеров, но под их контролем. Н. Бабб осуществляла руководство русскими людьми в районе с населением 63 тысячи человек, проживающих в 43-х селах.

Кроме распределения продовольствия, Н. Бабб занялась организацией медицинской помощи, которая состояла в борьбе с эпидемией малярии и обустройстве детских больниц.

После окончания голода Бабб продолжила свою деятельность и осуществила несколько масштабных проектов: учредила механическую мастерскую, школу грамотности для взрослых, несколько детских домов, создала надомные швейные мастерские, организовала работу бригады для общественных работ, создала организацию взаимопомощи, в которой крестьяне брали в аренду землю, сельхозтехнику и лошадей для личного пользования. Н. Бабб одна из первых поняла, что необходимо не только помогать, но и воспитать в людях самостоятельность, самоуважение. Именно поэтому она приняла решение, чтобы нуждающиеся в питании и одежде люди зарабаты-

вали всё собственным трудом. В то же время продолжала оказывать бесплатную помощь детям, больным, старикам.

Много сил и энергии Н. Бабб приложила, осуществляя медицинские проекты. Ей удалось организовать в селах медицинские пункты, детскую и женскую консультации, центр здоровья в селе Тощком, открыть аптеки, детский санаторий и дневной стационар для туберкулезных больных, а также наладить санитарно-просветительскую работу среди населения.

К середине 1925 года, когда голод был практически побежден, квакеры приняли решение свернуть деятельность в России. Но не в характере Нэнси было не доводить начатое дело до конца. Она приняла решение продолжить работу по строительству в Тощком больницы. Бабб удалось сконцентрировать средства и усилия квакеров и местных властей, и в 1927 году больница была открыта. Получилось так, как мечтала Нэнси: больница работала долгие годы, до 70-х годов XX века, и напоминала «крестьянам» о добром отношении к ним квакеров».

1922 год принёс людям, настрадавшимся во время голода, долгожданное облегчение. К 15 июля пайками снабжалось почти 100% населения, массовая смертность прекратилась. Затем подошла уборка хлеба, и хотя урожай был средний, каждый житель уезда мог получить немного хлеба. Тем не менее голодающих, по официальной статистике, в конце 1922 года в уезде было около 100 тысяч. Уездные власти планировали поддерживать в 1922 – 1923 гг.

от 40 до 60 % населения. Окончательно преодолеть последствия голода удалось только в 1925 году.

События 1921 – 1922 гг. навсегда остались в памяти бузулучан, ведь практически в каждой семье были жертвы страшного голода. Например, мой дед, Алексей Михайлович Щербовских, жил тогда с родителями, сёстрами Степанидой (1902 г.р.), Евдокией (1904 г.р.), братом Николаем (1913 г.р.) и дедушкой и бабушкой по отцовской линии в с. Сухоречка, недалеко от города Бузулука. Ему в 1921 году было 10 лет, и он хорошо запомнил, что его дед Фёдор смог припрятать и распределить небольшое количество хлеба, которое помогло продержаться семье до весны 1921 года. Все продукты дед выдавал строго по норме, и никто не мог взять больше положенного. Перед посевной сухореченские мужики собрались в Ташкент за хлебом. Собрался в дальнюю дорогу и Фёдор, взяв большую сумму денег на хлеб у всех родственников. С тяжёлым чувством провозжала его в дальнюю и опасную дорогу жена Прасковья. Из той поездки мой прадед не вернулся. По дороге в Ташкент его ограбили и убили. Остальные члены семьи, в том числе и дети, выжили. Дедушкины сёстры прожили долгую жизнь, обе умерли, когда им было более 90 лет, а брат Николай погиб во время Великой Отечественной войны. Дед мне часто говорил, что выжили они благодаря «американцам», которые кормили их бесплатно в столовой. Кроме этого, он рассказывал, что американцы развозжали по селу на мотоциклах и раздавали детям шоколад. Именно тогда он с сестрён-

ками и братом впервые узнал вкус шоколада и стужённого молока. Так что я, как и многие жители нашего города и района, появилась на свет потому, что моим предкам удалось выжить в то страшное время...

В сентябре 2011 года мы с корреспондентами бузулукских газет побывали в селе Алдаркине Бузулукского района. Целью поездки был сбор воспоминаний о голоде 1921 года. Нам сразу же повезло: у здания сельской администрации мы встретили двух женщин, одна из которых, Ренина Татьяна Ивановна, рассказала такую историю. Семья её дедушки и бабушки была многодетной. В самый разгар голода, в 1921 году, в семье родился шестой ребёнок – её мама, Александра Ивановна Васильева. Несмотря на то что бабушка опухла от голода, новорождённую девочку она кормила грудью. Муж, боясь потерять жену и старших детей, уговорив её бросить кормить ребёнка. Но она боролась за жизнь маленькой дочки и спасла её. Вся семья во время голода уцелела. А младшенькая, Сашенька, Великую Отечественную прошла рядовым связистом авиации. Старшие сёстры матери часто рассказывали Татьяне Ивановне про гуманитарную помощь из Америки: консервы, масло, какао и дикий шоколад.

В сельской администрации нам посоветовали встретиться ещё с двумя старожилками. Вот что мы услышали от Николая Семёновича Портнова: *«В нашей семье в годы голода были большие потери. Мой дедушка по линии отца в 1921 году служил в Ташкенте, и бабушка, спасая*

предостережения, он в ночь отправился в путь, по дороге провалился в талую холодную воду. Выбраться сумел, но сильно простудился и умер. Умер от голода и старший брат матери. Старожилы рассказали, что зимой 1921 года умерших складывали в селе в одном из амбаров, а весной 1922 года из Бузулука приехал специальный отряд и всех захоронили в одной могиле.

Мы побывали на кладбище. На братской могиле установлен крест, поминальный столик и лавочка. За могилой алдаркинцы ухаживают, а в родительские дни помнят своих односельчан, не переживших тот страшный голод.

Изучая архивные документы, публикации, воспоминания, слушая рассказы очевидцев, понимаешь, что это было действительно страшное время. На долю наших предков выпали нечеловеческие испытания. Не все смогли, пройдя эти испытания, остаться людьми. Но мы не вправе осуждать их. ...Мы должны помнить и хранить своё прошлое, передавать память о нём будущим поколениям, несмотря на то, какими были эти давние события. Именно поэтому в Бузулуке 4 ноября 2011 года был открыт памятный камень жертвам голода.

История трагических событий 1921 — 1922 годов долгое время была у нас непопулярной, настоящие причины голода скрывались, факты людоедства стыдливо замалчивались, иностранная помощь преуменьшалась. А ведь в архивах хранится ещё немало документов, которые ждут своего объективного исследователя.

детей, решила ухать к нему. По дороге двое детей умерло. По линии матери от голода умер дед и трое его детей». Николай Михайлович Бажуткин поведал свою историю. Его дед по линии матери, Семён Васильевич Пугачёв, был хорошим портным. В голодное время было мало заказов, и он очень обрадовался, когда в соседней Александровке ему заказалишить несколько тулупов за пуд ржаной муки. Когда работа была выполнена, хозяин, желая отблагодарить портного, испости баню и предложил попариться и переночевать, а утром отправиться домой. Была весна, днём таяло, идти через овраги и лощины было опасно. Но дедушка очень торопился домой, ведь его ждали голодные жена и дети. Несмотря на

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Журнал «Итоги Октября» (1917 — 1922 гг.). Бузудук, типография уисполкома. 1922 г. (Официальное издание Бузудукского уездного комитета РКП и уездного исполкома.).

¹⁰¹ там же — стр. 13.

¹⁰² — — — стр. 10.

¹⁰³ — — — стр. 11.

¹⁰⁴ — — — стр. 11.

¹⁰⁵ — — — стр. 18 — 19.

¹⁰⁶ — — — стр. 23 — 24.

¹⁰⁷ — — — стр. 23 — 24.

² Газета «Коммунистическая жизнь» (орган Бузудукского уездного комитета РКП и уездного исполкома Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов).

²⁰¹ 17.08.1920 г.

³ Газета «Коммуна» (орган Самарского губернского комитета РКП и губернского исполкома Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов). 08.02.1922 г., № 946.

⁴ Газета «Под знаменем Ленина», № 91, 12.06.1990 г.

⁵ Газета «Вести от Партиёра», 21.01.2004 г.

⁶ Д. Макфадден, К. Горфинкель. Советская Россия 20-х годов глазами друзей. Самара, ООО «Издательство АС Гард».

⁶⁰¹ Там же — стр. 63.

⁶⁰² — — — стр. 103.

⁷⁰¹ — — — Газета «Аргументы и факты», № 19, 1988 г.

⁷⁰² — — — № 19, 1988 г.

Евгений КЛИНКОВ,
Татьяна САВИНОВА

(Институт степи Российской
академии наук)

250 ЛЕТ «ТОПОГРАФИИ ОРЕНБУРГСКОЙ» П.И. РЫЧКОВА

*К истории изданий труда в XVIII-XXI вв.**

В 2012 году исполнится 300 лет со дня рождения Петра Ивановича Рычкова — замечательного русского учёного, первого члена-корреспондента Петербургской академии наук, и 250 лет первому изданию его труда — «Топографии Оренбургской».

XVIII в., которому принадлежат автор и работа, положил начало систематическому географическому изучению территории России и формированию научных знаний о ресурсах страны. В первой трети XVIII в. появляются порайонные описания — новый вид географических трудов, получивший в дальнейшем широкое распространение.

Из работ, написанных до «Топографии Оренбургской» и с которыми был или мог быть знаком П.И. Рычков, можно назвать сочинения

В.Н. Татищева «Общее географическое описание всея Сибири» (1736), при составлении которого он придерживался основных принципов географического исследования, разработанных им в «Представлении о межевании» (1719) и в анкетах 1734 и 1737 гг. [37, с. 16], и «Предложение о сочинении истории и географии Российской» (1737), содержащее 198 вопросов, касающихся истории, географии, этнографии и языка. Во многом на эти принципы опирались и другие географы XVIII в. С большой долей вероятности можно утверждать, что и С.П. Крашенинников, автор ещё одной региональной работы — «Описания земли Камчатки» (1755), знал эти труды. Основанием для подобного утверждения может служить сравнительный анализ структуры книг — все они (вышеназванные работы Татищева, Рычкова, Крашенинникова) повторяют общие принципы организации и подачи материала.

Предпринимались попытки общего географического описания России. «Но... — как писал в 1757 г. Г.Ф. Миллер, — едва остаётся надежда, чтоб... обстоятельная история и достаточное описание России могли когда на свет быть изданы, разве во всякой губернии будет человек, искусством и прилежанием подобный Рычкову» [16, с. 74].

«Топография Оренбургская, то есть: обстоятельное описание Оренбургской губернии», появилась в своё время, когда была не только насущная потребность в подобной работе, но и идея составления географического описания всей России получила поддержку у исследователей. К тому же, как считает Р. Порталь, заслугой Рычкова, опиравшегося на тогда ещё очень немногочисленные данные комплексных исследований Оренбургской экспедицией 1734 — 1744 гг., можно считать выделение им области Урало-Поволжья в единое целое. Несмотря на то что в последующие годы, в целях совершенствования административного управления, первоначальная территория образованной в 1744 г. Оренбургской губернии была разделена на отдельные менее значительные образования, в научной и хозяйственно-экономической сфере нередко продолжали сохраняться прежние пространственные координаты [27, с. 4]. И конечно же интерес у учёных России и Европы «Топографии Оренбургская» вызвала как добротная описательная работа, представившая миру неизвестные ему земли и народы. Всё это объясняет, почему после первой публикации труд П.И. Рычкова вызвал не

сиюминутный интерес, а изучался и переиздавался на протяжении последующих двух с половиной столетий на русском и немецком языках.

Поводом для написания «Топографии» стало прочитанное П.И. Рычковым предисловие к «Атласу Российской империи», изданному Академией наук в 1745 г., где «любители географии» приглашались содействовать учёному обществу к усовершенствованию и исправлению карт России. По правилам, изложенным в том же предисловии, он приступил к составлению специальных карт Оренбургского края, а для объяснения их написал топографию края [26, с. 34].

Первая часть «Топографии Оренбургской» была окончена Рычковым в начале 1755 г., а уже в феврале М.В. Ломоносов получил рукопись книги [35]. Оренбургский учёный в сопроводительном письме напоминал о благосклонности, которую Ломоносов выказывал ему во время пребывания в Петербурге, и просил рассмотреть его труд, исправить погрешности и наконец представить в Академию наук. Но по какой-то причине П.И. Рычков не стал ждать защиты Ломоносова, а 1 июня 1755 г. от себя препроводил «Топографию» прямо в Академию [26, с. 34]. 7 июля труд, а также «географические карты губернии со смежными с ней местами», подготовленные «под его [Рычкова] наставлением» геодезист прапорщиком И. Красильниковым и геодезистом Веселковым, были получены [35].

Карты и сочинение Рычкова рассматривались на академической конференции 31 июля и 2 августа

* Работа выполнена в рамках гранта РФФИ 10-05-00867_a

1755 г., где оба раза присутствовал Ломоносов, и собрание одобрило труды к изданию [26, с. 354 – 35].

В том же году произошло знаменательное для науки событие. В 1755 г. начал выходить журнал Императорской академии наук «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие» (1755 – 1764) [с. 1758 г. – «Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие», с. 1763 г. – «Ежемесячные сочинения и известия о учёных делах»]. Почти столетие спустя некрасовский «Современник» назвал его «одним из лучших журналов, какие только издавались в России, и в прежнее и в нынешнее время» [14, с. 31].

Практически в первых номерах журнала (февральском и апрельском), правда, без указания авторства, была напечатана статья Рычкова, названная редактором Г.Ф. Миллером «Переписка между двумя приятелями о коммерции». В конце публикации выражалась надежда, что автор «не оставит продолжать свои рассуждения, которые ожидать мы будем тем нетерпеливее, чем больше надеемся внесенем оных в сия наши сочинения показать любопытствующим в делах, до коммерции касающихся, приятную услугу» [26, с. 35]. Пётр Иванович Рычков заявил свои авторские права перед Академией и отправил ещё одну статью, а в дальнейшем вступил в переписку с Миллером. В письме от 28 июля 1757 г. редактор журнала просил П.И. Рычкова доставить подробные сведения о торговле в Оренбурге, Астрахани и Темерникове, т.к. предполагал собирать «полное описание коммерции

в Российской империи». «Я не могу также оставить, чтобы Вас не просить о сообщении второй части Оренбургской Вашей топографии, – писал Миллер. – Первая часть давно академическим собранием отпробована, чтоб напечатать, а карты – вырезать на меди; токмо за многими другими делами оно ещё не учинено». 6 сентября 1757 г. Рычков ответил Миллеру, что «о коммерции оренбургской в Топографии моей кратко от меня уже упомянуто, но когда потребно обстоятельнейшее, то сие сочинение большого труда не сделает, потому что на тот торг, который в Оренбурге с азиатскими народами наподобие ярмарки производится, в оренбургской канцелярии установленные от меня по алфавиту подробные ведомости есть. А и провинциальные торги описать не трудно, что я намерялся внести во вторую часть моей Топографии» [26, с. 38]. П.И. Рычков действительно сообщает во второй части данные о «коммерции», но только уже не в отдельной главе, а помещая сведения и рассуждения о торговле среди прочего описания населённых пунктов.

Только в 1762 г. журнал «Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие» опубликовал «Топографию» отрывками, помещая в номерах с января по ноябрь.

В том же году вышло отдельное издание труда П.И. Рычкова под названием «Топография Оренбургская, то есть: обстоятельное описание Оренбургской губернии, сочинённое коллежским советником и Имп. академии наук корреспондентом Петром

и, переведа на русский язык, «приобщил к той моей «Топографии», коя в домашней моей библиотеке имеется» [12, с. 325].

Несколько позже, но не ранее 1767 г., т.к. журнал выходил с 1767 по 1788 гг., первую часть в переводе Газе напечатал А.-Ф. Бюшинг (1724 – 1793) в V и VI частях своего издания «Magazin für die neue Historie und Geographie» [7]. «Перевод описания Оренбургской губернии, – писал Бюшинг в предисловии к V тому, – без сомнения

будет принят с удовольствием, так как, по важности этого труда, его давно желали видеть на немецком языке» [16, с. 74].

В 1772 г. книга, в полном немецком переводе Якоба Родде, была издана в Риге. В предисловии к этому переводу «Топография» оценена «как сочинение, отличающееся превосходными достоинствами», а её автор «как усердный желатель раскрытия истины» [16, с. 34]. Родде, занимаясь обучением русскому языку, использовал некоторые выдержки из рычковской Топографии для упражнений [38, с. 20].

Таким образом, значение этого труда было признано в Европе.

В России на немецкий язык работу П.И. Рычкова пытался перевести естествоиспытатель и путешественник Пётр Симон Паллас (1741 – 1811). В ноябре 1770 г., находясь в Уфе, он писал автору

Рычковым» [32]. Было напечатано по 406 экз. каждой части. В марте 1763 г. в Академическую книжную лавку поступило 350 комплектов для продажи по 2 руб. за комплект [34, с. 203.204].

Спустя всего три года после выхода книги в свет, отрывки из неё в переводе на немецкий язык напечатала «Геттингенские учёные ведомости» (Bd. I, 1766) [16, с. 74]. В марте 1766 г. Август Людвиг фон Шлёцер (1735 – 1809) опубликовал рецензию на книгу Рычкова, отметив, что «автор не только уже много лет проживает в стране, которую он описывает, но и к делам канцелярии доступ имеет, на которые он часто ссылается, подтверждая тем самым достоверность сообщаемых русским учёным сведений» [38, с. 21]. П.И. Рычков отметил выход рецензии как одно из «достопамятных» событий года

изысканиями на территории Оренбургской губернии.

Характерно, что участники «физических» и «астрономических» экспедиций, И.И. Лепёхин, П.С. Паллас и Х. Эйлер, перед тем, как приступить к изучению губернии, посчитали необходимым заехать в село Спасское к П.И. Рычкову.

Паллас при писал: *«Добыча наше путешествие принесло в будущем пользу, я счёл крайне необходимым встретиться с г. статским советником фон Рычковым и посоветоваться с ним, как с человеком, превосходно знающим Оренбургскую губернию <...> Добрый и дружеский прием, который мне был оказан у этого почтенного человека, достоин всяческих похвал, но я должен также засвидетельствовать, что при общении с ним у меня возникло немало дельных соображений относительно моего будущего путешествия»* [18, с. 43].

Но первоначальным и, пожалуй, основным источником информации для учёных являлся труд Рычкова. При подготовке к «физической» экспедиции Палласу выдали «безденежно» три экземпляра «Топографии Оренбургской» [18, с. 205]. Вне всякого сомнения, книга стала для руководителей отрядов своего рода научным справочником, который был постоянно «под рукой». О том, что они пользовались «Топографией» и сверяли собственные наблюдения с данными Рычкова, есть сведения в их дневниковых заметках [15; 25].

В 1773 г. вышел «Географический лексикон Российской империи» Ф.А. Полунина [6]. В его

основу легли публикации «Ежемесячных сочинений», сведения из российских и немецких работ, в том числе — Бошинга, а также статьи автора. В предисловии Г.Ф. Миллер пишет, «а что до Оренбургской губернии надлежит, [то сведения взяты] в «Топографии Оренбургской» господина статского советника Петра Ивановича Рычкова» [6, с. X]. Этим признавались достоверность приведенных данных и энциклопедический характер труда оренбургского географа. При написании статей Ф.А. Полунина редактировал текст «Топографии», иногда объединяя описания одного и того же объекта с нескольких страниц, иногда несколько сокращая написанное П.И. Рычковым.

В 1788 — 1789 гг. выходит 6-томный «Новый и полный географический словарь Российского государства, или Лексикон» Л.М. Максимовича [19]. Но в статьях, посвященных Оренбургскому региону, повторяются сведения из предыдущего лексикона Ф.А. Полунина, т.е. всё из той же «Топографии» П.И. Рычкова.

В XIX веке «Топография» продолжала служить одним из справочных изданий в крае. Ею пользовались многие известные исследователи, в числе которых можно назвать писателя, учёного, государственного деятеля, автора, ставшего классическим, труда «Описание киргиз-кайсацких или киргиз-казачьих орд и степей» (1832) А.И. Левшина (1799 — 1879) и А.С. Пушкина, собиравшего посылить Оренбургский край в связи с написанием «Истории Пугачёва». В библиотеке поэта сохранилась книга

1762 г. с его карандашными пометками [30, с. 39 — 41].

К тому же «Топография» служила основой для написания работ по географии и истории Оренбургской губернии. Как пример, можно привести две работы, совершенно различные по своему читательскому значению.

13 ноября 1896 г. «Тургайская газета» сообщила о выходе книги «География Оренбургской губернии: описание Оренбургской губернии в физическом, этнографическом и административном состоянии» — одного из первых учебников по местной географии. Автор-составитель Иван Степанович Хохлов (1863 — 1928) писал в предисловии: *«При составлении этой книги я преследовал двоякую цель: с одной стороны — я имел в виду издать учебное пособие по географии для городских училищ Оренбургской губернии (по положению на 31 мая 1872 г.), в котором учащие и учащиеся могли бы найти достаточное количество учебного материала при изучении географии Оренбургской губернии в более доступном и последовательном изложении, с другой стороны — мне хотелось составить более подробный очерк Оренбургской губернии, который мог бы удовлетворить и постороннего читателя, желающего составить себе представление об Оренбургской губернии, сведения о которой разбросаны по разным отдельным периодическим изданиям, которые не всякий может достать. Задавись этими целями, я просмотрел почти все более выдающиеся издания по географии,*

статистике, этнографии и истории Оренбургской губернии, какие только мог достать в Оренбурге». При составлении «Географии Оренбургской губернии» автор пособия пользовался «Топографией» Рычкова 1762 г. [36, с. 4] Учебное пособие, помимо этого, выдержало ещё одно издание (1908).

В августе 1914 г. в Оренбургскую учёную архивную комиссию от инспектора Алатырского реального училища (Симбирская губерния) Г.В. Витевского поступило двадцать книг, служивших, как он писал, материалами при работе его отца В.Н. Витевского над монографией «И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 года» (Казань, 1897), среди которых значились «Атлас Оренбургской губернии П.И. Рычкова» (1755) и «Топография Оренбургской губернии» [24, с. 60-61].

Но к концу XIX в. работы П.И. Рычкова стали библиографической редкостью, в том числе и в Оренбурге. А другого труда, столь подробно и комплексно описывавшего огромную территорию, так и не было создано.

В 1867 г. выходит работа П.П. Пекарского «Жизнь и литературная переписка П.И. Рычкова», вновь привлёкшая внимание научной общественности к этому учёному. И в том же году оренбургский генерал-губернатор Н.А. Крыжановский поднял вопрос об издании Статистическим комитетом всех сочинений Рычкова [23, с. 11].

Инициативу переиздания «Топографии» взял на себя Оренбургский отдел Императорского русско-

го Географического общества (ОО ИРГО), принявший 23 октября 1871 г. предложение своего члена, Руфа Гавриловича Игнатьева (1818 – 1886) [11, с. 18], пожелавшего также составить предисловие, комментарии и дополнения [11, с. 11]. Предполагая, что работа Рычкова имеет значительный объём, ОО ИРГО решил не печатать его в издаваемых им «Записках». А поскольку на отдельное издание у Отдела не было средств, то Р.Г. Игнатьев сумел найти мецената, действительного статского советника Ивана Фёдоровича Базилевского, пожертвовавшего 300 руб. и обещававшего «сверх того оказать своё содействие, если Отдел издаст рукопись, находящуюся в Академии наук и озаглавленную «Ландкарты и чертежи географические, на которых представляется Оренбургская губерния со смежными с ней местами» [11, с. 33]. «Нет нужды говорить», – писал 29 октября 1872 г. И.Ф. Базилевский из Петербурга Р.Г. Игнатьеву, – «как важно было бы, при издании книги Рычкова, иметь в виду, для сличения и разных соображений, помнящую академическую рукопись. Непременный секретарь Академии наук академик Веселовский отказался, что, если Оренбургский отдел Географического общества или Вы, как член-сотрудник общества и издатель книги Рычкова [5, л. 31об], обратитесь с просьбой о высылке означенной рукописи, то Конференция Академии наук, вероятно, не встретит затруднения в уведомлении этой просьбе и даже высылку разрешит с удовольствием

ем, потому что в интересах Академии делать её редкие рукописи сколько можно более доступными для публики, а не хранить только в стенах библиотеки. Были примеры, когда академические рукописи высылались учёным обществам и профессорам». Далее он пишет, что если по получении рукописи Игнатьев примет на себя труд издать карты Красильникова, то он «назначит денежную помощь» [5, л. 32]. Поскольку ни в одном издании «Топографии» в XVIII в. карты не были напечатаны, интерес к ним вполне закономерен и Отдел согласился на это условие.

Свои услуги по подготовке к печати ландкарт предложил член-сотрудник А.В. Черников-Анучин [11, с. 37]. В письме от 19 декабря 1872 г. из Уфы он просит сообщить о высылке ему карт в Оренбург из библиотеки Академии наук «на тот конец, чтобы я мог заблаговременно» выяснить «как мне будет удобно заняться этим предметом и где» [5, л. 29 об].

По всей видимости, Отдел не очень спешил с переизданием работы Рычкова, т.к. на вопрос Р.Г. Игнатьева о сроке, к которому должна быть представлена книга с примечаниями для цензуры, ему ответили, что «Отдел не считает себя в праве назначать ему», но «чем скорее пришлёт этот труд, тем больше будет данных к успешному ходу предприятия» [11, с. 37-38].

6 июля 1873 г. А.В. Черников-Анучин и Р.Г. Игнатьев написали в Оренбургский отдел об отказе Академии наук выслать тринадцать карт в Оренбург или Уфу и о пред-

ложению скопировать их в натуральную величину в одном экземпляре (по доверенности Базилевского), переслать копии в Уфу Черникову-Анучину для уменьшения их по формату книги, а затем литографировать в Казани в литографии г. Тилли и К^о [5, л. 36 об]. А 15 декабря 1873 г. из Петербурга сообщили, что «общее собрание Академии наук, предполагая, что воспроизведение этих чертежей будет сделано в Санкт-Петербурге, выразило мысль, не найдёт ли Оренбургский отдел более удобным, для избежания пересылки такого драгоценного манускрипта на столь далёкое расстояние, поручить кому-либо труды над этой рукописью здесь на месте» [5, л. 33 об].

Только весной 1875 г. ОО ИРГО представлялась возможность начать работу по изданию, поручив своему действительному члену полковнику Михаилу Николаевичу Лебедеву, пользуясь его пребыванием в Петербурге, снять копии с ландкарт [9, с. 82]. 3 мая 1876 г. на собрании Отдела до сведения собравшихся довели результаты деятельности М.Н. Лебедева. Во-первых, Михаил Николаевич съездил к Базилевскому и заручился его обещанием заплатить за предстоящие работы; во-вторых, посмотрел «Ландкарты» в библиотеке Академии наук, чтобы определить стоимость и объём работ. «Оказалось», – писал Лебедев, – что «Ландкарты» составляют 12 отдельных географических карт, представляющих каждая квадратный лист до 3/4 аршина в стороне. Карты составлены довольно подробно; подписи на них весьма мелкие и не-

разборчивые, сделаны старинным почерком, под титлами; чертежи карт отличаются всеми особенностями черчения прошлого столетия, подражание которому представляет для наших чертёжников некоторые затруднения. Кроме географических карт «Ландкарты» заключают в себе текст, весьма обширный, составляющий свыше двадцати страниц огромного in folio; почерк текста чрезвычайно мелкий и старинного вида, затруднителен для чтения лицам, не привыкшим к старинным рукописям» [9, с. 63]. «Весьма добросовестный и искусный» чертёжник, приглашённый М.Н. Лебедевым, оценил работу по снятию копий в 180 руб., но от переписки текста отказался, т.к., «по отзыву понимающих дело людей, работу эту можно поручить только образованному человеку» [9, с. 63-64]. Поскольку М.Н. Лебедев не мог лично проследить за качеством копирования, то он предложил вообще отказаться от этого и воспользоваться фотографией, что было выгодно и по экономическим (копии и гравюры могли стоить до 1800 руб., не считая печатания в типографии текста), и по качественным («совошенная верность снимка оригиналу, как в корректурном смысле, так и в передаче всех особенностей черчения, калиграфии и правописания оригинала»), и по временным показателям [9, с. 64]. Тогда же Отдел принял решение издать «Ландкарты» отдельно от «Топографии» [10, с. 23]. 7 мая 1876 г. М.Н. Лебедев сделал заказ на печатание Ландкарт в картографическом заведении Главного штаба [5, л. 61].

13 декабря того же года генерал-майор Штубендорф писал Лебедеву: «не взирая на вызванную военными обстоятельствами приостановку в работах по изданию атласа Рычкова, я питаю полную уверенность, что печатание означенного атласа будет окончено картографическим заведением в апреле или мае наступающего года» [5, л. 49об].

В апреле 1877 г. Р.Г. Игнатьев известил Оренбургский отдел, что Иван Фёдорович Базилевский скопировал «планы и карты, находящиеся в Академии наук» [5, л. 55]. А в мае от Лебедева поступило сообщение, что И.Ф. Базилевский, «по представлении ему отпечатанных начальных листов ландкарт, изъявил желание раскрасить на свой счет весь атлас соответственно подлиннику, вследствие чего в на-

стоящее время, одновременно с печатанием остальных карт, производится и раскрашивание». По окончании работ карты предполагалось выслать отдельными листами, т.к. переплетать их в картографическом заведении главного штаба отказались [9, с. 10]. Кроме того, Отдел считал, что изданию необходимо предисловие [9, с. 54]. Но пять экземпляров для И.Ф. Базилевского М.Н. Лебедев предложил «облечь в роскошный переплёт» [9, с. 10].

14 января 1878 г. в Оренбурге получили телеграмму из Петербурга от Штубендорфа, что «атлас Рычкова будет окончен печатанием недели через три или четыре» [5, л. 58]. 3 июня 1878 г. Штубендорф от лица Военно-топографического отдела Главного штаба военного министерства известил, что печатание

карт закончено, 200 экз. в восьми ящиках по 25 штук отсылаются в Оренбург, а «остальные сто экз., между которыми находится и десять экземпляров на лучшей бумаге, будут препровождены лишь по получению уведомления, что не предвидится надобности в оставлении здесь в Петербурге нескольких экземпляров для раздачи разным учреждениям и лицам» [5, л. 60-61об]. 18 октября 1878 г. Военно-топографический отдел известил ОО ИРГО, что по поручению генерала А.К. Гейса «поднесли действительному статскому советнику Ф.И. Базилевскому от имени Оренбургского отдела ИРГО один экземпляр ландкарт Рычкова в роскошном переплете со следующей надписью: «Сыну покойного жертвователя на издание ландкарт Рычкова Фёдору Ивановичу Базилевскому. Оренбургский отдел Географического общества. 1878» [5, л. 60-61об]. (И.Ф. Базилевский умер 22 апреля 1878 г.) [21]. В марте 1879 г. в Оренбург были отправлены оставшиеся экземпляры, за исключением одного, оставленного в Военно-топографическом отделе «как образец исполненной работы». Издание обошлось Базилевскому в 1109 руб. 73 коп. [5, л. 68 об]

По-видимому, Отдел всё ещё не оставлял надежды выпустить «Топографию» и карты одним изданием и опять просил в начале 1879 г. Р.Г. Игнатьева прислать комментарии. Но 27 марта получил от него неожиданный ответ, что из Уфы в Отдел отослана работа П.И. Рычкова в «Ежемесячных сочинениях» [5, л.

67]. А предисловие к новому изданию будет выслано, но когда — не уточнялось [5, л. 67об]. К тому же ещё в 1877 г. Игнатьев переехал в Минск [10, с. 31].

Исходя из того, что переиздание книги П.И. Рычкова откладывалось на неопределённое время, карты стали готовить к выходу отдельным изданием. На заседании собрания членов 1 марта 1879 г. говорилось, что составление предисловия к «Ландкартам» поручено «изъявившему на то своё согласие» Н.Е. Северному [10, с. 54]. В декабре 1879 г. правитель дел ОО ИРГО препроводил к членам комиссии для издания «Ландкарт» Н.Е. Северному и П.Н. Распопову «собранный» М.Е. Королёвым проект «Предисловия» с материалами к нему на пяти листах. На выполненном карандашом тексте титульного листа значится «Оренбург, 1880» [10, л. 70]. В атласе авторство «предисловия» не указано. Но на основании архивных документов можно предположить, что это был коллективный труд. 25 ноября 1879 г. Н.Е. Северный писал А.И. Оводову: «Ранее 2 декабря не могу приготовить своё дополнение по начатому Вами предисловию. Собранный черновик комиссии для редактирования предисловия я просил бы Вас устроить или вечером под Николин день, или в Николин день, т.к. в обыкновенные дни по вечерам у меня нет свободного времени» [4, л. 78]. 19 декабря А.И. Оводову писал уже М.Е. Королёв: «Препровождаю к Вам проект предисловия и прошу Вас препроводить его для прочтения господам членам комиссии для редакцион-

ных правок, которые может быть они пожелают сделать» [4, л. 80]. Второе его письмо датировано 29 декабря. Королёв опять посылает предисловие и «считает необходимым сообщить, что ничего не имеет против <...> редакционных правок» [4, л. 79]. Вполне может быть, что текст предисловия комиссия получила в конце декабря.

Изданием «Ландкарт», как написано в предисловии, Отдел считал выполненной задачу переиздания самой «Топографии», поскольку «имеющийся на ландкартах текст, за исключением предвещения, есть не что иное, как первая часть «Оренбургской Топографии» Рычкова, немного только отличающаяся от той же части «Топографии», помещённой в Ежемесячных сочинениях» [5, л. 73]. Карты действительно переплели в 1880 г. в типографии Бреслина [20]. В предисловии также сообщалось «подробности относительно более раннего выхода в свет» «Ландкарт» относительно самой «Топографии» [33, с. VI]. Некоторая часть тиража вскоре была выслана в российские научные общества, сотрудничавшие с ОО ИРГО, но основная оставалась в Оренбурге и в первой четверти XX в. была, по видимому, утрачена в связи с событиями гражданской войны и тем, что с 1920 по 1924 гг. Оренбург являлся столицей Киргизской (Казахской) ССР. Уезжая затем в новую столицу — Кызыл-Орду, казахские чиновники вывезли с собой и фонды библиотек оренбургских научных обществ [29, с. 9-10]. Уникальное издание менее чем через пятьдесят лет после свое-

го выхода стало библиографической редкостью даже в Оренбурге...

Так и не дождавшись от Р.Г. Игнатьева, который умер 2 января 1886 г., комментариев к «Топографии», Оренбургский отдел решил просто переиздать работу Рычкова, «ибо и в этом виде она нисколько не утратила своего учёного достоинства, несмотря на с лишком столетнее существование» [33, с. VI]. 14 марта сотрудники Отдела обратились теперь уже к Фёдору Ивановичу Базилевскому, действительно статскому советнику и члену ИРГО, и 7 октября 1886 г. он ответил пожертвованием четырёхсот рублей на издание книги Рычкова и пожелал «полного успеха в деле, предпринятом Отделом для пользы Оренбургского края» [5, л. 96]. «Топографию» напечатали в Оренбурге в 1887 г. В небольшом предисловии объясняются причины такого длительного переиздания, но она опять оказалась неполной [33, с. V — VII].

В 1890 г. в Губернской типографии вышел составленный П.Н. Распоповым «Алфавитный указатель населённых мест, главнейших гор, рек и озёр, упоминаемых в «Топографии Оренбургской губернии» Рычкова, изданной в 1762 году и перепечатанной Оренбургским отделом Русского географического общества в 1887 году» [2]. Издание не имело ни обложки, ни титульного листа. 26 марта 1891 г. на годичном собрании членов Оренбургского губернского статистического комитета секретарь организации П.Н. Распопов доложил о необходимости «вследствие замеченных пропусков, пе-

репечатать азбучный указатель к «Топографии Оренбургской губернии» Рычкова». Собравшиеся решили оплатить «расход из сверхштатных сумм Комитета, по соглашению с одной из существующих в Оренбурге типографий» [22, с. 2]. «Азбучный указатель гор, озёр, рек, населённых мест и урочищ, упоминаемых в «Топографии Оренбургской губернии» Рычкова, отпечатали в Оренбургской губернской типографии 16 апреля 1891 г. По своему содержанию он отличается от «реестра достопамятных вещей», помещённого в «Топографии» 1762 года [1]. Как и первый вариант, «Алфавитный указатель», это издание также не имело титульного листа и обложки. Переплетали указатель по усмотрению библиотек: либо отдельно и он являлся приложением к книге, либо потом вклеивали. Единственный «полный» экземпляр «Топографии» вместе с обоими указателями удалось обнаружить в Российской национальной библиотеке, к тому же это — роскошное издание в твёрдом переплёте, с золотым тиснением и золотым обрезом. Таким образом, издание труда Петра Ивановича Рычкова было наконец закончено.

Вне всякого сомнения, Отдел гордился результатом работы. Когда на годовом собрании членов ОО ИРГО решался вопрос подарка наследнику-цесаревичу Николаю (будущему императору Николаю II), проезд которого через Оренбург ожидался летом 1891 года, то предложение отдала первому изданию «Топографии» (1762) и, как написано в журнале собрания

членов ОО ИРГО, «Топография Оренбургской губернии» была подарена великому князю Константину Константиновичу в октябре 1900 г. [13, с. 106].

Подводя итог, можно констатировать, что «Топография Оренбургская» П.И. Рычкова сначала служила примером того, какими должны быть региональные географические сочинения. Для составления общего географического описания «Топография Оренбургская» «верною и достаточною предостаточною служить может», — писалось в «Ежемесячных сочинениях и переводах» [16, с. 74]. В XVIII в., после неоднократных неудачных попыток со стороны Академии наук составить общее географическое описание страны с помощью рассылок анкет и специальных экспедиций, 1 ноября 1777 г. Сенатом был издан указ о составлении на местах топографических описаний губерний и наместничеств. Вскоре они появились и на их основании составлено общее географическое описание, оставшееся, впрочем, неизданным. По словам П.А. Лярского, авторы этих описаний должны были испытать влияние Рычкова, но им не удалось, судя по опубликованным работам, написать сочинения, равносильные «Топографии Оренбургской» [16, с. 73-74].

В XX веке текст «Топографии» был издан дважды: в 1983 г. в Германской Демократической Республике [38] и в 1999 г. в России, в Уфе [28], а также дважды в отрывках [31]. Кроме того, атлас (ландкарты) и «Топография» переизданы уже в XXI веке [3].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Азбучный указатель гор, озёр, рек, населённых мест и урочищ, упоминаемых в «Топографии Оренбургской губернии» Рычкова. Оренбург: Губерн. тип., 1891. 18 с.
2. Алфавитный указатель населённых мест, главнейших гор, рек и озёр, упоминаемых в «Топографии Оренбургской губернии» Рычкова, изданной в 1762 году и перепечатанной Оренбургским отделом Русского географического общества в 1887 году. Оренбург: Губ. тип., 1890. 22 с.
3. Атлас Оренбургской губернии с прилегающими к ней местами по ландкартам Красильникова и топографии П.И. Рычкова 1755 года: издаётся на средства Александра Ивановича Зеленова Оренбургским отделением Русского географического общества по макету 1880 года / науч. ред. А. А. Чиблиёва, авт.-сост. С. В. Богданов, подгот. текста Е. П. Клинок, подгот. картогр. материала С.В. Абраменко. Оренбург: Печ. Дом «Димур», 2007. 16 с.; Топография Оренбургская П.И. Рычкова: в 2 т. / под ред. А. А. Чиблиёва. Оренбург: ООО «Печ. Дом «Димур», 2010. (Т. I: Рычков П.И. Топография Оренбургская, то есть: обстоятельное описание Оренбургской губернии. 623 с.; Т. II: Комментарии к «Топографии Оренбургской» П. И. Рычкова. 253 с., 12 л. карт.).
4. ТБУ «ГАОО». Ф. 94. Оп. 1. Д. 12.
5. ТБУ «ГАОО». Ф. 94. Оп. 1. Д. 29.
6. Географический лексикон Российского государства, или Словарь, описующий по азбучному порядку реки, озёра, моря, горы, города, крепости, знатные монастыри, остроги, ясажные зимовья, рудные заводы и прочие достопамятные места обширной Российской империи, собранный коллежским ассесором и г. Верен воеводой Ф.П., а с поправками и пополнениями изданный трудами и с предисловием Герарда-Фридриха Миллера. М., 1773. 14+479 с.
7. Дмитриевский, П. Рычков Пётр Иванович // Рус. биограф. словарь. СПб., 1918. Т. Романова — Ясковский. С. 712.
8. Журнал годового собрания членов Оренбургского отдела Императорского русского географического общества. 12 апреля 1891 года. Оренбург, 1892. 12 с.

9. Журналы заседаний Оренбургского отдела Императорского русского географического общества с 6 ноября 1874 по 22 января 1877 года включительно. Оренбург, 1879. 66 с.
10. Журналы собраний членов Оренбургского отдела Император. рус. геогр. общества. 19 марта 1877 г. — 23 марта 1879 г. [Б.м.], [Б.г.] 25 с.
11. Записки Оренбургского отдела Императорского русского географического общества. Вып. III. Оренбург: типолитогр. И.И. Ефимовского-Мировицкого, 1875. 163 с.
12. Записки Петра Ивановича Рычкова // Рус. архив. 1905. № 11. С. 289-340.
13. Изв. Оренб. отдела ИРГО. 1901. Вып. 16. 272 с.
14. Лазаревич, Э.А. С веком наравне: популяризация науки в России. Книга. Газета. Журнал. М.: Книга, 1984. 383 с.
15. Лепёхин, И.И. Численные записки путешествия по разным провинциям Российского государства. Т. 3. СПб., 1821. 540 с. (Полное собрание учёных путешествий по России, издаваемое Императорской академией наук).
16. Лярский, П.А. П. И. Рычков как выдающийся русский географ XVIII века // Географический сборник. М.-Л., 1954. Вып. 3. С. 45-78.
17. Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX веках: хронологические обзоры и описание архивных материалов / сост. В.Ф. Гнучева. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. 320 с.
18. Научное наследие П.С. Палласа. Письма. 1768-1771 гг. / сост. В.И. Осипов. СПб.: ТИАЛИД, 1993. 250 с.
19. Новый полный географический словарь Российского государства, или Лексикон, описующий азбучным порядком географически, топографически, гидрографически, физически, исторически, политически, хронологически, генеалогически и геральдически наместничества, области и уезды обширной империи Российской в нынешнем её состоянии, в царствование императрицы Екатерины Великия новоустроенном. — М.: Унив. тип., у Н.Новикова, 1788-1789.
20. Оренбургская губерния с прилегающими к ней местами по «Ландкартам» Красильникова и «Топографии» П.И. Рычкова 1755 г. Изд.

- на средства И.Ф. и Ф.И. Базилевских. Оренбург: Тип. Бреслина, 1880. 54 с.
21. Оренбургский листок. 1878. 21 мая.
22. Отчёт Оренбургского губернского статистического комитета за 1890 год. Оренбург: губ. тип., 1891. 23 с.
23. Отчёт Оренбургского губернского статистического комитета за 1894 год. Оренбург, [б.г.] 12 с.
24. Отчёты и протоколы состоящей под высочайшим покровительством Её императорского Величества и под августейшим покровительством Её императорского Высочества великого князя Георгия Михайловича Оренбургской учёной архивной комиссии за 1914 и 1915 годы (с приложениями). Оренбург: Электро-тип. Тург. обл. правления, 1917. 169 с.
25. Паллас, П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи: В 3 ч. СПб., 1809. Ч. I. 657 с.
26. Пекарский, П.П. Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рычкова. С портретом и снимком почерка Рычкова. СПб., 1867. 185 с.
27. Порталь, Р. Урал в XVIII веке: очерки социально-экономической истории / пер. с франц. Л.Ф. Сахнгареевой. Уфа, 2004.
28. Рычков, П.И. Топография Оренбургской губернии. Уфа: «КИПАП», 1999. 309 с.
29. Сафонов, Д.А. Возвращение в Россию: судьба научных и культурных ценностей края // Оренбургский край. Оренбург, 1994. С. 9-12.
30. Смольников, И.Ф. Путешествие Пущкина в Оренбургский край. М.: Мысль, 1991. — 270 с.
31. Топография Оренбургской губернии // Оренбургские степи в трудах П.И. Рычкова,

- Э.А. Эвермана, С.С. Неустрова / Ред. и вступ. ст. Ф.Н. Милькова. М.: Географизм, 1949. С. 158-178; Рычков, П. Топография Оренбургская, то есть обстоятельное описание Оренбургской губернии; публ. подгот. А. Заврина // Рифей: Урал. краевед. сб. Челябинск, 1987. С. 194-223.
32. Топография Оренбургская, то есть обстоятельное описание Оренбургской губернии, сочинённое коллежским советником и Имп. академии наук корреспондентом Петром Рычковым. СПб., 1762. Ч. 1-2. 420 с.
33. Топография Оренбургской губернии: Соч. П. И. Рычкова 1762 г. Оренбург: Оренбург, отд. РГО, 1887. 420 с.
34. Тюльчев, Д.В. Материалы о некоторых изданиях, напечатанных в типографии Академии наук в 40-60-е годы XVIII века (дополнения к комментарию «Сводного каталога русской книги гражданской печати XVIII века. 1725-1800») // Книга. Исследования и материалы. М., 2005. Сб. 83. С. 171-221.
35. Урал в хронике заседаний Российской академии наук // Наука Урала. 2005. № 31. С. 8.
36. Хохлов, И.С. География Оренбургской губернии: описание Оренбургской губернии в физическом, этнографическом и административном отношениях. Оренбург: Тип. Духов. консистории, 1896. 139 с.
37. Щербинова, Н.Н. Представления о природных ресурсах в России: XVIII век: дис. ... канд. геогр. наук: 07.00.10. М., 2005. 226 с.
38. Ryttschlow P. Orenburgische Topographie oder ausf?hrliche Beschreibung des Gouvernements Orenburg aus dem Jahre 1762 / Hrsg. von Alfred Anderle. Leipzig; Weimar: Gustav Kiepenheuer Verlag, 1983. 230 s.

Инна Каримовна Зубова родилась в Ленинграде, детские годы провела в Оренбурге. Окончила математико-механический факультет Ленинградского государственного университета. В Оренбурге с 1986 года. Кандидат физико-математических наук, доцент Оренбургского государственного университета, краевед, автор и соавтор (вместе с Г.П. Матвиевской) нескольких книг, публикаций о творчестве и жизненном пути В.И. Даля. Постоянный автор альманаха «Гостинный Двор», лауреат премии «Оренбургская лира» (2002).

Инна ЗУБОВА

ИЗ РОДА РЫЧКОВЫХ

(Памяти Н.И. Ободовской)

В октябре 2011 г. исполняется 300 лет со дня рождения нашего замечательного земляка первого члена-корреспондента Академии наук «Ломоносова Оренбургского края» Петра Ивановича Рычкова. Этот юбилей — повод вспомнить не только о самом учёном, но и о многих его потомках, живших на оренбургской земле и оставивших о себе благодарную память. К ним относится и Наталья Ивановна Ободовская, в 1899 году ставшая директором Оренбургской городской библиотеки (ныне — Оренбургская областная научная библиотека им. Н.К. Крупской). Историки, краеведы и библиотечные работники знают, что именно Ободовская составила подробные каталоги библиотеки в 1898 и 1900 гг. Им также известно, что Наталья Ивановна была членом Оренбургской архивной комиссии и что она являлась одним из потомков П.И. Рычкова. Однако никакие подробности её жизненного пути узнать долго не удавалось. Возникли предположения, что она оставила Оренбург во время гражданской войны, после ухода белых,

уехала затем за границу... О том, что это не так, стало известно несколько лет назад благодаря документу, обнаруженному сотрудником Государственного архива Оренбургской области Еленой Алексеевной Орленко¹. Однако прежде чем рассказать об этом документе, напомним некоторые сведения, касающиеся родословной Рычковых.

Наталья Ивановна Ободовская — праправнучка П.И. Рычкова. Она приходится правнучкой одновременно двум его сыновьям, старшему от первого брака Андрею и первенцу и единственному сыну от второго Василию. Андрей Петрович был, вероятно, любимцем и гордостью своего отца. В 1753 г., четырнадцати лет, он был пожалован в офицеры — случай по тем временам нередкий, особенно в многодетной дворянской семье. Один из потомков называет его типичным служакаго времён Екатерины II и описывает как человека доброго, щедрого, хорошего друга и командира, отличного офицера. В 1757 г. Андрей женился на Фióне Алексеевне Роготовой, дочери симбирского помещика. Отец подарил ему к свадьбе специально купленную для этого землю на речке Савруше. Это нынешнее село Рычково Северного района Оренбургской области.

Я позволю себе несколько отвлечься от повествования о Н.И. Ободовской и привести здесь документ, сохранившийся в нашем семейном архиве. Это письмо — ответ бывшего директора Оренбургского краеведческого музея, видного нашего краеведа С.А. Попова (1905 — 1986) моему деду — профессору П.Е. Матвиевскому (1904 — 1987),

который, работая над книгой «Пётр Иванович Рычков», выяснял, какими землями в Оренбургской губернии владела семья Рычковых. Как видно из текста письма, и Павел Евменович, и Сергей Александрович находились в этот момент в Оренбурге, но из-за занятости и по состоянию здоровья не имели возможности встретиться.

1.3.82.

Дорогой Павел Евменович! Позавчера получил Ваше письмо. Сегодня мне пришлось быть в музее, и выполняю Вашу просьбу. Дома у меня нет никаких материалов, всё хранится в музее.

В 1744 г. Оренбургская губернская канцелярия пожаловала П.И. Рычкову земли по реке Шайтанке (приток реки Димки). Ответ был сделан в этом же 1744 г. майором Кублицким в количестве 1040 десятин. На ней возникло будущее село Спасское². Рядом с селом Спасским возникли в конце 40-х годов XVIII в. деревни: Ключи и Верхосулье. Каким количеством земли владели Рычковы перед реформой 1861 г. — в своих выписках я не нашёл данных.

Это один район вотчинных земель П.И. Рычкова в Бугульминском уезде.

Второй центр вотчинных земель был в Северном районе. Это современное село Рычково на реке Савруше. Вначале оно принадлежало бригадиру Петру Степановичу Бахметеву. В 1757 г. эту землю у Бахметева приобрёл П.И. Рычков для своего сына Андрея Рычкова³. В первое время основанная П.И.

Рычковым деревня именовалась по реке «Саврушей» или «Студенцом» (по имени ключа «Студенец»). Я не нашел у себя земельной дачи этого селения при генеральном межевании. В канун Крестьянской реформы оно принадлежало некоему Ив. П. Рычкову (Это был Иван Петрович, отец Н.И. Ободовской. — И.З.) под названием село Рычково.

Третий центр был под Оренбургом. В 40-х годах XVIII в. П.И. Рычков получил землю ниже Оренбурга по р. Уралу для основания хутора. Как долго существовал этот хутор, я не знаю. По имени этого хутора названо село Рычкова Первоуральского района. В моих записках ссылки на источники нет.

Вот какими скудными сведениями я располагаю...

Не хворайте. Бодритесь!

С искренним приветом

Ваш С. Попов.

Нередко читатели, интересующиеся подробностями жизни П.И. Рычкова, спрашивают и о том, где жили члены его семьи. С.А. Попов отвечает на этот вопрос доходчиво и исчерпывающе.

Однако вернёмся к потомкам П.И. Рычкова.

В 1774 г., тридцати пяти лет, его старший сын Андрей Петрович был произведен в полковника и стал командантом г. Симбирска. В это время его пятнадцатилетний сын Пётр, старший внук П.И. Рычкова, уже тоже служивший в армии, был пожалован в прапорщики. В августе этого же года отец и сын участвовали в бою с пугачёвцами под пригородом Симбирска Корсуном. В этом

бою Андрей Рычков геройски погиб, а Петра чудом спасли верные люди.

Выйдя в отставку, Пётр Андреевич жил с матерью в Савруше, позднее, уже с собственной семьёй — в Бугуруслане, где служил в суде. Двух своих сыновей он назвал именами отца и дяди, Андреем и Иваном. Иван Петрович-второй родился в 1806 г. Он, как и его старший брат, Андрей Петрович-второй, был военным. Иван Петрович участвовал в нескольких сражениях и имел ордена за отличие. В отставку вышел в 1832 г. и вскоре женился на своей троюродной сестре Софье Николаевне Рычковой. Он два трёхлетия служил бугурусланским предводителем дворянства, а в 1860 г. был избран в Самарский комитет по устройству быта помещичьих крестьян.

Отец его жены, Николай Васильевич, сын Василия Петровича, самого младшего сына П.И. Рычкова, также был офицером, участвовал в войне с Наполеоном, а впоследствии служил в Оренбурге, где стал адъютантом военного губернатора Г.С. Волконского. Всё это известно из «Родословной потомков П.И. Рычкова», изданной в 1908 году в Оренбурге⁴.

Эту «Родословную» составил, по всей видимости, сын Ивана Петровича и Софьи Николаевны, старший из их девяти детей, Константин Иванович. Годы его жизни точно не известны, но можно предполагать, что родился он около 1840 г. С 1858 по 1864 г. служил в армии, был, как и его отец, предводителем дворянства в Бугульминском и Бугурусланском уездах, почётным мировым судьёй. К 1908 году у него было восемь де-

тей и несколько внуков. Сам он в это время жил в имении Долгоруково, а его младшие дочери учились в Бугурусланской гимназии.

К.И. Рычков, в частности, сообщает, что самая младшая из его сестёр, Наталья Ивановна, в 1908 г. была уже вдовой Николая Семёновича Ободовского, служившего в Оренбурге в учреждениях министерства финансов. Сама же она в 1908 г. «состоит заведующей Городской библиотекой в г. Оренбурге».

А теперь обратимся к упомянутому выше документу Государственного архива Оренбургской области. Здесь хранится заполненная самой Натальей Ивановной 16 октября 1925 года анкета из личного дела. Из неё мы узнаём, что Н.И. Ободовская родилась 27 ноября 1873 года в селе Рычково Бугурусланского уезда, который тогда относился к Самарской губернии. Это, как мы уже знаем из письма С.А. Попова, бывшая деревня Савруша, основанная П.И. Рычковым. Год рождения, 1873, вызывает некоторое недоумение: во-первых, получается, что она чуть ли не на тридцать с лишним лет моложе самого старшего из своих братьев, Константина, и родилась, когда отцу было под семьдесят. Впрочем, такое в больших семьях в те годы случалось. Однако, во-вторых, этот год никак не согласуется с указанным К.И. Рычковым годом смерти отца, 1868-м. Либо он этот год указал ошибочно, либо в 1925-м Наталья Ивановна скрывала свой истинный возраст и пыталась казаться моложе.

В 1890 году она закончила Мо-

сковскую 8-классную гимназию. На вопрос: «Какими языками владеете?», следует ответ: «Французским, немецким, английским, эсперанто и несколько — польским». В графе «словесная принадлежность до революционных» указано: «Дочь военного», а ответы на вопросы, касающиеся семейного положения — «Из кого состоит ваша семья в данное время? Есть ли у вас отец, мать, братья, сёстры?» — трагически коротки: «Вдова». «Никого». «Нет». Значит, в 1925 году никого из её восьмерых братьев и сестёр уже не было в живых. Она была самой младшей... Отвечая на вопрос о связях с заграницей, Наталья Ивановна упоминает знакомую англичанку, живущую в Новой Зеландии, с которой переписывается. Ответ на обязательные в анкете того времени вопросы о членстве в каких-либо партиях или сочувствии такому лаконичен: «Беспартийная. Корректно и лояльно отношусь к Советской власти». Состоит членом Союза работников просвещения с его основания. В 1919 году была председателем Библиотечного общества. В голодный год работала секретарём в Археологическом институте. С 1899 года заведовала библиотекой, носившей тогда имя А.И. Герцена, а в момент заполнения анкеты — заведующая детским и юношеским отделением Центральной библиотеки (ещё не имени Н.К. Крупской)... За каждой из этих скупых фраз — годы очень непростой, скорее всего, жизни и такой необходимой работы. Значит, не оставила Наталья Ивановна эту работу, не искала счастья за границей...

Обычный «бюрократический» документ — анкета из личного дела — существенно дополнил сведения о потомках П.И. Рычкова. Как это ни грустно, мы сейчас куда больше знаем о тех представителях этого славного рода, которые жили полтора столетия назад, чем о тех, кто ушёл в прошлое совсем недавно, и даже о тех, кто и сегодня живёт среди нас.

Добавлю, что прошлым летом мне удалось побывать в селе Рычкове, где родилась Н.И. Ободовская. Мы осмотрели фрагменты господского дома и винокуренного завода, который, по-видимому, сравнительно недавно ещё функционировал. Даже лежащий в развалинах, господский дом с деревянными колоннами из цельных стволов производит глубокое впечатление. Разумеется, его восстановление потребует больших средств, но как хотелось бы увидеть когда-нибудь эту усадьбу такой, какой она когда-то была!

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ГАОО, ф. Р-450, оп. 1, д. №. 302.

² ООГА. Ф. 6, оп. 3, д. 7368. 1820-1823 гг. Об ищущих свободы крестьянх помещика Рычкова.

³ Записки П.И. Рычкова. Ж. «Русск. архив» 1905 г., XI, 311 стр.

⁴ Рычков Константин. Родословная потомков П.И. Рычкова. Оренбург, 1908.

Развалины дома учёного
в селе Рычкове, 2011 г.

Фото И.К. Зубовой

З.ф.р.в.ъ

Рассказ башкирца Джантюри
о войне 1812 года

Летом 1847 года решил я съездить в Башкирию, на отдых. Места там замечательные, много зелени и озёр, на реке Белой превосходная рыбалка. Собрался и поехал к знакомому башкирскому старшине, договорился с ним сопровождать меня несколько дней. Вдвоём и поспокойнее и веселее. На следующий день он повёз меня к своему давнему знакомому башкирку Джантюри. Его я видел и раньше, а запомнил по медали на халате, которую он носил не снимая зимой и летом. У башкирца захотелось поохотиться с соколом, тот имел несколько птиц. Старшина немного поморщился...

— Не знаю, согласится ли Джантюри! Это для тебя, твоего удовольствия, он выпустит сокола, а для себя не стал бы... Сейчас гуси и утки сидят на яйцах, не станет он губить насиженные яйца без пользы, — ответил старшина.

От такого ответа я и воодушевился, увидев в башкирце сострадание, и расстроился, мне очень нравилась сокольная охота... Заранее я зауважал старика-башкирина.

Утром прибыли в Башкирию, на кочевье Джантюри в лесу на берегу реки Белой. С нами поехал и старший сын моего знакомого Нагиб, за компанию. В кочевье нас приняли радушно. Как дорогих гостей разу-

ли, раздели, усадили на подушки. Пока готовили самовар, башкиры им пользуются теперь повсеместно, угощали кумысом, который был свеж и придавал бодрости нам, уставшим с дороги. Немного отдохнув, я оглядел кибитку и заметил на стене старинную кольчугу, боевой наряд башкирина. Кольчуга была составлена из стальных колец особым способом: три кольца соединено четвёртым так, что образуют одно звено, из которых уже получается целое. Сама кольчуга покрывала человека с головы до пояса, попробовал надеть и не получилось. Она весила почти 2 пуда! Наверное, и оружейная пуля издалека не пробьёт такую кольчугу...

Я обратился к Джантюри: — Исполнужу ли кольчугу?

Тот ответил: — Нет, хзает, наши молодцы шеголяют теперь в суконных куртках, в киверах и отвыкли от тяжёлой кольчуги. В прежние времена башкирцы были не такими, бывало назначат поход, так кольчугу на себя, сверху синий кафтан, на голову белый колпак, за спину колчан со стрелами, к поясу пристегнут саблю, в руку копьё и пошёл куда командир велит. Вот в таком наряде я был на войне с французами, в их большом городе Париже.

Я оживился и спросил Джантюри: — А что, хорош Париж?

— Славный город, больно слав-

ный! Какие бабы там, — смеясь, прибавил Джантюри, — бик-якши. Только моя жена не пускала меня одного гулять... хитрая старшунка.

Я удивился: — Как жена? Да разве она была на войне?!

Джантюри ответил: — Была и медаль имеет.

Старшина тоже был удивлён и обратился к Джантюри: — Что, хзает, ты шутнишь нам? — Башкирин откинулся на подушки, отпил чаю и важно ответил: — Ты видел, как мои девки ездят верхом? Только пику в руки, то и совсем казак, хоть какого удайца снесут с лошади.

За чаем продолжили разговор о Французской кампании. Джантюри поведал много интересного и занимательного. Рассказывал он легко, просто, шутил и использовал башкирские словечки в оценке описываемых событий. Рассказывал не столько о себе, сколько про казаков.

На вопросы о себе ответил: — Войско наше больно скоро шло к Дризен. Три дня и три ночи мы не слезали с лошадей, была тогда половина августа, жар душил людей, от усталости я едва держался на лошади. Наконец, потеряв последние силы, я своротил с дороги и лёг на траву. Жена моя была со мной. Она села около меня и горько плакала. Я точно не дышал. Прощай, родимая Башкирия, думал я, прощай раздольная степь, верно, уже мне не увидеть тебя больше. Мне горько, больно было... я захотел пить. Неподальку было маленькое озерко, тинистое, как болото, я кое-как с помощью жены дотопился до него. К счастью, я догадался ползая в воде, я разделся и час пролежал в

ней. Мне стало легче. Я встал и испугался, а жена чуть не умерла от страха. Все тело, начиная от шеи до пят, было усыпано пиявками, после испуга я обрадовался. Дав им напиться, снова лёг в воду и после третьего раза с меня как рукой сняло усталость. Я сам оделся, вспрыгнул на лошадь с женой, тяжело отправился дотопить наш отряд.

Здесь Джантюри остановился, помолчал, вздохнул и продолжил: — Нет, хзает, когда и где назначено, тот там и умрёт. Вот на примере в другой раз, где уже я вовсе не чаял воротиться на свою сторону, но меня спасла жена. Не помню, в каком месте, нас человек с 50 поставили на сторожевой пикет. Не знаю, как мы проглядели, только на заре наткнулись на нас человек 20 французов из тех, что носят стальные доски на груди (*вероятно, французские латники*), мы вскочили на лошадей, пики припёрли в седле и с гиком бросились на злодеев. Лошадь подо мной была бойкая, я навывлет проколол одного и вынимал уже пику, как другая *собака* сильно хватил меня палашом, кольчуга не устояла и я с разрубленным плечом повалился с лошади и упал без памяти. Когда я очнулся, то увидел, что половина товарищей была перебита, остальная связана, жены около меня не было и я подумал, что её нет на свете. Посадив на лошадей, нас повезли в плен. Часа через полтора вдур из леса вылетела целая сотня донских казаков и окружили нас со всех сторон. Французы, их осталось только 12 человек, струсили и просили *пардон*. Жена моя была с донами и дело объяснилось: в первой схватке моя

баба смекнула, что нашим не устоять, ускользнула с места сражения и дала знать главному отряду. Да, коли бы не она, то не пировать бы мне больше на своей родине. Славная баба, нечего сказать!

Его рассказ поразил нас, не слышали мы ни разу об участии в походах башкирских женщин!

Перебивая друг друга, спросили: — А жива жена твоя?

Джантюри заулыбался: — Жива, только стара, крепко стара и третий год как ничего не видит.

В гостях у Джантюри мы провели два дня, как у старого доброго приятеля, в приятном удовольствии. Рыбачили, ездили на охоту с ружьями. Сын старшины Нагиб показал ловкое умение стрельбы и превосходную меткость. Вечером, когда мы возвращались с охоты, проезжали мимо скалы. На её вершине увидели дикую козу, и я вскинул ружьё и уже хотел выстрелить, как Джантюри остановил меня.

Он, не слезая с лошади, сказал, глядя на то место, где по-прежнему стояла дика коза: «Постой, хазрет, посмотри-ка на удастьство Нагиба». Старший сын тут же спрыгнул с лошади, взял лук, вытащил из колчана на стрелу, наложил на тетиву... Он прицелился, лук согнулся почти колесом... Тетива взвизгнула, стрела в мгновение ока достигла животного.

Простреленная навлет коза рухнула с вершины к нашим ногам. Восхищённый возглас и похлопывание по плече были наградой Нагибу.

Вечером мы собрались ехать домой, но радушный Джантюри убедил нас остаться на ночёвку. Нас ждал обильный ужин с жареным козым мясом, кумысом и чаем. В этот вечер я слушал башкирскую музыку — игру на кураях, или чебызге, а ещё получил представление о горловом пении. Курай я разглядел, он был сделан из полевых дудок и по тону похож на чекан. Игру горлом я не воспринял, так и не понял, как это делается. Наверное, мой вкус покажется странным, откровенно говоря, когда играли горлом и на двух чебызгах любимую башкирцами балладу о батыре Салавате, мне понравилось. Конечно, если бы эту музыку переложили на ноты и наши инструменты, то вышло бы невзрачно. Но на чебызге баллада звучала красиво, как симфония. Конечно, не симфонию, но как каким привыкли мы, слышавшие Моцарта или Бетховена, но симфонию просторной Азии, людской и степной.

«Оренбургские губернские ведомости», 1847 г. № 47

Подготовил
Александр ИСКОВСКИЙ

Вильям Львович Савельзон родился в 1935 г. в Харькове. Окончил Оренбургский государственный педагогический институт. Служил в армии, работал учителем в школе, в редакции газеты «Комсомольское племя», Оренбургском комитете по телевидению и радиовещанию. Автор нескольких книг и многочисленных публикаций по истории Оренбуржья. Лауреат международной премии «За лучший репортаж о России», Всероссийской премии «Золотое перо России», премии «Оренбургская лира» и др. В настоящее время редактор отдела областной газеты «Оренбуржье».

Вильям САВЕЛЬЗОН

В БОРОДИНСКОЙ БИТВЕ И В «ЕВГЕНИИ ОНЕГИНЕ»

К 200-летию Отечественной войны 1812 года

В июле 1812 года, получив высочайший манифест о нашествии Наполеона, оренбургский военный губернатор Григорий Семёнович Волконский приказал «чиновникам и казакам, всем без изъятия служащим и неслужащим, как только могут действовать оружием, повергнуться, чтобы тотчас приготовились они на оборону своего Отечества». Оборону, которую так великопечно опишет позже двояродный внук оренбургского губернатора Лев Толстой в своём романе «Война и мир».

Тениальный писатель даёт в нём ключ к разгадке: почему повелитель полумира Наполеон потерпел сокрушительное поражение именно в России. Помните то место в романе, где пишет о Кутузове: «Долголетним военным опытом он знал и старческим умом понимал, что руководить сотнями тысяч человек, борющихся с смертью, нельзя одному человеку, и знал, что решающую роль играют не распоряжения главнокомандующего, не место, на котором стоят войска, не количество пушек и убитых людей, а та

неуловимая сила, называемая духом вождя, и он следил за этой силой и руководил ею, насколько это было в его власти».

По сведениям историков В.Г. и В.П. Семёновых, из Оренбургской губернии во исполнение приказа военного губернатора было направлено против французов 24 полка казачьих, башкирских и мещерацких войск. По другим источникам, ушёл воевать 31 полк иррегулярных (казачьих) войск — 19 башкирских, по пять оренбургских и уральских и два мишарских.

Нас будет интересовать лишь участие в войне одного из полков — Оренбургского драгунского, и не только потому, что это был первый регулярный армейский полк, сформированный в нашем крае. Но об этом позже.

Самое кровопролитное и самое решающее сражение войны — Бородинская битва началась очень рано, ещё в рассветных сумерках, в шестом часу утра (26 августа по старому стилю — 7 сентября по новому). Весь день шёл временами мелкий холодный дождь и было ветрено.

Дислопозиция Кутузова, составленная за два дня до сражения:

«Присоединя к себе все подкрепления, прибывшие от Калуги и Москвы, армия ожидает наступления неприятеля при Бородине, где и даст ему сражение. 2, 4, 6-й и 7-й пехотные корпуса и 27-я дивизия составляют кор-де-баталь и располагаются в две линии. За каждым из них становится по кавалерийскому корпусу: за 2-м пехотным 1-й кавалерийский, за 4-м — 2-й, за 6-м — 3-й, за 7-м — 4-й.

Начальник в кор-де-баталь: правый фланг — из 2-го и 4-го корпусов под командой Милорадовича; центр — из 6-го корпуса под командой Дохтурова; левый фланг — из 7-го корпуса и 27-й дивизии под командой князя Горчакова.

...В этом боевом порядке намерен я привлечь на себя силы неприятельские и действовать согласно его движениям. Не в состоянии будучи находиться во время сражения на всех пунктах, полагаю на известную опытность господ главнокомандующих и потому предоставляю им делать соображения действий в отношении неприятеля. Возлагаю всё упование на помощь Всевышнего и на храбрость и неустранимость российских воинов, при счастливом отпоре неприятельских сил дан собственные повеления на преследование его, для чего и ожидать буду беспрепятственных рапортов о действиях, находясь за 6-м корпусом».

Наш Оренбургский драгунский полк входил в состав 3-го кавалерийского корпуса. Тот, как написано в диспозиции, стоял за 6-м пехотным корпусом под общей командой генерала Д.С. Дохтурова и входил в бригаду генерала И.С. Дорохова.

Командиром Оренбургского полка иногда указывают генерал-майора Степана Васильевича Дяткова, портрет которого находится в галерее героев войны 1812 года в Эрмитаже. Но генерал не мог возглавлять армейский полк, точнее, как пишут историки русской армии Д.В. и В.Н. Репнины, Дятков был шефом полка с 1807 года и одновременно командовал 1-й кавалерийской бригадой, в

которую входил Оренбургский полк. Во время прибытия шефа в полк командир становился его заместителем. Командиром же Оренбургского полка был подполковник Ф.М. Зонненбах. К сожалению, никаких иных сведений о нём нет.

Кутузов, как следует из текста, расположил свою ставку где-то рядом с Оренбургским драгунским полком.

Что за род кавалерии — драгуны? Название от французского dragon — дракон, то ли оттого, что сначала о них на знаменах был дракон, то ли от короткого мушкета-драгона. Драгуны, как и кирасиры, — это тяжёлая кавалерия, конница, способная действовать в и пешем строю. Бородинское сражение было ожесточённым. Пленных почти не брали, их насчитало всего по тысяче при потерях более 50 тысяч с каждой стороны. Из-за тесноты «смешались в кучу кони, люди». Веч битва двух армий произошла на площади всего в две квадратные версты! И кавалеристы, в том числе оренбуржцы, дрались и пешими.

Теперь несколько слов об истории этого полка.

Оренбургский драгунский полк был сформирован в 1784 году из Оренбургского и Черныярского полковых батальонов и стоял в губернской столице. Естественно, почти все его кавалеристы — и рядовые, и офицеры — были оренбуржцами.

А до Бородинского сражения действующие эскадроны полка находились в 1-й Западной армии в 3-м кавалерийском корпусе, сначала под командованием генерал-майора П.П. Палена, затем — генерал-майора

Ф.К. Корфа. Запасной эскадрон входил в состав 2-го резервного корпуса генерал-лейтенанта Ф.Ф. Эртеля в городе Мозыре. Полк сражался с французами в арьергардном отряде генерал-майора П.П. Палена, потом — в отряде генерал-майора Ц.А. Крейца.

За десять дней до Бородина, 16 августа, отряд Крейца прикрывал отступление 2-го пехотного корпуса генерала К.Ф. Багговута к Вязьме. Атакующий иррегулярной кавалерией и стрелками, отряд оборонялся спешными драгунами и огнём двух конных орудий.

Атаман М.И. Платов, командовавший арьергардом, приказал отряду «держаться до ночи в своей позиции». Драгуны выполнили приказ. После десятичасового непрерывного боя отряд Крейца, отбиваясь от наседавших со всех сторон французов, двинулся к Вязьме и, пройдя пылавший город, присоединился к армии.

Как выглядели оренбургские драгуны? Оренбургский полк, как было сказано, был не привилегированным гвардейским, а обычным, армейским. Драгуны носили тёмно-зелёный двубортный мундир с шестью рядами пуговиц и красным подбоем фалд. На парад они надевали белые панталоны и чёрные сапоги, в походе — обшечкавалерийские серые рейтузы с короткими сапогами. Фуражки имели тёмно-зелёную тулью с околышем и выпушками приборного сушка. Головные уборы у драгун были своеобразные, пожалуй, выше, чем в других родах кавалерии, да ещё с плюмажем.

У драгунских офицеров штырь на воротнике и обшлагах было только

в лейб-гвардейских полках. Вицмундиров драгунским офицерам не полагалось. Сюртук — тёмно-зелёный с воротником и обшлагами, как на мундире. Погоны с апреля 1812 года у оренбуржцев были чёрные.

Из официального описания: *«Седловка драгунских лошадей была аналогична седловке лёгкой кавалерии. Вальтрап — черпак, суконная подстилка на седле всем чинам полагалась тёмно-зелёной с выкладкой в виде широкой обшивки (лампаса), вытушки и вензеля прикладного цвета».*

При общей драгунской форме Оренбургский полк имел чёрный приборный цвет — погоны, околыши и прочее и жёлтый приборный металл — галуны, бахрому. В холодное время драгуны носили шинели из некрашеного сукна, воротник и погоны, как на мундире. Каждый был вооружён палашом, пистолетом образца 1809 года, ружьём со штыком (калибр 17,7 мм, дальность стрельбы 250 м) или кавалерийским штыцером (16 штык на эскадрон). Кстати, вскоре после 1812 года ружья у всех кавалеристов отобрали.

В Бородинском сражении Оренбургский драгунский полк отличился в двух важнейших местах, которые у всех на слуху: на Семёновских флешах, которые потом назвали Багратионовскими в память о погибшем легендарном генерале, и на батарее Раевского, первоначально Курганной. Конечно, какого-то решающего, переломного вклада в битву полк внести не мог: имея в строю тысячу человек, он был одной двухсотой частью армии Кутузова.

Но о том, что оренбуржцы би-

лись, не жалея себя и умело, есть свидетельства очевидцев.

Главный свой удар Наполеон сначала нацелил на левый фланг русских позиций. Вместе с Сумским, Мариупольским и Курляндским полками Оренбургский полк в 9 часов утра, когда французы в четвёртый раз атаковали Багратионовы флешы, Кутузов направил в бригаду Дорохова на левый фланг в помощь багратионовцам. Натиск противника был отбит. Русская кавалерия выбила французов с захваченных ими флешей.

Генерал-майор Ф.К. Корф в рапорте командующему 1-й армией сообщал: *«Во время сражения сего августа 26 числа, 2-й и 3-й кавалерийские корпуса, под командой моей находящиеся, были расположены за 4-м и 6-м корпусами, когда же неприятель обратил все свои силы на левый фланг нашей армии... отрядил я Сумской и Мариупольский гусарские, Курляндский и Оренбургский драгунские полки под командою г.м. Дорохова для подкрепления левого крыла... Немедля ударил он поспешно с Оренбургским драгунским полком в середину, а с Мариупольским гусарским и Курляндским драгунским во фланг неприятельской кавалерии, которая быстротой сей атаки была опрокинута и прогнана до самых их батарей».*

После успешной контратаки Оренбургский полк был выведен снова за центр русской позиции.

В разгар дня французы в очередной раз захватили в центре Курганную батарею, оборонявшуюся частями 7-го корпуса Н. Н. Раевско-

го и 6-го корпуса Д.С. Дохтурова. Кавалерийские корпуса противника устремились в образовавшуюся брешь. Генерал М. Б. Барклай де Толли лично повел в контратаку полки 2-го и 3-го кавалерийских корпусов. В донесении М.И. Кутузову он писал: *«В сию затруднительную минуту прибыли на рыхлые два гвардейских кирасирских полка, я указал им на неприятеля, и они с редкой неустрашимостью устремились в атаку! Полки Сумской, Мариупольский... гусарские, Сибирский, Иркутский и Оренбургский драгунские последовали за ними».*

А вот свидетельства с другой стороны. Французы назвали батарею Раевского «редутом смерти». Известный французский писатель Проспер Мериمة в рассказе «Взятие редута» описывает сражение так: *«Мы дрались врыкопанную среди такого дыма, что не видели противника».* А бригадный генерал Филипп Поль де Сегюр пишет в «Походе в Москву в 1812 году»: *«Огонь русских разрушает наши ряды, их дружная атака упорна и стремительна: пехота, артиллерия, кавалерия — всё соединилось в одном натиске. Ней и Мюрат ожесточенно пытались противостоять жуткой буре; для них дело уже не о дальнейшей победе, а о том, чтобы сохранить добытое перед тем».*

Можно только отдалённо представить себе, как пехота, артиллеристы и спешившиеся кавалеристы в дыму, пыли, грохоте, криках, ругани на многих языках мира, предсмертным ржанием лошадей яростно

бьются почти наугад штыками, пиками, саблями, палашами, банниками...

Противник не выдержал удара русской кавалерии и с огромными потерями отступил. Успех русских кавалеристов положил конец активным действиям неприятеля. Сражение стало постепенно затихать.

Десять офицеров Оренбургского полка за это сражение получили знак отличия «За храбрость и неустрашимость». Шеф полка генерал-майор Степан Васильевич Дятков, ходивший в атаку вместе с кавалеристами, несмотря на ранение, был награждён крестом ордена Святого Владимира 3-й степени.

Каждый раз, бывая в Москве, осматривая Бородинскую панораму, пытаюсь найти на гигантском круговом полотне, где же находится там Оренбургский драгунский полк. В последний раз попросил помощи у научного сотрудника панорамы. Поскольку художник Франц Рубо изобразил момент самого разгара боя в полдень, мне посоветовали обратить своё внимание на батарею Раевского в порохом дыму. Правее её нарисована группа всадников, впереди генерал Барклай де Толли. Он сейчас поведёт в контратаку 3-й кавалерийский корпус, части которого выстраиваются вдали в боевой порядок. Где-то там и Оренбургский драгунский полк...

В Оренбуржье знали, как сражаются земляки. Губернатора Г.С. Волконского М.И. Кутузов считал своим другом и в письмах к нему не раз сообщал об успехах в войне с французами, о заслугах российского воинства, в том числе казачьих

и башкирских полков. В письме в Оренбург от 31 октября 1812 года он писал о том, «с какой храбростью наши воины, в том числе казаки и некоторые башкирские полки, поражают их» (войска неприятеля — В.С.). Кутузов сообщил о победах под Вязмою, Дорогобужем, приводил данные о трофеях, потерях противника убитыми, ранеными, взятыми в плен, о позорном бегстве, усилившемся голоде среди неприятеля.

Ну а дальше оренбургские драгуны гнали Наполеона на запад. В декабре 1812 года Оренбургский драгунский полк был переформирован в Оренбургский уланский и уже в этом качестве принял участие в заграничных походах 1813 — 1814 годов.

Уланы — это уже лёгкая кавалерия. Название происходит от тюркского олан (оглан), юноша ханского рода. От татаро-монгольской конницы дошёл к ним уланский головной убор с четырьмя углами и белым султаном. Мундиры у них были тёмно-синие, такого же цвета рейтузы с двойными лампасами. Пришлось перейти и на новое вооружение: пистолеты, сабли, нарезные карабины-шпугеры. И главное отличие улан — почти трёхметровые пики с боевыми наконечниками и флюгерами — маленькими резными флажками. В Оренбургском уланском полку флюгера были синекрасными. По расцветке флюгеров можно было определить тот или иной уланский полк, а внутри полка — батальон. Во время атаки в конном строю флюгера на опущенных «к бою» пиках пронзительно сви-

стели и гудели в потоках встречного воздуха, оказывая на противника психическое воздействие. Пикую вставляли в бумшат (кожаная петля у правого стремена). В середине её пришивали ремень для руки, в наконечник заливали свинец, чтобы центр тяжести пики с флюгером был посередине.

Ну а теперь о той обещанной малоизвестной странице истории нашего драгунско-уланского полка, которая связана с А.С. Пушкиным и с его романом «Евгений Онегин». Об оренбургских уланах, думаю, поэт услышал в 1817 году, когда прощался с Лицеём. Лицейцы разлетались навстречу своей судьбе. Несколько человек выбрали военную карьеру.

В их числе был Павел Мясоедов. Другом Пушкина он никогда не был, над ним все посмеивались, звали Мясоежовым. Но всё равно Александр, конечно, знал, что тот поступает в Оренбургский уланский полк корнетом. К этому времени полк стоял в Тверской губернии, главным образом в Торжке. Но долго в полку Мясоедов не был и в 1818 году вышел в отставку по болезни.

Через несколько лет, в 1820 году, Пушкин ехал на юг с семьёй Н.Н. Раевского, того самого генерала, который прославился при Бородине на батарее, названной его именем, и которого Александр Сергеевич безмерно уважал и писал о нём как о «человеке с ясным умом, с простой, прекрасной душой». Путь был долгий, четырёхмесячный, и наверняка Раевский рассказывал о битве, о тех полках, которые отстаивали батарею, в том числе и об Оренбургском.

А в 1829 году Пушкин наконец близко познакомился с нашими уланами, побывав в Торжке, Павловском, Берново, Старице, Малинниках, где был расквартирован Оренбургский уланский полк. Вот прелестные шуточные отрывки из пушкинских писем. 16 октября 1829 года он пишет приятелю А.Н. Вульфу, что сёстры этого Вульфа «отправились в Старицу посмотреть новых уланов». А сводная сестра «Александра Ивановна заняла своё воображение отчасти талией и задни частию Кусовникова, отчасти бакенбардами и картавыми выговором Юргенева».

И дальше: «В Берново я не застал уже толсто (...) Минерву. Она со своим ревнивецом отправилась в Саратов... Писарева кто-то прибил, и ему велено подать в отставку. Князь Максотов влюблён более, чем когда-нибудь».

Минерва и её ревнивец — это Екатерина Ивановна Гладкова и её муж ротмистр Оренбургского уланского полка Яков Павлович Гладков. С уже упомянутым полковником этого же полка Алексеем Михайловичем Кусовниковым Пушкин тоже был знаком давно. Во всяком случае, А.Н. Вульф в своём дневнике записал: «Во время пребывания Пушкина в Старице мы чаще ещё виделись, ибо Пушкин знал Кусовникова ещё будучи в Лицее».

Остальные — офицеры Оренбургского уланского полка: подполковник Александр Тихонович Юргенев, штаб-ротмистры Дмитрий Иванович Писарев (кстати, полный тезка и дядя критика Д.И. Писарева), князь Афсенжар Мустафин-

Максотов (Максутов). Кстати, полковником в этом полку был тоже хороший знакомый Пушкина Роман Романович Анреп, о котором Пушкин упоминает в первом дорожном письме жене из оренбургского путешествия.

Он, конечно, был знаком и с другими офицерами, многие из которых родом были из нашего края и успели поновать с французами. На пенсии офицеры выходили тогда после 35 лет службы, правда, будучи приписанными к полку уже в 14 — 15 лет. Так что вполне может быть, что Александр Сергеевич немало услышал от офицеров-оренбуржцев о Бородинском сражении.

Любопытно, почему не Пушкин, если он так живо интересовался этой темой, а Лев Толстой написал роман об Отечественной войне 1812 года? Ответ дал другой поэт, Сергей Есенин: «Лицом к лицу лица не увидать, большое видится на расстоянии». Огромное событие, видимо, должно отойти на какое-то значительное временное расстояние, осмыслиться, устояться.

Кстати сказать, по пути в оренбургские степи 21 августа 1833 года Александр Сергеевич снова побывал в Тверском крае и с сожалением написал жене из Павловского: «Ты не угадаешь, мой ангел, откуда я тебе пишу: из Павловска; между Берновым и Малинником, о которых, вероятно, я тебе много рассказывал. Здесь я нашёл большую перемену. Назад лет пять Павловское, Малинники и Берново наполнены были уланами и барышнями; но уланы переедены, а барышни разехались».

Но один из оренбургских уланов

всё-таки попал на страницы «Евгения Онегина». «Но нет в романе никакого упоминания об Оренбурге», — скажет читатель. Соглашусь: прямого упоминания нет.

Но не будем торопиться. В конце шестой главы Онегин убивает Ленского. В начале седьмой главы Ольга बहुत утешается и выходит за улана:

*Другой увлѣк её вниманье,
Другой успѣл её страданье
Любовной лѣстью усилить,
Улан умѣл её пленить,
Улан любил её душою...*

*...И скоро звонкий голос Оли
В семействе Лариных умолк.
Улан, своей невольник доли,
Был должен ѣхать с нею в полк.*

А в черновиках этой главы был и портрет улана:

*Но тут постыжными шагами
Её настиг молодой улан.*

Иллюстрация к «Евгению Онегину» «Бал у Лариных». Художник П.П. Соколов. На таких балах в Тверском крае под «музыку полковому» оренбургских улан Пушкин с удовольствием танцевал с местными барышнями

*Затянут — стаети и румян,
Красуясь чёрными усами,
Нагнув широкие плеча
И гордо шпорами звуча.*

Предположить, что именно впечатлениями, связанными с оренбургскими офицерами, подсказан образ этого улана, нам позволяють и письма Пушкина, и воспоминания современников, и общий план «Евгения Онегина» с основными датами работы над романом в стихах. Глава, в которой упоминается этот улан, помечена: «VII песнь. Москва. Мих(айловское). П(етер). (Бург). Малинн(ики). 1827., 8».

Речь идёт о Малинниках и соседних уже упомянутых населённых пунктах, где стоял Оренбургский уланский полк, оживлявший своим присутствием скуку провинциальных усадеб. Возможно, именно там Пушкину и явился «младой улан», который позже попал на страницы романа «Евгений Онегин».

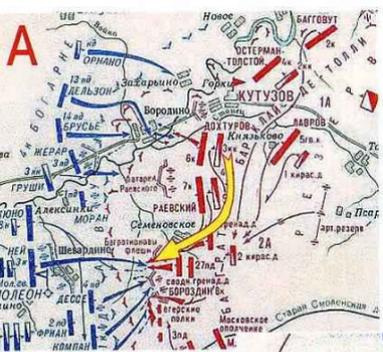
С. Герасимов. Иллюстрация к роману «Война и мир» «Кутузов на Бородинском поле»

«Вам не видать таких сражений...»
Фрагмент панорамы Ф.Рубо «Бородинская битва»
«Кавалерийский бой во ржи»

С.В. Дятков, командир Оренбургского драгунского полка, генерал-майор. Он изображён в общегенеральском кавалерийском мундире. На шею сверху крест ордена Святого Владимира 3-й степени, полученный за Бородино. Под ним крест ордена Святой Анны с алмазами. На левой стороне груди крест ордена Святого Георгия 4-го класса, серебряная медаль участника Отечественной войны 1812 года и бронзовая дворянская медаль «В память Отечественной войны 1812 года». Художник Д. Дюу

Оренбургский драгун-солдат

Карта-схема участия Оренбургского драгунского полка в Бородинском сражении. Жёлтыми стрелками показаны действия Оренбургского драгунского полка. А - в начале боя, Б - в конце боя

Штандарты Оренбургского уланского полка

Штандарты полка 1829 - 1851 гг.

Офицер Оренбургского драгунского полка

Штандарты драгунского полка
1. 1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. 9. 10. 11. 12. 13. 14. 15. 16. 17. 18. 19. 20. 21. 22. 23. 24. 25. 26. 27. 28. 29. 30. 31. 32. 33. 34. 35. 36. 37. 38. 39. 40. 41. 42. 43. 44. 45. 46. 47. 48. 49. 50. 51. 52. 53. 54. 55. 56. 57. 58. 59. 60. 61. 62. 63. 64. 65. 66. 67. 68. 69. 70. 71. 72. 73. 74. 75. 76. 77. 78. 79. 80. 81. 82. 83. 84. 85. 86. 87. 88. 89. 90. 91. 92. 93. 94. 95. 96. 97. 98. 99. 100.

Алла ПРОКОФЬЕВА

«НАШИ ПИКИ ПРИГOTOВЛЕНЫ...»

К 215-летию П. М. Кудряшёва

Алла Георгиевна Прокофьева родилась в Оренбурге.

Окончила Оренбургский государственный педагогический институт. Доктор педагогических наук, профессор кафедры русской классической литературы и методики преподавания литературы, заведующая литературно-краеведческой, научно-исследовательской лабораторией ОИП, автор более 150 научных работ, член Союза писателей России, лауреат Всероссийской литературной премии «Капитанская дочка», награждена памятной медалью «К 100-летию М.А. Шолохова».

«Я НЕ ПЛЕНЯЮСЬ ШУМНОЙ СЛАВОЙ...»

В 2012 году исполняется 215 лет со дня рождения Петра Михайловича Кудряшёва, поэта пушкинской поры, переводчика, писателя-этнографа, который был хорошо известен в литературных кругах России 1820-х годов. Его стихи, повести, очерки публиковались в столичных журналах — «Благонамеренном», «Вестнике Европы», «Отечественных записках». Первый издатель «Отечественных записок» П. П. Свиньин называл Кудряшёва «певцом картинной Башкирии, быстро Урала и беспредельных степей киргиз-кайсацких».

Кудряшёв был уроженцем Верхнеуральска, происходил из семьи отставного сержанта из крестьян. После окончания Верхнеуральского военного училища в 1815 году он служил унтер-офицером, писарем, переводчиком. В 1820 году Кудряшёв был назначен в 4-линейный Оренбургский гарнизонный бата-

льон на должность аудитора, но окончательно переведён в Оренбург лишь в 1822 году.

Частые служебные поездки Кудряшёва по Оренбургскому краю давали ему богатый материал по этнографии, истории, географии. Писателя, владевшего башкирским, татарским, казахским языками, интересовали жизнь и быт русских народов Оренбургской губернии, история края, народные песни и предания. Его произведения, написанные на оренбургском материале, печатались и в поэтических сборниках «Календарь муз», «Полярная звезда», «Весенние цветы», или собрание романсов, баллад и песен Пупкина, Жуковского, Козлова, Баратынского и пр., «Памятник отечественных муз» и др.

К основным темам лирики поэта относятся прежде всего вечные проблемы — любовь, дружба, родина. В его творчестве можно выделить пейзажную лирику, «восточные стихи», отражающие жизнь и быт башкир, киргиз-кайсаков и других народов, населяющих Оренбургский край. Творчество Кудряшёва-поэта тесно связано с его переводческой деятельностью. Известен перевод Кудряшёва народной песни о сподвижнике Е. Пугачёва — Салавате Юлаеве, положенной на музыку А.А. Алябьевым. В поэзии П. Кудряшёва особо выделяется патриотическая тема — можно отметить цикл башкирских песен периода Отечественной войны 1812 года. Тема войны не являлась для поэта определяющей. Об этом свидетельствует стихотворение Кудряшёва «К Размахнину», тоже оренбургскому поэту, хранителю архива Кудряшёва и публикатору его произведе-

ний, которое отражает отрицательное отношение его к войне:

*Ты, милый друг, читать желал
Войны, разбоя описание;
Я выполнил твоё желание —
И, как умел, так описал.
Но, впрочем, знай, что твой
певец*

*В войне одно злодейство видел,
Душой и сердцем ненавидит
Железо, порох и свинец!
Я не пленяюсь шумной славой,
Я не хочу её искать.
И ужасы войны кровавой
Я не желаю прославлять...*

«ЗА ЦАРЯ, ЗА ЦАРСТВО РУССКОЕ...»

Несмотря на это отношение к войне, П.М. Кудряшёв не мог не написать о героическом подвиге башкир, принявших участие в Отечественной войне 1812 года. Он пишет ряд стихотворений, созданных по мотивам башкирских песен.

Стихотворение «Прощание башкирка с милой», напечатанное в «Вестнике Европы» в 1822 году, по утверждению башкирского исследователя М.Г. Рахимкулова, сочинено в 1812 году, во время отправления башкирцев в армию против французов. Автором, казалось бы, в бытовой сценке прощания воина с красавицей подчёркивается патриотическое настроение башкирского богатыря, желание его защитить Родину от врагов, уверенность в своей силе и непобедимости:

*Не крушишь, моя красавица,
Что с тобой я различаюсь!
Разлучает служба царская,*

*Разлучает должность батыра...
На войну иду кровавою —
За царя, за царство Русское,
За тебя и за любовь твою!
Пусть враги узнают злобные,
Сколь могучи наши батыры;
Каковы их сабли острые,
Каковы их стрелы меткие,
Котья крепкие, булатные!..*

Красочно описано ожидание башкирцами сражения, подчёркнута уверенность их в своей готовности к бою:

*Наши сабли уж наточены,
Луки крепкие натянуты,
Наши тики пригोтовлены,
Ружья меткие заряжены,
Кони верные оседланы -
Оглашают доли ржанием
И грызут бразды железные!
Мы сгорим нетерпением,
Ожидая дня кровавого!*

«Песнь башкирка после сражения» появилась в «Отечественных записках» значительно позже — в 1828 году. Это стихотворение можно считать гимном «питомцам быстрого Урала, башкирским богатырям»:

*Мы в поле бранном
отличились:
Усердем к Родине горя,
Для славы в прошлый день
трудились;
За честь, за веру, за царя
Все грудью постоять умели,
Разя злодеев, не робели...
Друзья! Гордитесь: целый мир
Узнает, сколь могуч башкир!*

Кудряшёв не забывает и о погиб-

ших героях, отдавших свои жизни за Родину:

*А здесь героев имена
Навек спасутся от забвенья:
Их не поглотят времена!*

ДОНОС И СМЕРТЬ

Проза писателя тоже затрагивает местные темы — Пугачёвское восстание («Сокрушитель Пугачёва илецкий казак Иван»), историю возникновения некоторых оренбургских сёл — повесть «Искак» о Татарской Каргале.

Из писем П.М. Кудряшёва П.П. Свьинину 1824, Оренбург

«Тот читал «Отечественные записки», тот знает, что ваше путешествие по Сибири принесёт немалую пользу нам, русским, любящим своё Отечество, о котором некогда мы принуждены были почитать известия почти из одних иностранных источников, большею частью наполненных илом пристрастия и тиную ошибок. Но Сибирь такая страна, о которой говорили Гмелин, Паллас и, наконец, Г. Спасский. Позвольте же побеседовать с вами об одной Оренбургской линии и сопредельных с нею местах. Наша губерния никем или почти никем не описана: я разумею подробное описание, за исключением известного сочинения Рычкова, которое, быть может, было хорошо в своё время, но ныне оно очень недостаточное! Почитаю долгом упомянуть о нескольких любозных предметах, которые, как мне кажется, заслужат и ваше внимание.

Если вы из Оренбурга поедете

к вершинам Урала по линии, то не встретите тут ничего замечательного ни для чувств, ни для воображения. Один предмет, который займет вас, есть Губерлинские горы, отстоящие от Оренбурга в 220-230 верстах; в них очень много хорошей яшмы; но это не собственные слова мои, ибо я совершеннейшею в металлургии и минералогии.

Когда вы приедете в крепость Кизильскую, то можно бы нам отправиться в деревню Сибавей, отстоящую от Кизильской в 20 верстах. В этой деревне живут начальных 6-го башкирского кантона полковой сотник Бектемиров. Он (разумеется, при содействии здешнего г-а военного губернатора) доставит вам такие материалы, которые займут не последние страницы в вашем журнале. У некоторых чиновников, состоящих в 6-м башкирском кантоне, есть грамоты царя Алексея Михайловича и предшественников его. Сии грамоты очень любопытны.

Если вы, милостивый государь, имеете намерение обратить внимание ваше на башкирцев, то низде не можете сделать столь верных наблюдений над этим полукочевым народом, как в деревне Сибавей. Когда вы не будете дорожить временем, то можете в сей деревне провести несколько дней. Тут вы узнаете отличительную характеристику башкирцев, узнаете их нравы, обыкновения, образ жизни, предрассудки и проч. Я не могу утверждать, что песни и сказки башкирцев имеют оттенок поэм Ариостовых, но могу сказать, что в тех и других есть

большое сходство с нашими народными песнями и сказками...

...Отправясь из Магнитной и проехав 60 вёрст по линии, вы будете в уездном городке Верхнеуральске. Здесь нет ничего восхитительного; но зато вы взглянете на величественный Извоз, на дикую каменную сотку — и они на несколько минут займут внимание ваше. Не угодно ли будет взглянуть в архив Верхнеуральской комендантской канцелярии? В ней хранятся многие бумаги, доказывающие ум бывшего оренбургского губернатора Неплюева; прекрасные распоряжения его насчёт устройства здешней линии; политические меры, предпринимаемые к поселянию вражды между киргизцами и башкирцами; словом, в бумагах встречаются многие черты, доказывающие патриотизм сего знаменитого и печетильного начальника, который старался на зыблом основании утвердить и, как можно более, распространить торговлю с Бухарией, Хивой, Персией и известными коммерческими обороты с самою Индией; наконец, в этом же архиве имеется очень много бумаг, из которых можно сделать любопытное извлечение насчёт замешательства произведённого злодеем Пугачёвым...

Сим оканчиваю слабые замечания мои о любопытных предметах; несмотря на обширность этого письма, оно не заключает в себе всего того, что есть замечательного на Оренбургской линии*.

13 октября 1826 г. (Из опубликованного письма)

* (Опубликовано в «Отчественных записках», 1828, часть 35, № 100)

Оренбург наши столь беден учёными людьми, что совершенно не у кого попросить совета насчёт литературных занятий. А потому мне хочется знать, что в повестях моих есть хорошего и что худого, дабы впрёд я мог подражать первому и, по возможности, избежать последнего.

Сверх посылаемых теперь я имею возможность написать ещё несколько исторических повестей: татарскую, мордовскую, чувашскую, черемисскую, даже камчатскую и др....

Размахнин не окончил ещё обещанных вам рисунков, он столько занят по должности своей, что едва имеет время переписать мои Фотелианы. Ах! Если бы вы при «Отчественных записках» издавали прибавления литературные, тогда бы я был ревностным сотрудником Вашим и в течение года ежемесячно присылал бы вам по одной прозаической повести и по целой тетради стихотворных писем.

У меня ещё готова новая стихотворная повесть «Мятежник Пугачёв».

В Оренбурге Кудряшёв сблизился с вольнолюбивой молодёжью из среды офицеров и вскоре стал членом тайного революционного общества декабристского толка, в которое входило более 30 человек, а затем и возглавил его. О существовании этого общества оренбургским властям стало известно из доноса И. Завалиш

лишна (сосланного в Оренбург за донос на родного брата), познакомившегося с некоторыми членами кружка. Одним из первых узнал о доносе, Кудряшёв успел уничтожить компрометирующие его бумаги и предупредить большинство членов общества, поэтому арест писателя 26 апреля 1827 года жандармам ничего не дал. 27 апреля Кудряшёв освобожден, а 9 мая, во время судебного процесса над членами тайного общества, писатель умер. Видимо, ожидание нового ареста и волнения ускорили смерть Кудряшёва, не отличавшегося хорошим здоровьем.

В новом доносе Николаю I И. Завалишнин писал, что «сомнительная и скоростипная смерть аудитора Кудряшёва, случившаяся в то самое время, когда от него зависело открыть виновных и спасти погибавших, по даёт повод к важным обвинениям». Один из участников оренбургского тайного кружка, вначале поверивший И. Завалишнину, В.П. Колесников впоследствии, находясь в сибирской ссылке, написал воспоминания об этих событиях, но книга его мемуаров вышла лишь в 1914 году.

За короткую жизнь Кудряшёвым было создано более 60 произведений. Кроме повестей, поэм, стихотворений, им были написаны научные работы «О предрассудках и суевериях башкирцев», «Простонародные слова, в Оренбургской губернии употребляемые», «История Башкирии».